

Клиффорд Саймак ПРЕЛЕСТЬ

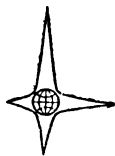

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я

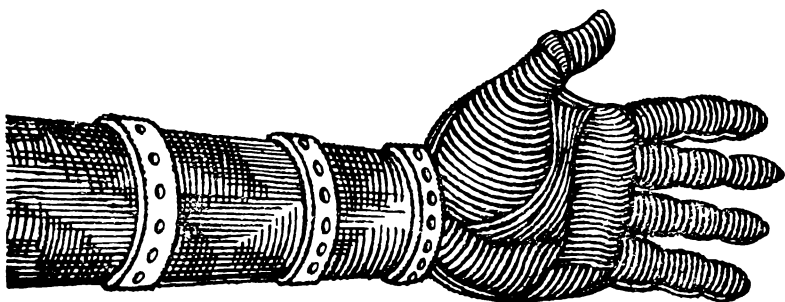
Ф
А
Н
Т
А
С
Т
И
К
А

Один из зачинателей современной американской фантастики Клиффорд Дональд Саймак родился в 1904 году в штате Висконсин. Долгие годы он работал журналистом и редактором в газетах и одновременно писал научно-фантастические романы и рассказы.

Сейчас Саймак по праву считается одним из ведущих американских фантастов. Его произведения, то юмористические, пронизанные весельем, то исполненные щемящей тревоги за судьбы современного человечества, завоевали признание многомиллионной армии любителей фантастики.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«М И Р»

Сборник научно-фантастических рассказов

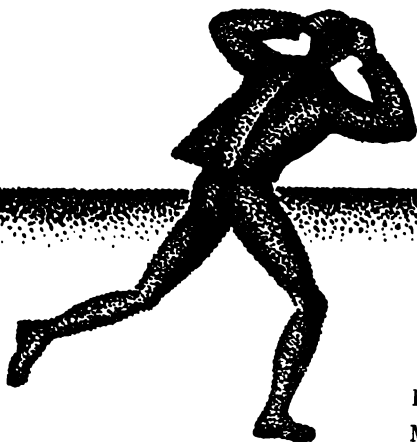
К. Саймак

ПРЕЛЕСТЬ

Перевод с английского

Послесловие

В. И. Дмитриевского

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
МОСКВА 1967

Редактор *С. Майзель*

***Редакция научно-фантастической
и научно-популярной литературы***

Изд. 7—3—4

ПОКОЛЕНИЕ, ДОСТИГШЕЕ ЦЕЛИ

Тишина царила много поколений. Потом тишина кончилась.

Рано утром раздался Грохот.

Разбуженные люди прислушивались к Грохоту, затаившись в своих постелях. Они знали, что когда-нибудь он раздастся. И что этот Грохот будет началом Конца.

Проснулся и Джон Хофф, и Мери Хофф, его жена. Их было только двое в каютке: они еще не получили разрешения иметь ребенка. Чтобы иметь ребенка, нужно было, чтобы для него освободилось место; нужно было, чтобы умер старый Джошуа, и, зная это, они ждали его смерти. Чувствуя свою вину перед ним, они все же про себя молились, чтобы он поскорее умер, и тогда они смогут иметь ребенка.

Грохот прокатился по всему Кораблю. Потом кровать, в которой, затаив дыхание, лежали Джон и Мери, поднялась с пола и привалилась к стене, прижав их к гудящему металлу. Вся остальная мебель — стол, стулья, шкаф — обрушилась с пола на ту же стену и там осталась, как будто стена стала полом, а пол — стеной. Священная Картина свесилась с потолка, который только что тоже был стеной, повисела, раскачиваясь в воздухе, и рухнула вниз.

В этот момент Грохот прекратился и снова наступила тишина. Но уже не та тишина, что раньше: хотя нельзя было явственно различить звуки, но если не слухом, то чутьем можно было уловить, как нарастает мощь машин, вновь пробудившихся к жизни после долгого сна.

Джон Хофф наполовину выполз из-под кровати, уперся руками, приподнял ее спиной и дал выползти жене. Под ногами у них была теперь стена, которая стала полом, а на ней — обломки мебели. Это была не только их мебель: ею пользовались до них многие поколения.

Ибо здесь ничто не пропадало, ничто не выбрасывалось. Таков был закон, один из многих законов: здесь никто не имел права расточать, не имел права выбрасывать. Все, что было, использовалось до последней возможности. Здесь сли необходимое количество пищи — не больше и не меньше; пили необходимое количество воды — не больше и не меньше; одним и тем же воздухом дышали снова и снова. Все отбросы шли в конвертор, где превращались во что-нибудь полезное. Даже покойников — и тех использовали. А за многие поколения, прошедшие с Начала Начал, покойников было немало. Через некоторое время, может быть скоро, покойником станет и Джошуа. Он отдаст свое тело конвертору на пользу товарищам, сполна вернет все, что взял от общества, заплатит свой последний долг — и даст право Джону и Мери иметь ребенка.

«А нам нужно иметь ребенка, — думал Джон, стоя среди обломков, — нам нужно иметь ребенка, которого я научу Читать и которому передам Письмо».

О Чтении тоже был закон. Читать воспрещалось, потому что Чтение было злом. Это зло существовало еще с Начала Начал. Но люди давным-давно, еще во времена Великого Пробуждения, уничтожили его, как и многое другое, и решили, что оно не должно существовать.

Зло он должен передать своему сыну. Так завещал его давно умерший отец, которому он поклялся и теперь должен сдержать клятву. И еще одно завещал ему

отец — беспокойное ощущение того, что закон несправедлив.

Хотя законы всегда были справедливыми. Ибо все они имели какое-то основание. Имел смысл и Корабль, и те, кто населял его, и их образ жизни.

Впрочем, если на то пошло, может быть, ему и не придется никому передавать Письмо. Он сам может оказаться тем, кто должен его вскрыть, потому что на конверте написано: «ВСКРЫТЬ В СЛУЧАЕ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ». А это, возможно, и есть крайняя необходимость, сказал себе Джон Хофф. И Грохот, нарушивший тишину, и стена, ставшая полом, и пол, ставший стеной.

Из других кают доносились голоса: испуганные крики, вопли ужаса, тонкий плач детей.

— Джон, — сказала Мери, — это был Грохот. Теперь скоро Конец.

— Не знаю, — ответил Джон. — Поживем — увидим. Мы ведь не знаем, что такое Конец.

— Говорят... — начала Мери, и Джон подумал, что так было всегда.

Говорят, говорят, говорят...

Все только говорилось; никто ничего не читал, не писал...

И он снова услышал слова, давным-давно сказанные отцом:

— Мозг и память ненадежны; память может перепутать или забыть. Но написанное словоечно и неизменно. Оно не забывает и не меняет своего значения. На него можно положиться.

— Говорят, — продолжала Мери, — что Конец наступит вскоре после Грохота. Звезды перестанут кружиться и остановятся в черном небе, и это будет верным признаком того, что Конец близок.

«Конец чего? — подумал Джон. — Нас? Или Корабля? Или самих звезд? А может быть, Конец всего — и Корабля, и звезд, и великой тьмы, в которой кружат звезды?»

Он содрогнулся, когда представил Конец Корабля или людей, — не столько из-за них самих, сколько из-за того, что тогда придет конец и замечательному, так хорошо придуманному, такому размеренному порядку, в котором они жили. Просто удивительно: ведь людям всегда всего хватало, и никогда не было ничего лишнего. Ни воды, ни воздуха, ни самих людей, потому что никто не мог иметь ребенка, прежде чем кто-нибудь не умрет и не освободит для него место.

В коридоре слышались торопливые шаги, возбужденные голоса, и кто-то забарабанил в дверь, крича:

— Джон! Джон! Звезды остановились!

— Я так и знала! — воскликнула Мери. — Я же говорила, Джон. Все так, как было предсказано.

Кто-то стучал в дверь.

И дверь была там, где она должна была быть, там, где ей полагалось быть, чтобы через нее можно было выйти прямо в коридор, вместо того чтобы подниматься по лестнице, теперь бесцельно висящей на стене, которая раньше была полом.

Почему я не подумал об этом раньше, спросил он себя. Почему я не видел, что это глупо: подниматься к двери, которая открывается в потолок? А может быть, подумал он, так и должно было быть всегда? Может быть, то, что было до сих пор, было неправильно? Но, значит, и законы могли быть неправильными...

— Иду, Джо, — сказал Джон.

Он шагнул к двери, открыл ее и увидел: то, что было раньше стеной коридора, стало полом; двери выходили туда прямо из кают, и взад и вперед по кори-

дору бегали люди. И он подумал: теперь можно снять лестницы, раз они не нужны. Можно спустить их в конвертор, и у нас будет такой запас, какого еще никогда не было.

Джо схватил его за руку и сказал:

— Пойдем.

Они пошли в наблюдательную рубку. Звезды стояли на месте.

Все было так, как предсказано. Звезды были неподвижны.

Это пугало, потому что теперь было видно, что звезды — не просто кружащиеся огни, которые движутся на фоне гладкого черного занавеса. Теперь было видно, что они висят в пустоте; от этого дух захватывало, начинало сосать под ложечкой. Хотелось крепче схватиться за поручни, чтобы удержаться в равновесии на краю головокружительной бездны.

В этот день не было игр, не было прогулок, не было шумного веселья в зале для развлечений. Везде собирались кучки возбужденных, напуганных людей. Люди молились в церкви, где висела самая большая Священная Картина, изображавшая Дерево, и Цветы, и Реку, и Дом вдалеке, и Небо с Облаками, и Ветер, которого не было видно, но который чувствовался. Люди убирали и приводили в порядок на ночь каюты, вешали на место Священные Картины — самое дорогое достояние каждой семьи, — снимали лестницы.

Мери Хофф вытащила Священную Картину из кучи обломков на полу. Джон, стоя на стуле, прилаживал ее к стене, которая раньше была полом, и размышлял, как это получилось, что каждая Священная Картина

немного отлпчается от других. Это впервые пришло ему в голову.

На Священной Картине Хоффов тоже было Дерево, и еще были Овцы под Деревом, и Изгородь, и Ручей, а в углу — несколько крохотных Цветов. Ну, и, конечно, Трава, уходившая вдаль до самого Неба.

Когда Джон повесил Картину, а Мери ушла в соседнюю каюту посудачить с другими перепуганными женщинами, он пошел по коридору, стараясь, чтобы его походка казалась беззаботной, чтобы никто не заметил, как он спешит.

А он спешил: неожиданная для него самого необыкновенная торопливость, как сильная рука, толкала его вперед.

Он старательно притворялся, будто ничего не делает, просто убивает время. И это было легко, потому что он только это и делал всю жизнь; и никто ничего другого не делал. За исключением тех — счастливых или неудачников, — у которых была работа, переданная по наследству: уход за скотом, за птицей или за гидропонными оранжереями.

Но большинство из них, думал Джон, медленно шагая вперед, всю жизнь только и делали, что искусно убивали время. Как они с Джо с их бесконечными шахматами и аккуратной записью каждого хода и каждой партии. Многие часы они проводили, анализируя свою игру по этим записям, тщательно комментируя каждый решающий ход. А почему бы и нет, спросил он себя. Почему не записывать и не комментировать игру? Что еще делать? Что еще?

В коридоре уже никого не было и стало темнее, потому что здесь горели только редкие лампочки. В течение многих лет лампочки из коридоров переставляли в каюты, и теперь их здесь почти не осталось.

Он подошел к наблюдательной рубке, нырнул в нее и притаился, внимательно осматривая коридор. Он ждал, — а вдруг кто-нибудь станет следить за ним, — хотя и знал, что никого не будет; но все-таки вдруг кто-то появится, — рисковать он не мог.

Однако позади никого не было, и он пошел дальше, к сломанному эскалатору, который вел на центральные этажи. И здесь тоже было что-то новое. Раньше, поднимаясь с этажа на этаж, он все время терял вес, двигаться становилось все легче, он скорее плыл, чем шел, к центру Корабля. На этот раз потери веса не было, плыть не удавалось. Он тащился, преодолевая один неподвижный эскалатор за другим, пока не миновал все шестнадцать палуб.

Теперь он шел в темноте, потому что здесь все лампочки были вывернуты или перегорели за эти долгие годы. Он поднимался на ощупь, держась за перила. Наконец он добрался до нужного этажа. Это была аптека; у одной из стен стоял шкаф для медикаментов. Он отыскал нужный ящик, открыл его, сунул туда руку и вытащил три вещи, которые, как он знал, были там: Письмо, Книгу и лампочку. Он провел рукой по стене, вставил в патрон лампочку; в крохотной комнате зажегся свет и осветил пыль, покрывавшую пол, умывальник с тазом и пустые шкафы с открытыми дверцами.

Он повернул Письмо к свету и прочел слова, напечатанные на конверте прописными буквами: «ВСКРЫТЬ В СЛУЧАЕ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ».

Некоторое время он стоял в раздумье. Раздался Грохот. Звезды остановились. Да, это и есть тот случай, подумал он, случай крайней необходимости. Ведь было предсказано: когда раздастся Грохот и звезды

остановятся, значит, Конец близок. А когда Конец близок, это и есть крайний случай.

Он держал Письмо в руке, он колебался. Если он вскроет его, все будет кончено. Больше не будет передаваться от отца к сыну ни Письмо, ни Чтение. Вот она — минута, ради которой Письмо прошло через руки многих поколений.

Он медленно перевернул Письмо и провел ногтем по запечатанному краю. Высохший воск треснул, и конверт открылся.

Он вынул Письмо, развернул его на столике под лампочкой и стал читать, шевеля губами и шепотом произнося слова, как человек, с трудом отыскивающий их значение по древнему словарю.

«Моему далекому потомку.

Тебе уже сказали — и ты, наверное, веришь, что Корабль — это жизнь, что началом его был Миф, а концом будет Легенда, что это и есть единственная реальность, в которой не нужно искать ни смысла, ни цели.

Я не стану пытаться рассказывать тебе о смысле и назначении Корабля, потому что это бесполезно: хотя мои слова и будут правдивыми, но сами по себе они бессильны против извращения истины, которое к тому времени, когда ты это прочтешь, может уже стать религией.

Но у Корабля есть какая-то цель, хотя уже сейчас, когда я пишу, цель эта потеряна, а, по мере того как Корабль будет двигаться своим путем, она окажется не только потерянной, но и похороненной под грузом всевозможных разъяснений.

Когда ты будешь это читать, существование Корабля и людей в нем будет объяснено, но эти объяснения не будут основаны на знаниях.

Чтобы Корабль выполнил свое назначение, нужны знания. И эти знания могут быть получены. Я, который буду уже мертв, чье тело превратится в давно съеденное растение, в давно сношенный кусок ткани, в молекулу кислорода, в щепотку удобрения, — я сохранил эти знания для тебя. На втором листке Письма ты найдешь указание, как их приобрести.

Я завещаю тебе овладеть этими знаниями и использовать их, чтобы жизнь и мысль людей, отправивших Корабль, и тех, кто управлял им и кто сейчас живет в его степенях, не пропали зря, чтобы мечта человека не умерла где-то среди далеких звезд.

К тому времени, когда ты это прочтешь, ты будешь знать еще лучше меня: ничто не должно пропасть, ничто не должно быть истрачено зря, все запасы нужно беречь и хранить на случай будущей нужды. А если Корабль не выполнит своего назначения, не достигнет цели, то это будет огромное, невообразимое расточительство. Это будет означать, что зря потрачены тысячи жизней, пропали знания и надежды.

Ты не узнаешь моего имени, потому что к тому времени, когда ты это прочтешь, оно исчезнет вместе с ручкой, что сейчас держит перо. Но мои слова будут жить, а в них — мои знания и мой завет.

Твой предок».

Подписи Джон разобрать не смог. Он уронил Письмо на пыльный столик. Слова Письма, как молот, оглушили его.

Корабль, началом которого был Миф, а концом будет Легенда. Но письмо говорило, что это ложь. Была цель, было назначение.

Назначение... Что это такое? Книга, вспомнил он. Книга скажет, что такое назначение.

Дрожащими руками он вытащил книгу из ящика, открыл ее на букве «н» и неверным пальцем провел по столбцам: «Наземный... назидание... назначать... назначение...»

«Назначение (сущ.) — место, куда что-л. посылается, направляется; предполагаемая цель путешествия».

Значит, Корабль имеет назначение. Корабль куда-то направлялся. Придет день, когда он достигнет цели. И, конечно, это и будет Конец.

Корабль куда-то направляется. Но как? Неужели он движется?

Джон недоверчиво покачал головой. Этому невозможно верить. Ведь движется не Корабль, а звезды. Должно быть какое-то другое объяснение, подумал он.

Он поднял второй листок Письма и прочел его, но понял плохо: он устал, и в голове у него все путалось. Он положил Письмо, Книгу и лампочку обратно в ящик.

Потом закрыл ящик и выбежал из комнаты.

На нижнем этаже не заметили его отсутствия, и он ходил среди людей, стараясь снова стать одним из них, спрятать свою неожиданную наготу под покровом доброго товарищества, но таким, как они, он уже не был.

И все это было результатом знания — ужасного знания того, что Корабль имеет цель и назначение, что он откуда-то вылетел и куда-то направляется и, когда

он туда придет, это будет Конец, но не людей, не Корабля, а просто путешествия.

Он вышел в зал и остановился в дверях. Джо играл в шахматы с Питом, и Джон внезапно загорелся гневом при мысли, что Джо играет с кем-то еще, потому что Джо уже много-много лет играл только с ним. Но гнев быстро остыл, Джон посмотрел на фигурки и в первый раз увидел их по-настоящему — увидел, что это просто резные кусочки дерева и что им нет места в его новом мире Письма и цели.

Джордж сидел один и играл в солитер. Кое-кто играл в покер на металлические кружочки, которые все звали деньгами, хотя почему именно деньгами — никто сказать не мог. Говорили, что это просто их название, как Корабль было название Корабля, а звезды назывались звездами. Луиза и Ирма сидели в углу и слушали старую, почти совсем заигранную пластинку. Резкий, сдавленный женский голос пел на весь зал:

Мой любимый к звездам уплыл,
Он не скоро вернется назад...

Джон вошел, и Джордж поднял глаза от доски.

— Мы тебя искали.

— Я ходил гулять, — ответил Джон. — Далеко — на центральные этажи. Там все наоборот. Теперь они вверх, а не внутри. Всю дорогу приходится подниматься.

— Звезды весь день не двигались, — заметил Джордж.

Джо повернулся к нему и сказал:

— Они больше не будут двигаться. Так сказано. Это — начало Конца.

— А что такое Конец? — спросил Джо.

— Не знаю, — ответил Джо и вернулся к игре.

Конеч, подумал Джон. И никто из них не знает, что такое Конеч, так же как они не знают, что такое Корабль, или деньги, или звезды.

— Сегодня мы собираемся, — сказал Джордж.

Джон кивнул. Он так и думал, что все соберутся. Соберутся, чтобы почувствовать облегчение, уют и безопасность. Будут снова рассказывать Миф и молиться перед Картиной. «А я? — спросил он себя. — А я?»

Он резко повернулся и вышел в коридор. Лучше бы не было никакого Письма и никакой Книги, потому что тогда он был бы одним из них, а не одиночкой, мучительно думающим, где же правда — в Мифе или в Письме?

Он разыскал свою каюту и вошел. Мери лежала на кровати, подложив под голову подушки; тускло светила лампа.

— Наконец-то, — произнесла она.

— Я прогуливался, — сказал Джон.

— Ты прогулял обед, — заметила Мери. — Вот он.

Он увидел обед на столе, придвинул стул и сел.

— Спасибо.

Мери зевнула.

— День был утомительный, — сказала она. — Все так возбуждены. Сегодня собираемся.

На обед были протеиновые дрожжи, шпинат с горохом, толстый кусок хлеба и миска супа с грибами и травами. И бутылочка воды, строго отмеренной. Наклонившись над миской, он хлебал суп.

— Ты совсем не волнуешься, дорогой. Не так, как все.

Он поднял голову и посмотрел на нее. Вдруг он подумал: а что, если сказать ей? Но тут же отогнал эту мысль, боясь, что в своем стремлении поделиться с кем-нибудь он в конце концов расскажет ей все. Нужно

следить за собой, подумал он. Если он расскажет, то это будет объявлено ересью, отрицанием Мифа и Легенды. И тогда она, как и другие, отшатнется от него и он увидит в ее глазах отвращение.

Сам он — дело другое: почти всю жизнь он прожил на грани ереси, с того самого дня, как отец сказал ему про Книгу. Потому что сама Книга уже была ересью.

— Я думаю, — сказал он, и она спросила:

— О чем тут думать?

И, конечно, это была правда. Думать было не о чем. Все объяснено, все в порядке. Миф говорил о Начале Начал и о Начале Конца. И думать не о чем, абсолютно не о чем.

Когда-то был хаос, и вот из него родился порядок в образе Корабля, а снаружи остался хаос. Только внутри Корабля был и порядок, и закон, вернее, много законов: не расточай, не возжелай, и все остальные. Когда-нибудь настанет Конец, но, каков будет этот Конец, остается тайной, хотя еще есть надежда, потому что на Корабле есть Священные Картины и они — символ этой надежды. Ведь на картинах запечатлены символические образы иных мест, где царит порядок (наверное, еще больших кораблей), и все эти символические образы снабжены названиями: Дерево, Ручей, Небо, Облака и все остальное, чего никогда не видишь, но чувствуешь, например Ветер и Солнечный Свет.

Начало Начал было давным-давно, так много поколений назад, что рассказы и легенды о могущественных людях тех далеких эпох были вытеснены из памяти другими людьми, тени которых все еще смутно рисовались где-то позади.

— Я сначала испугалась, — сказала Мери, — но теперь я больше не боюсь. Все происходит так, как было

сказано, и мы ничего не можем сделать. Мы только знаем, что это все — к лучшему.

Джон продолжал есть, прислушиваясь к шагам и голосам в коридоре. Теперь эти шаги уже не были такими поспешными, а в голосах не звучал ужас. «Немного же им понадобилось, — думал он, — чтобы привыкнуть. Их Корабль перевернулся вверх ногами — и все же это к лучшему».

А вдруг в конце концов правы они, а Письмо лжет?

С какой радостью он подошел бы к двери, окликнул кого-нибудь из проходивших мимо и поговорил бы об этом! Но на всем Корабле не было никого, с кем бы он мог поговорить. Даже с Мери. Разве что с Джошуа.

Он продолжал есть, думая о том, как Джошуа возится со своими растениями в гидропонных оранжереях.

Еще мальчишкой он ходил туда вместе с другими ребятами: Джо, и Джордж, и Херб, и все остальные. Джошуа был тогда человеком средних лет, у него всегда была в запасе интересная история или умный совет, а то и тайно сорванный помидор или редиска для голодного мальчишки. Джон помнил, что Джошуа всегда говорил мягким, добрым голосом и глаза у него были честные, а его чутьчку грубоватое дружелюбие внушало симпатию.

Джон подумал, что уже давно не видел Джошуа. Может быть, потому, что чувствовал себя виноватым перед ним...

Но Джошуа мог понять и простить вину.

Однажды он понял. Они с Джо как-то прокрались в оранжерею за помидорами, а Джошуа поймал их и долго говорил с ними. Они с Джо дружили еще с пеленок. Они всегда были вместе. Если случалась ка-

кая-нибудь шалость, они обязательно были в нее замешаны.

Может быть, Джо... Джон покачал головой. Только не Джо. Пусть он его лучший друг, пусть они друзья детства и остались друзьями, когда поженились, пусть они больше двадцати лет играют друг с другом в шахматы, — все-таки Джо не такой человек, которому можно это рассказать.

— Ты все еще думаешь, дорогой? — сказала Мери.

— Кончаю, — ответил Джон. — Теперь расскажи мне, что ты сегодня делала.

Она поведала ему, что сказала Луиза, и что сказала Джейн, и какие глупости говорила Молли. И какие ходили странные слухи, и как все боялись, и как понемногу успокоились, когда вспомнили, что все к лучшему.

— Наша Вера, — сказала она, — большое утешение в такое время.

— Да, — сказал Джон, — действительно большое утешение.

Она встала с кровати.

— Пойду к Луизе. Ты остаешься здесь?

Она нагнулась и поцеловала его.

— Я погуляю до собрания, — сказал Джон.

Он кончил есть, медленно выпил воду, смакуя каждую каплю, и вышел.

Он направился к оранжереям. Джошуа был там. Он немного постарел, немного поседел, чуть больше хромал, но вокруг его глаз были те же добрые морщины, а на лице — та же неспешная улыбка. И встретил он Джона той же старой шуткой:

— Опять пришел помидоры воровать?

— На этот раз нет.

— Ты тогда был с другим парнем.

— Его звали Джо.

— Да, теперь я вспомнил. Я иногда забываю. Старею и начинаю забывать. — Он спокойно улыбнулся. — Немного мне теперь осталось. Вам с Мери не придется долго ждать.

— Сейчас это не так уж важно, — сказал Джон.

— А я боялся, что ты ко мне теперь уже не придешь.

— Но таков закон, — сказал Джон. — Ни я, ни вы, ни Мери тут ни при чем. Закон справедлив. Мы не можем его изменить.

Джошуа дотронулся до руки Джона.

— Посмотри на мои новые помидоры. Лучшие из всех, что я вырастил. Уже совсем спели.

Он сорвал один, самый спелый и красный, и протянул Джону. Джон взял его в руки и почувствовал гладкую, теплую кожицу и под ней — переливающийся сок.

— Они вкуснее всего прямо с куста. Попробуй.

Джон поднес помидор ко рту, вонзил в него зубы и проглотил сочную мякоть.

— Ты что-то хотел сказать, парень?

Джон помотал головой.

— Ты так и не был у меня, с тех пор как узнал, — сказал Джошуа. — Это потому, что ты считал себя виноватым: ведь я должен умереть, чтобы вы могли иметь ребенка. Да, это тяжело — и для вас тяжелее, чем для меня. И ты бы не пришел, если бы не произошло что-то важное.

Джон не ответил.

— А сегодня ты вспомнил, что можешь поговорить со мной. Ты часто приходил поговорить со мной, потому что помнил наш первый разговор, когда ты был еще мальчишкой.

— Я тогда нарушил закон, — сказал Джон, — я пришел воровать помидоры. И вы поймали нас с Джо.

— А я нарушил закон сейчас, — сказал Джошуа, — когда дал тебе этот помидор. Это не мой помидор и не твой. Я не должен был его давать, а ты не должен был его брать. Но я нарушил закон потому, что закон основан на разуме, а от одного помидора разум не пострадает. Каждый закон должен иметь разумный смысл, иначе он не нужен. Если смысла нет, то закон не прав.

— Но нарушать закон нельзя.

— Послушай, — сказал Джошуа. — Помнишь сегодняшнее утро?

— Конечно.

— Посмотри на эти рельсы — рельсы, идущие по стене.

Джон посмотрел и увидел рельсы.

— Эта стена до сегодняшнего утра была полом.

— А как же стеллажи? Ведь они...

— Вот именно. Так я и подумал. Это первое, о чем я подумал, когда меня выбросило из постели. Мои стеллажи! Мои чудные стеллажи, висящие там, на стене, прикрепленные к полу! Ведь вода выльется из них, и растения вывалятся, и все химикаты зря пропадут! Но так не случилось.

Он протянул руку и ткнул Джона пальцем в грудь.

— Так не случилось, и не из-за какого-нибудь определенного закона, а по разумной причине. Посмотри под ноги, на пол.

Джон посмотрел на пол и увидел там рельсы — продолжение тех, что шли по стене.

— Стеллажи прикреплены к этим рельсам, — продолжал Джошуа. — А внутри у них — ролики. И, когда пол стал стеной, стеллажи скатились по рельсам на стену, ставшую полом, и все было в порядке.

Пролилось немного воды, и пострадало несколько растений, но очень мало.

— Так было задумано, — сказал Джон. — Корабль...

— Чтобы закон был справедлив, — продолжал Джошуа, — он должен иметь разумное основание. Здесь было основание и был закон. Но закон — это только напоминание, что не нужно идти против разума. Если бы было только основание, мы бы могли его забыть, или отрицать, или сказать, что оно устарело. Но закон имеет власть, и мы подчиняемся закону там, где могли бы не подчиниться разуму. Закон говорил, что рельсы на стене — то есть на бывшей стене — нужно чистить и смазывать. Иногда я думал, зачем это, и казалось, что этот закон не нужен. Но это был закон — и мы слепо ему подчинялись. А когда раздался Грохот, рельсы были начищены и смазаны и стеллажи скатились по ним. Им ничто не помешало, а могло бы помешать, если бы мы не следовали закону. Потому что, следуя закону, мы следовали разуму, а главное — разум, а не закон.

— Вы хотите мне этим что-то доказать, — сказал Джон.

— Я хочу тебе доказать, что мы должны слепо следовать закону, до тех пор пока не узнаем его основание. А когда узнаем — если мы когда-нибудь узнаем — его основание и цель, тогда мы должны решить, насколько они справедливы. И если они окажутся плохими, мы так и должны смело сказать. Потому что если плоха цель, то плох и закон: ведь закон — это всего-навсего правило, помогающее достигнуть какой-то цели.

— Цели?

— Конечно, цели. Должна же быть какая-то цель. Такая хорошо придуманная вещь, как Корабль, должна иметь цель.

— Сам Корабль? Вы думаете, Корабль имеет цель? Но говорят...

— Я знаю, что говорят. «Все, что ни случается, к лучшему». — Он покачал головой. — Цель должна быть даже у Корабля. Когда-то давно, наверное, эта цель была простой и ясной. Но мы забыли ее. Должны быть какие-то факты, знания...

— Знания были в книгах, — сказал Джон. — Но книги сожгли.

— Кое-что в них было неверно, — сказал старик. — Или казалось неверным. Но мы не можем судить, что верно, а что неверно, если у нас нет фактов, а я сомневаюсь, что эти факты были. Там были другие причины, другие обстоятельства. Я одинокий человек. У меня есть работа, а заходят сюда редко. Меня не отвлекают сплетни, которыми полон Корабль. И я думаю. Я много передумал. Я думал о нас и о Корабле. И о законах, и о цели всего этого. Я размышлял о том, почему растут растения и почему для этого нужны вода и удобрения. Я думал, зачем мы должны включать свет на столько-то часов, — разве в лампах есть что-то такое, что нужно растениям? Но, если не включать их, растение погибает. Значит, растениям необходимы не только вода и удобрения, но и лампы. Я думал, почему помидоры всегда растут на одних кустах, а огурцы — на других. На огурце никогда не вырастет помидор, и этому должна быть какая-то причина. Даже для такого простого дела, как выращивание помидоров, пужно знать массу фактов. А мы их не знаем. Мы лишены знания. Я думал: почему загораются лампы, когда повернешь выключатель. И что происходит в нашем теле с пищей? Как твое тело использует помидор, который ты только что съел? Почему нужно есть, чтобы жить? Зачем нужно спать? Как мы учимся говорить?

— Я никогда обо всем этом не думал, — сказал Джон.

— А ты вообще никогда не думал, — ответил Джошуа. — Во всяком случае, почти никогда.

— Никто не думает, — сказал Джон.

— В том-то и беда, — сказал старик. — Никто никогда не думает. Все просто убивают время. Они не ищут причин. Они даже ни о чем не задумываются. Что бы ни случилось — все к лучшему, и этого с них хватает.

— Я только что начал думать, — сказал Джон.

— Ты что-то хотел у меня спросить, — сказал старик. — Зачем-то ты все же ко мне пришел.

— Теперь это неважно, — сказал Джон. — Вы мне уже ответили.

Он пошел обратно между стеллажами, ощущая аромат тянувшихся вверх растений, слыша журчание воды в насосах. Он шел длинными коридорами, где в окнах наблюдательных рубок светили неподвижные звезды.

Основание, сказал Джошуа. Есть и основание, и цель. Так говорилось в Письме — основание и цель. И, кроме правды, есть еще неправда, и, чтобы их различить, нужно кое-что знать.

Он расправил плечи и зашагал вперед.

Когда он подошел к церкви, собрание давно уже было в разгаре; он тихо скользнул в дверь, нашел Мери и встал рядом с ней. Она взяла его под руку и улыбнулась.

— Ты опоздал, — прошептала она.

— Виноват, — отвечал он шепотом. Они стояли рядом, взявшись за руки, глядя, как мерцают две большие свечи по бокам огромной Священной Картины,

Джон подумал, что раньше она никогда не была так хорошо видна; он знал, что свечи зажигают только по случаю важных событий.

Он узнал людей, которые сидели под Картиной, — своего друга Джо, Грега и Фрэнка. И он был горд тем, что Джо, его друг, был одним из троих, кто сидел под Картиной, потому что для этого нужно было быть набожным и примерным.

Они только что прочли о Начале Начал, и Джо встал и повел рассказ про Конец.

«Мы движемся к Концу. Мы увидим знаки, которые будут предвещать Конец, но о самом Конце никто не может знать, ибо он скрыт...»

Джон почувствовал, как Мери пожала ему руку, и ответил тем же. В этом пожатии он почувствовал утешение, которое дают жена, и Вера, и ощущение Братства всех людей.

Когда он ел обед, оставленный для него Мери, она сказала, что Вера — большое утешение. И это была правда. Вера была утешением. Она говорила, что все хорошо, что все к лучшему. Что даже Конец — тоже к лучшему.

А им нужно утешение, подумал он. Больше всего на свете им нужно утешение. Они так одиноки, особенно теперь, когда звезды остановились и сквозь окна видна пустота, окружающая их. Они еще более одиноки, потому что не знают цели, не знают ничего, хотя и утешаются знанием того, что все к лучшему.

«...Раздастся Грохот, и звезды прекратят свое движение и будут висеть, одинокие и яркие, в глубине тьмы, той вечной тьмы, которая охватывает все, кроме людей в Корабле...»

Вот оно, подумал Джон. Вот оговорка, которая их утешает. Сознание того, что только они одни укрыты

и защищены от вечной ночи. А впрочем, откуда взялось это сознание? Из какого источника? Из какого откровения? И он выругал себя за эти мысли, которые не должны появляться во время собрания в церкви.

Он как Джошуа, сказал он себе. Он сомневается во всем. Думает о таких вещах, которые всю жизнь принимал на веру, которые принимали на веру все поколения.

Он поднял голову и посмотрел на Священную Картину — на Дерево, и на Цветы, и на Реку, и на Дом вдалеке, и на Небо с Облаками; Ветра не было видно, но он чувствовался.

Это было красиво. На Картине он видел такие цвета, каких нигде не видел, кроме как на Священных Картинах. Где же такое место, подумал он. А может, это только символ, только воплощение того лучшего, что заключено в людях, только изображение мечты всех запертых в Корабле?

Запертых в Корабле! Он даже задохнулся от такой мысли. Запертых! Они ведь не заперты, а защищены, укрыты от всяких бед, от всего, что таится во тьме вечной ночи. Он склонил голову в молитве, сокрушаясь и раскаиваясь. Как это ему только могло прийти в голову!

Он почувствовал руку Мери в своей и подумал о ребенке, которого они смогут иметь, когда Джошуа умрет. Он подумал о шахматах, в которые он всегда играл с Джо. О долгих, темных ночах, когда рядом с ним была Мери.

Он подумал о своем отце, и снова слова давно умершего застучали у него в голове. И он вспомнил о Письме, в котором говорилось о знаниях, о назначении, о цели.

Что же мне делать, спросил он себя. По какой дороге идти? Что значит Конец?

Считая двери, он нашел нужную и вошел. В комнате лежал толстый слой пыли, но лампочка еще горела. На противоположной стене была дверь, о которой говорилось в Письме: дверь с циферблатом посередине. «Сейф», — было сказано в Письме.

Он подошел к двери, оставляя следы в пыли, и встал перед ней на колени. Стер рукавом пыль и увидел цифры. Он положил Письмо на пол и взялся за стрелку. «Поверни стрелку сначала на 6, потом на 15, обратно на 8, потом на 22 и, наконец, на 3». Он аккуратно все выполнил и, повернув ручку в последний раз, услышал слабый щелчок открывающегося замка.

Он взялся за ручку и потянул. Дверь медленно открылась: она оказалась очень тяжелой. Войдя внутрь, он включил свет. Все было так, как говорило Письмо. Там стояла кровать, рядом с ней — машина, а в углу — большой стальной ящик.

Воздух был спертый, но не пыльный: комната не соединялась с системой кондиционирования воздуха, которая в течение веков разнесла пыль по всем другим комнатам.

Стоя там в одиночестве, при ярком свете лампы, освещавшей кровать, и машину, и стальной ящик, он почувствовал ужас, леденящий ужас, от которого вздрогнул, хотя и старался стоять прямо и уверенно, — остаток страха, унаследованного от многих поколений, закосневших в невежестве и безразличии.

Знания боялись, потому что это было зло. Много лет назад так решили те, кто решал за людей, и они придумали закон против Чтения и сожгли книги.

А Письмо говорило, что знания необходимы.

И Джошуа, стоя у стеллажа с помидорами, среди других стеллажей с тянущимися вверх растениями, сказал, что должно быть основание и что знания раскроют его.

Но их было только двое, Письмо и Джошуа, против всех остальных, против решения, принятого много поколений назад.

Нет, возразил он сам себе, не только двое, а еще мой отец, и его отец, и отец его отца, и все отцы перед ним, которые передавали друг другу Письмо, Книгу и искусство Чтения. И он знал, что он сам, если бы он имел ребенка, передал бы ему Письмо и Книгу и научил бы его читать. Он представил себе эту картину: они вдвоем, притаившись в каком-нибудь углу, при тусклом свете лампы разбираются в том, как из букв складываются слова, нарушая закон, продолжая еретическую цепь, протянувшуюся через многие поколения.

И вот наконец результат: кровать, машина и большой стальной ящик. Вот наконец то, к чему все это привело.

Он осторожно подошел к кровати, как будто там могла быть ловушка. Он пощупал ее — это была обычная кровать.

Повернувшись к машине, он внимательно осмотрел ее, проверил все контакты, как было сказано в Письме, отыскал шлем, нашел выключатели. Обнаружив два отошедших контакта, он поджал их. Наконец после некоторого колебания включил первый тумблер, как было сказано в инструкции, и загорелась красная лампочка.

Итак, он готов.

Он сел на кровать, взял шлем и плотно надел его на голову. Потом лег, протянул руку, включил второй тумблер — и услышал колыбельную.

Колыбельную песню, мелодию, зазвучавшую у него в голове, — и он почувствовал легкое покачивание и подступающую дремоту.

Джон Хофф уснул.

Он проснулся и ощутил в себе знания.

Он медленно оглядывался, с трудом узнавая комнату, стену без Священной Картины, незнакомую машину, незнакомую толстую дверь, шлем на голове.

Он снял шлем и, держа его в руке, наконец-то понял, что это такое. Понемногу, с трудом он вспомнил все: как нашел комнату, как открыл ее, как проверил машину и лег на кровать в шлеме.

Он знал, где он и почему он здесь. И многое другое. Знал то, чего не знал раньше. И то, что он теперь знал, напугало его.

Он уронил шлем на колени и сел, вцепившись в края кровати.

Космос! Пустота. Огромная пустота с рассеянными в ней сверкающими солнцами, которые назывались звездами. И через это пространство, сквозь расстояния, такие безмерно великие, что их нельзя было мерить милями, а только световыми годами, неслась вещь, которая называлась корабль — не Корабль с большой буквы, а просто корабль, один из многих.

Корабль с планеты Земля — не с самого солнца, не со звезды, а с одной из многих планет, кружившихся вокруг звезды.

Не может быть, сказал он себе. Этого просто не может быть. Ведь Корабль не движется. Не может быть космоса. Не может быть пустоты. Мы не можем быть крохотной точкой, странствующей пылинкой, затеря-

ной в огромной пустоте, почти невидимой рядом со звездами, сверкающими в окнах.

Потому что если это так, то мы ничего не значим. Мы просто случайный факт во Вселенной. Меньше, чем случайный факт. Меньше, чем ничто. Шальная капелька странствующей жизни, затерянная среди бесчисленных звезд.

Он спустил ноги с кровати и сел, уставившись на машину.

Знания хранятся там, подумал он. Так было сказано в Письме, знания, записанные на мотках пленки, знания, которые вбиваются, внушаются, внедряются в мозг спящего человека.

И это только начало, только первый урок. Это только первые крупинцы старых, мертвых знаний, собранных давным-давно, знаний, хранившихся на черный день, спрятанных от людей. И эти знания — его. Они здесь, на пленке, в шлеме. Они принадлежат ему — бери и пользуйся. А для чего? Ведь знания были бы ненужными, если бы не имели цели.

И истинны ли они? Вот в чем вопрос. Истинны ли эти знания? А как узнать истину? Как распознать ложь?

Конечно, узнать нельзя. Пока нельзя. Знания проверяются другими знаниями. А он знает пока еще очень мало. Больше, чем кто бы то ни было на Корабле за долгие годы, но все же так мало. Ведь он знает, что где-то должно быть объяснение звезд, и планет, кружащихся вокруг звезд, и пространства, в котором находятся звезды, и Корабля, который несется среди этих звезд.

Письмо говорило о цели и назначении, и он должен это узнать — цель и назначение.

Он положил шлем на место, вышел из комнаты, за-

пер за собой дверь и запагал чуть более уверенно, но все же чувствуя за собой гнетущую вину. Потому что теперь он нарушил не только дух, но и букву закона — и нарушил во имя цели, которая, как он подозревал, уничтожит закон.

Он спустился по длинным эскалаторам на нижний этаж. В зале он нашел Джо, сидевшего перед доской с расставленными фигурами.

— Где ты был? — спросил Джо. — Я тебя ждал.

— Так, гулял, — сказал Джон.

— Ты уже три дня «так гуляешь», — сказал Джо и насмешливо посмотрел на него. — Помнишь, какие штуки мы в детстве выкидывали? Воровали и все такое...

— Помню, Джо.

— У тебя всегда перед этим бывал такой чудной вид. И сейчас у тебя тот же чудной вид.

— Я ничего не собираюсь выкидывать, — сказал Джон. — Я ничего не ворую.

— Мы много лет были друзьями, — сказал Джо. — У тебя есть что-то на душе.

Джон посмотрел на него и попытался увидеть мальчишку, с которым они когда-то играли. Но мальчишки не было. Был человек, который сидел под Картиной во время собраний, который читал про Конец, — набожный, примерный.

Он покачал головой.

— Нет, Джо, ничего.

— Я только хотел помочь.

Но, если бы он узнал, подумал Джон, он бы не захотел помочь. Он посмотрел бы на меня с ужасом, донес бы на меня в церкви, первый закричал бы о ереси. Ведь это и есть ересь, сомнений быть не может. Это значило отрицать Миф, отнять у людей спокойствие

незнания, опровергнуть веру в то, что все к лучшему; это значило, что они больше не должны сидеть сложа руки и полагаться на Корабль.

— Давай сыграем, — решительно сказал он.

— Значит, так, Джон? — спросил Джо.

— Да, так.

— Ну, твой ход.

Джон пошел с ферзевой пешки. Джо устался на него.

— Ты же всегда ходишь с королевской.

— Я передумал. Мне кажется, что такой дебют лучше.

— Как хочешь, — сказал Джо.

Они сыграли, и Джо без труда выиграл.

Целые дни Джон проводил на кровати со шлемом на голове: убаюканный колыбельной, он пробуждался с новыми знаниями. Наконец он узнал все.

Он узнал о Земле и о том, как земляне построили Корабль и послали его к звездам, и понял то стремление к звездам, которое заставило людей построить такой Корабль.

Он узнал, как подбирали и готовили экипаж, узнал о тщательном отборе предков будущих колонистов и о биологических исследованиях, которые определили их спаривание, с тем чтобы сороковое поколение, которому предстояло достигнуть звезд, было отважной расой, готовой встретить все трудности.

Он узнал и об обучении, о книгах, которые должны были сохранить знания, и получил некоторое представление о психологической стороне всего проекта.

Но что-то оказалось неладно. И не с Кораблем, а с людьми.

Книги спустили в конвертор. Земля была забыта, и появился Миф, знания были утеряны и заменены Легендой. На протяжении сорока поколений план был потерян, цель — забыта, и люди всю жизнь жили в твердой уверенности, что они — это все, что Корабль — Начало и Конец, что Корабль и люди на нем созданы каким-то божественным вмешательством и что вся их упорядоченная жизнь направляется хорошо разработанным божественным планом, по которому все идет к лучшему.

Они играли в шахматы, в карты, слушали старую музыку, никогда не задаваясь вопросом, кто изобрел карты и шахматы, кто написал музыку, подолгу сплетничали, рассказывали старые анекдоты и сказки, переданные предыдущими поколениями, и убивали так не просто часы, а целые жизни. У них не было истории, они ни о чем не задумывались и не заглядывали в будущее, так как, что бы ни произошло, все к лучшему.

Из года в год они не знали ничего, кроме Корабля. Еще при жизни первого поколения Земля стала туманным воспоминанием, оставшимся далеко позади, и не только во времени и пространстве, но и в памяти. В них не было преданности Земле, которая не давала бы им о ней забыть. В них не было и преданности Кораблю, потому что Корабль в ней не нуждался.

Корабль был для них матерью, которая давала им приют. Корабль кормил их, укрывал и оберегал от опасности.

Им было некуда идти, нечего делать, не о чем думать. И они приспособились к этому.

Младенцы, подумал Джон. Младенцы, прижимающиеся к матери. Младенцы, бормочущие старые детские стишки. И некоторые стишки правдивее, чем они думают.

Было сказано, что когда раздастся Грохот и звезды остановятся в своем движении, то это значит, что скоро придет Конец.

И это правда. Звезды двигались потому, что Корабль вращался вокруг продольной оси, создавая искусственную силу тяжести. Но, когда Корабль приблизится к месту назначения, он должен будет автоматически прекратить вращение и перейти в нормальный полет, а сила тяжести тогда будет создана гравитаторами. Корабль уже падал вниз, к той звезде, к той солнечной системе, к которой он направлялся. Падал на нее, если — Джон Хофф покрылся холодным потом при этой мысли, — если он уже не промахнулся.

Потому что люди могли измениться. Но Корабль не мог. Он не приспособлялся. Он все помнил даже тогда, когда его пассажиры обо всем забыли. Верный записанным на пленку указаниям, которые были заданы больше тысячи лет назад, он держался своего курса, сохранил свою цель, не потерял из виду точку, куда был направлен, и сейчас приближался к ней.

Автоматическое управление, но не полностью.

Корабль мог выйти на орбиту вокруг планеты без помощи человеческого мозга, без помощи человеческих рук. Целую тысячу лет он обходился без человека, но в последний момент человек понадобится ему, чтобы достигнуть цели.

И я, сказал себе Джон Хофф, — я и есть этот человек.

Один человек. А сможет ли один человек это сделать?

Он подумал о других людях. О Джоне, и Хербе, п Джордже, и обо всех остальных, — и среди них не было такого, на кого он мог бы положиться, к кому он мог бы пойти и рассказать о том, что сделал.

Он держал весь Корабль в голове. Он знал, как Корабль устроен и как управляется. Но, может быть, этого мало. Может быть, нужно более близкое знакомство и тренировка. Может быть, человек должен сжиться с Кораблем, чтобы управлять им. А у него нет на это времени.

Он стоял рядом с машиной, которая дала ему знания. Теперь вся пленка была прокручена и цель машины достигнута, так же как цель Письма, так же как будет достигнута цель Человечества и Корабля, если голова Джона будет ясной, а рука — твердой. И если его знаний хватит.

В углу еще стоял ящик. Он откроет его — и это будет все. Тогда будет сделано все, что для него могли сделать, а остальное будет зависеть от него самого.

Он медленно встал на колени перед ящиком и открыл крышку. Там были свернутые листы бумаги, много листов, а под ними — книги, десятки книг, и в одном из углов — стеклянная капсула, заключавшая в себе какой-то механизм. Он знал, что это не что иное, как пистолет, хотя никогда еще не видел пистолета. Он поднял капсулу, и под ней был конверт с надписью: «КЛЮЧИ». Он разорвал конверт. Там было два ключа. На одном было написано: «Рубка управления», на другом: «Машинное отделение».

Он сунул ключи в карман и взялся за капсулу. Быстрым движением он разломил ее пополам. Раздался слабый хлопок: в капсулу ворвался воздух. В руках Джона был пистолет.

Он был не тяжелый, но достаточно увесистый, чтобы почувствовать его власть. Он показался Джону сильным, мрачным и жестоким. Джон взял его за рукоятку,

поднял, прицелился и почувствовал прилив древней недоброй силы — силы человека, который может убивать, — и ему стало стыдно.

Он положил пистолет назад в ящик и вынул один из свернутых листов. Осторожно разворачивая его, он услышал слабое протестующее потрескивание. Это был какой-то чертеж, и Джон склонился над ним, пытаясь понять, что бы это могло быть, разобрать слова, написанные печатными буквами вдоль линий.

Он так ничего и не понял и положил чертеж, и тот сразу же свернулся в трубку, как живой.

Он взял другой чертеж, развернул его. Это был план одной из секций Корабля. Еще и еще один — это тоже были секции Корабля, с коридорами и эскалаторами, рубками и каютами.

Наконец он нашел чертеж, который изображал весь Корабль в разрезе, со всеми каютами и гидропонными оранжереями. В переднем его конце была рубка управления, в заднем — машинное отделение.

Он расправил чертеж, взгляделся и увидел, что там что-то неправильно. Но потом он сообразил, что если отбросить рубку и машинное отделение, то все верно. И он подумал, что так и должно было быть, что много лет назад кто-то запер рубку и машинное отделение, чтобы уберечь их от вреда, — специально для этого дня. Для людей на Корабле ни рубки, ни машинного отделения просто не существовало, и поэтому чертеж казался неправильным.

Он дал чертежу свернуться и взял другой. Это было машинное отделение. Он изучал его, наморщив лоб, пытаясь сообразить, что там изображено, и хотя о назначении некоторых устройств он догадывался, но были и такие, которых он вообще не понимал. Джон нашел конвертор и удивился, как он мог быть в запертом по-

мещении, — ведь все эти годы им пользовались. Но потом он увидел, что конвертор имел два выхода: один в самом машинном отделении, а другой — за гидропонными оранжереями.

Он отпустил чертеж, и тот свернулся в трубку, так же как и остальные. Он продолжал сидеть на корточках около ящика, чуть покачиваясь взад и вперед и глядя на чертежи, и думал: если мне были нужны еще доказательства, то вот они.

Планы и чертежи Корабля. Планы, созданные и вычерченные людьми. Мечты о звездах, воплощенные в листах бумаги. Никакого божественного вмешательства. Никакого Мифа. Просто обычное человеческое планирование.

Он подумал о Священных Картинах: а что они такое? Может быть, они тоже были ложью, как и Миф? Жаль, если это так. Потому что они были таким утешением. И Вера тоже. Она тоже была утешением.

Сидя на корточках над свитками чертежей в этой маленькой комнате с машиной, кроватью и ящиком, он съежился и обхватил себя руками, чувствуя почти жалость к себе.

Как бы он хотел, чтобы ничего не начиналось. Чтобы не было Письма. Чтобы он по-прежнему был невеждой, уверенным в своей безопасности. Чтобы он по-прежнему продолжал играть с Джо в шахматы.

Из двери раздался голос Джо:

— Так вот где ты прячешься!

Он увидел ноги Джо, прочно стоящие на полу, поднял глаза и увидел его лицо, на котором застыла полуулыбка.

— Книжки! — сказал Джо.

Это слово было неприличным. И Джо произнес его, как неприличное слово. Как будто человека поймали

за каким-то постыдным делом, уличили в грязных мыслях.

— Джо... — сказал Джон.

— Ты не хотел мне сказать, — сказал Джо. — Ты не хотел моей помощи. Еще бы!

— Джо, послушай...

— Прятался и читал книги!

— Послушай, Джо! Все ложь. Корабль сделали такие же люди, как мы. Он куда-то направляется. Я знаю теперь, что такое Конец...

Удивление и ужас исчезли с лица Джо. Теперь это было суровое лицо. Лицо судьи. Оно возвышалось над ним, и в нем не было пощады. В нем не было даже жалости.

— Джо!

Джо резко повернулся и бросился к двери.

— Джо! Поймай, Джо!

Но он ушел.

Джон услышал звук его шагов по коридору, к эскалатору, который приведет его на жилые этажи.

Он побежал, чтобы созвать толпу. Послать ее по всему Кораблю охотиться за Джоном Хоффом. И когда они поймают Джона Хоффа...

Когда они поймают Джона Хоффа, это будет настоящий Конец. Тот самый неизвестный Конец, о котором говорят в церкви. Потому что уже не будет никого — никого, кто знал бы цель, основание и назначение.

И получится, что тысячи людей умерли зря. Получится, что труд, и гений, и мечты тех, кто построил Корабль, пропали зря.

Это было бы огромное расточительство. А расточать — преступление. Нельзя расточать. Нельзя выбрасывать. И не только пищу и воду, но и человеческие жизни и мечты.

Рука Джона потянулась к ящику и схватила пистолет. Его пальцы сжали рукоятку, а ярость все росла в нем, ярость отчаяния, последней надежды, моментальная, слепая ярость человека, у которого намеренно отнимают жизнь.

Впрочем, это не только его жизнь, а жизнь всех других: Мери, и Херба, и Луизы, и Джошуа.

Он бросился бежать, выскочил в дверь и поскользнулся, поворачивая направо по коридору. Он помчался к эскалатору. В темноте неожиданно наткнулся на ступеньки и подумал: как хорошо, что он много раз бывал здесь, нащупывая дорогу в темноте. Теперь он чувствовал себя как дома, и в этом было его преимущество перед Джо.

Он пронесся по лестницам, чуть не упав, свернул в коридор, нашел следующий пролет — и впереди услышал торопливые, неверные шаги того, за кем гнался.

Он знал, что в следующем коридоре только одна тусклая лампочка в самом конце. Если бы поспеть вовремя...

Он катился вниз по лестнице, держась одной рукой за перила, едва касаясь ногами ступеней.

Пригнувшись, он наконец влетел в коридор и там, впереди, при тусклом свете лампочки увидел бегущую темную фигуру. Он поднял пистолет и нажал кнопку; пистолет дернулся у него в руке, и коридор осветила яркая вспышка.

Свет на секунду ослепил его. Он сидел на полу скорчившись, и в голове у него билась мысль: я убил Джо, своего друга.

Но это не был Джо. Это не был мальчишка, с которым он вырос. Это не был человек, сидевший напротив него по ту сторону шахматной доски. Это не был

Джо — его друг. Это был кто-то другой — человек с лицом судьи, человек, побежавший созвать толпу, человек, который всех обрекал на неведомый Конец.

Джон чувствовал, что прав, но все же дрожал.

Минутное ослепление прошло, и он увидел на полу темную массу.

Его руки тряслись, он сидел неподвижно и ощущал тошноту и слабость во всем теле.

Не расточай! Не выбрасывай! Эти неписанные законы известны всем. Но были и такие законы, о которых даже никогда не упоминалось, потому что в этом не было необходимости. Не говорили, что нельзя украсть чужую жену, что нельзя лжесвидетельствовать, что нельзя убивать, потому что эти преступления исчезли задолго до того, как звездный Корабль оторвался от Земли.

Это были законы благопристойности, законы хорошего поведения. И он нарушил один из них. Он убил человека. Убил своего друга.

Правда, сказал он себе, он не был мне другом. Он был врагом — врагом всем нам.

Джон Хофф выпрямился и напряг все тело, чтобы остановить дрожь. Он сунул пистолет за пояс и на негнущихся ногах пошел по коридору к темной массе на полу.

В полумраке это было легче, потому что он плохо видел, что там лежит. Тело лежало ничком, и лица не было видно. Было бы хуже, если б лицо было обращено вверх, к нему.

Он стоял и думал. Вот-вот люди хватятся Джо и начнут его искать. А они не должны его найти. Не должны узнать, что произошло. Самое понятие убийства давно исчезло, и оно не должно появиться вновь. Потому что если убил один человек — неважно, почему и зачем, — то могут найтись и другие, которые будут убивать.

Если согрешил один, его грех должен быть скрыт, потому что один грех приведет к другому греху, а, когда они достигнут нового мира, новой планеты (если они ее достигнут), им понадобится вся внутренняя сила, вся сила товарищества, на которую они способны.

Он не мог спрятать тело, потому что не было такого места, где бы его не нашли. И не мог спустить его в конвертор, потому что для этого нужно было пройти через гидронные оранжереи.

Впрочем, нет, зачем? Ведь есть другой путь к конвертору — через машинное отделение.

Он похлопал себя по карману. Ключи были там. Он наклонился, дотронувшись до еще теплого тела. Он отступил к металлической стене. Его опять затошнило, и в голове непрестанно билась мысль о том, что он виновен.

Но он подумал о своем старом отце с суровым лицом, и о том давно умершем человеке, который написал Письмо, и обо всех других, кто передавал его, совершая преступление ради истины, ради знания и спасения.

Сколько мужества, подвигов и дерзаний, сколько одиноких ночей, проведенных в мучительных раздумьях! Нельзя, чтобы все это пропало из-за его нерешительности или сознания вины.

Он оторвался от стены, поднял тело Джо и взвалил его на плечи. Оно безжизненно повисло. Раздалось бульканье. И что-то теплое и мокрое потекло по его спине.

Он стиснул зубы, чтобы не стучали, и, пошатываясь, побрел по мертвым эскалаторам, по темным коридорам к машинному отделению.

Наконец он добрался до двери и положил свою голову на пол, чтобы достать ключи. Он нашел нужный

ключ и повернул в замке, налег на дверь, и она медленно отворилась. В лицо ему пахнул порыв теплого воздуха. Ярко горели огни, и раздавалось жужжание и по-визгивание вращающегося металла.

Он поднял Джо, внес его, запер дверь и встал, разглядывая огромные машины. Одна из них вертелась, и он узнал ее: гироскоп-стабилизатор тихо жужжал, подвешенный на шарнирах.

Сколько времени понадобится ему, чтобы понять все эти массивные, сложные машины? Насколько люди отстали от знаний тысячелетней давности?

А ноша давила ему на плечи, и он слышал, как на пол падают редкие, теплые, липкие капли.

Ликуя и содрогаясь от ужаса, он возвращался в прошлое. Назад, сквозь тысячу лет, к знанию, которое могло создавать такие машины. Даже еще дальше — к неуравновешенности чувств, которая могла заставить людей убивать друг друга.

Я должен от него избавиться, с горечью подумал Джон Хофф. Но это невозможно. Даже когда он исчезнет, станет чем-то совсем другим, когда вещества, из которых он состоит, превратятся во что-то еще, — даже тогда я не смогу от него избавиться. Никогда!

Джон нашел люк конвертора, уперся ногами в пол. Люк заело. Джон дернул, и он открылся. Перед ним зияло жерло, достаточно большое, чтобы бросить туда человеческое тело. Из глубины слышался рев механизмов, и ему показалось, что он уловил адский отблеск бушующего огня. Он осторожно дал телу соскользнуть с плеча, подтолкнул его в последний раз, закрыл люк и всей тяжестью навалился на педаль.

Дело было сделано.

Он отшатнулся от конвертора и вытер лоб. Наконец-то он избавился от своей ноши. Но тяжелое бремя

все равно осталось с ним. И осталось навсегда, подумал он. Навсегда.

Он услышал шаги, но не обернулся. Он знал, чьи это шаги — призрачные шаги, которые будут преследовать его всю жизнь, шаги угрызений совести в его душе.

Послышался голос:

— Что ты сделал, парень?

— Я убил человека. Я убил своего друга.

И он обернулся, потому что ни шаги, ни голос не принадлежали привидению.

Говорил Джошуа:

— Было ли у тебя основание?

— Да. Основание и цель.

— Тебе нужен друг, — сказал Джошуа. — Тебе нужен друг, мой мальчик.

Джон кивнул.

— Я узнал цель Корабля. И назначение. Он застал меня. Он хотел донести. Я... я...

— Ты убил его.

— Я подумал: одна жизнь или все? И я взял только одну жизнь. Он бы взял все.

Они долго стояли, глядя друг на друга.

Старик сказал:

— Это неправильно — взять жизнь. Неправильно, недостойно.

Коренастый и спокойный, он стоял на фоне машин, но в нем было что-то живое, какая-то движущая сила, как и в машинах.

— Так же неправильно обрекать людей на судьбу, для которой они не предназначались. Неправильно забывать цель из-за незнания и невежества, — ответил Джон.

— Цель Корабля? А это хорошая цель?

— Не знаю, — ответил Джон. — Я не уверен. Но это по крайней мере цель. А цель, какая бы она ни была, лучше, чем отсутствие цели.

Джон поднял голову и отбросил назад волосы, прилипшие ко лбу.

— Ладно, — сказал он. — Я иду с тобой. Я взял одну жизнь и больше не возьму.

Джошуа медленно, мягко произнес:

— Нет, парень. Это я иду с тобой.

Видеть бесконечную пустоту, в которой звезды сверкали, как вечные крохотные сигнальные огоньки, было неприятно даже из наблюдательной рубки. Но видеть это из рубки управления, большое стеклянное окно которой открывалось прямо в пасть пространства, было еще хуже: внизу не видно дна, вверху не видно границ. То чудилось, что к этой звезде можно протянуть руку и сорвать ее, то она казалась такой далекой, что от одной мысли об этом начинала кружиться голова.

Звезды были далеко. Все, кроме одной. А эта одна сверкала сияющим солнцем совсем рядом слева.

Джон Хофф взглянул на Джошуа. На лице старика застыло выражение недоверия, страха, почти ужаса.

А ведь я знал, подумал Джон. Я знал, как это может выглядеть. Я имел какое-то представление. А он не имел никакого.

Он отвел глаза от окна, увидел ряды приборов и почувствовал, что сердце его упало и руки одеревенели.

Уже некогда сживаться с Кораблем. Некогда узнать его поближе. Все, что нужно сделать, он должен сделать, только следуя своему разуму и отрывочным знаниям, которые получил от машины его мозг, неподготовленный и нетренированный.

— Что мы должны делать? — прошептал Джошуа. — Парень, что нам делать?

И Джон Хофф тоже подумал: а что мы должны делать?

Он медленно поднялся по ступенькам к креслу, на спинке которого было написано: «Пилот». Медленно забрался в кресло, и ему показалось, что он сидит на краю пропасти, откуда в любой момент может соскользнуть вниз, в пустоту.

Осторожно опустив руки на подлокотники кресла и вцепившись в них, он попробовал ориентироваться, привыкнуть к мысли, что сидит на месте пилота, а перед ним — ручки и кнопки, которые он может поворачивать или нажимать и посылать сигналы работающим машинам.

— Звезда, — сказал Джошуа. — Вот эта, большая, налево, которая горит...

— Все звезды горят.

— Нет, вот — большая...

— Это та звезда, к которой мы стремились тысячу лет, — ответил Джон. И он надеялся, что не ошибся. Как он хотел бы быть в этом уверенным!

И тут он почувствовал страшную тревогу. Что-то было неладно. И очень неладно.

Джон попытался думать, но космос мешал, он был слишком близко. Он был слишком огромен и пуст, и думать было бесполезно. Нельзя перехитрить космос. Нельзя с ним бороться. Космос слишком велик и жесток. Космосу все равно. В нем нет милосердия. Ему все равно, что станет с Кораблем и с людьми на нем.

Единственными, кому было не все равно, были те люди, на Земле, что запустили Корабль, и — некоторое время — те, кто управлял им в начале пути. А теперь — только он да старик. Только им не все равно.

— Она больше других, — сказал Джошуа. — Мы ближе к ней.

Вот в чем дело! Вот что вызвало эту необъяснимую тревогу. Звезда слишком близко — она не должна быть так близко!

Он с трудом оторвал взгляд от пустоты за окном и посмотрел на пульт управления. И увидел только бессмысленную массу ручек и рычагов, вереницы кнопок, циферблатов...

Он смотрел на пульт и понемногу начинал разбираться в нем. Знания, которые вдолбила в него машина, пробуждались. Он смотрел на показания стрелок и уже кое-что понимал. Он нашел несколько ручек, о которых должен был что-то знать. В его мозгу в кошмарной пляске закружились сведения по математике, которой он никогда не знал.

Бесполезно, сказал он себе. Это была хорошая идея, но она не сработала. Машина не может обучить человека. Она не может вбить в него достаточно знаний, чтобы управлять Кораблем.

— Я не сумею это сделать, Джошуа, — простонал он. — Это невозможно.

Где же планеты? Как ему найти их? И, когда он их найдет (если найдет), что тогда делать?

Корабль падал на солнце.

Джон не знал, где искать планеты. И Корабль двигался слишком быстро — намного быстрее, чем нужно. Джон вспотел. Пот выступил каплями на лбу, потек по лицу, по телу.

— Спокойнее, парень. Спокойнее.

Он попробовал успокоиться, но не мог. Он протянул руку и открыл маленький ящичек под пультом. Там была бумага и карандаши. Он взял лист бумаги и карандаш и набросал основные показания приборов: аб-

солютную скорость, ускорение, расстояние до звезды, угол падения на звезду.

Были еще и другие показания, но эти — самые главные и с ними нужно считаться.

В его мозгу пробудилась мысль, которую много раз внушала ему машина. «Управлять Кораблем — это не значит направлять его в какую-то точку, а знать, где он будет в любой данный момент в ближайшем будущем».

Он принялся за вычисления. Математика с трудом проникала в его сознание. Он сделал расчет, набросал график и на два деления передвинул рычаг управления, надеясь, что сделал правильно.

— Разбираешься? — спросил Джошуа.

Джон покачал головой.

— Посмотрим. Узнаем через час.

Немного увеличить скорость, чтобы избежать падения на солнце. Проскочить мимо солнца, потом повернуть обратно под действием его притяжения — сделать широкую петлю в пространстве и снова вернуться к солнцу. Вот как это делается, по крайней мере он надеялся, что именно так. Об этом рассказывала ему машина.

Он сидел весь обмякший, думая об этой удивительной машине, размышляя, насколько можно доверять бегущей пленке и шлему на голове.

— Мы долго здесь пробудем, — сказал Джошуа.

Джон кивнул.

— Да, пожалуй. Это займет много времени.

— Тогда, — сказал старик, — я пойду и раздобуду чего-нибудь поесть.

Он пошел к двери, потом остановился.

— А Мери? — спросил он.

Джон покачал головой.

— Пока не надо. Оставим их в покое. Если у нас ничего не выйдет...

— У нас все выйдет.

Джон резко оборвал его.

— Если у нас ничего не выйдет, лучше, чтобы они ничего не знали.

— Пожалуй, ты прав, — сказал старик. — Я пойду принесу поесть.

Два часа спустя Джон уже знал, что Корабль не упадет на солнце. Он пройдет близко — слишком близко, всего в нескольких миллионах километров, но скорость его будет такова, что он проскочит мимо и снова вылетит в пространство, притягиваемый солнцем, рвущийся прочь от этого притяжения, теряя скорость в этой борьбе.

Траектория его полета изменится под действием солнца, и он будет летать по орбите — по очень опасной орбите, потому что если оставить ее неизменной, то при следующем обороте Корабль все-таки упадет на солнце. Пока Корабль не повернет обратно к солнцу, Джон должен добиться контроля над ним, но самое главное — он выиграл время. Он был уверен: если бы он не прибавил скорость на два деления, то Корабль или врезался бы в солнце сразу, или начал бы вращаться вокруг него по все более суживающейся орбите, вырвать с которой его не могла бы даже фантастическая сила могучих машин.

Он имел время, он кое-что знал, и Джошуа пошел за едой. Времени было немного, и он должен использовать его. Надо разбудить знания, притаившиеся где-то в моз-

гу, внедренные туда, и он должен употребить их для той цели, для которой они предназначались.

Теперь он был спокойнее и чуть больше уверен в себе. Думая о своей неловкости, он удивлялся, как это люди, запустившие Корабль с Земли, и те, кто управлял им до того, как пришло Невежество, могли так точно направить его. Наверное, это случайность, потому что невозможно так пустить снаряд в маленькую мишень, чтобы он летел тысячу лет и попал в нее. Или возможно?

«Автоматически... Автоматически...» — звенело у него в голове одно-единственное слово. Корабль был автоматическим. Он сам летел, сам производил ремонт, сам обслуживал себя, сам двигался к цели. Мозг и рука человека должны были только сказать ему, что делать. Сделай это, говорили мозг и рука, и Корабль делал. Только это и было нужно — дать задание.

Весь секрет и был в том, как же приказать Кораблю. Что ему приказать и как это сделать. Вот что его беспокоило.

Он слез с кресла и обошел рубку. Все покрывал тонкий слой пыли, но, когда Джон протер металл рукавом, он заблестел так же ярко, как и в день постройки Корабля.

Он нашел всякие вещи, некоторые знакомые, а некоторые незнакомые. Но самое главное — он нашел телескоп и после нескольких неудачных попыток вспомнил, как с ним обращаться. Теперь он знал, как искать планеты, — если это нужная звезда и у нее есть планеты.

Прошло три часа. Джошуа не возвращался. Слишком долго, чтобы достать еды. Джон зашагал по комнате, борясь со страхом. Наверное, со стариком что-то случилось.

Он вернулся к телескопу и начал разыскивать планеты. Сначала это было трудно, но понемногу, привыкая к обращению с телескопом, он начал припомпнать все новые и новые данные.

Он отыскал одну планету и услышал стук. Он отошел от телескопа и шагнул к двери.

Коридор был полон людей. Они все кричали на него, кричали с ненавистью, и в этом реве были гнев и осуждение; он сделал шаг назад.

Впереди были Херб и Джордж, а за ними остальные — мужчины и женщины. Он поискал глазами Мери, но не нашел.

Толпа рвалась вперед. На их лицах была злоба и отвращение, и Джон почувствовал, как волна страха, исходившая от них, окутала его.

Его рука опустилась к поясу, нащупала рукоятку пистолета и вытащила его. Он направил пистолет вниз и нажал кнопку. Только один раз. Вспышка осветила дверь, и толпа отшатнулась. Дверь почернела, запахло горелой краской.

Джон Хофф спокойно проговорил:

— Это пистолет. Из него я могу вас убить. Я вас убью, если вы будете вмешиваться. Уйдите. Вернитесь туда, откуда вы пришли.

Херб сделал шаг вперед и остановился.

— Это ты вмешиваешься, а не мы.

Он сделал еще шаг.

Джон поднял пистолет и направил на него.

— Я уже убил человека. И убью еще.

«Как легко, — подумал он, — говорить об убийстве, о смерти. И как легко сделать это теперь, когда я уже один раз убил».

— Джо пропал, — сказал Херб. — Мы ищем его.

— Можете больше не искать.

— Но Джо был твоим другом.

— И ты тоже. Но цель выше дружбы. Ты или со мной, или против меня. Середины нет.

— Мы отлучим тебя от церкви.

— Отлучите меня от церкви, — насмешливо повторил Джон.

— Мы сошлем тебя в центр Корабля.

— Мы были ссыльными всю нашу жизнь, — сказал Джон, — в течение многих поколений. Мы даже не знали этого. Я говорю вам — мы этого не знали. И, не зная этого, придумали красивую сказку. Мы убедили себя в том, что это правда, и жили ею. А когда я прихожу и доказываю вам, что это всего только красивая сказка, выдуманная потому, что мы должны были иметь сказку — должны были, — вы готовы отлучить меня от церкви и сослать. Это не выход, Херб. Это не выход.

Он похлопал рукой по пистолету.

— Вот выход, — сказал он.

— Джон, ты сумасшедший.

— А ты дурак, — сказал Джон.

Сначала он испугался, потом рассердился. А теперь он чувствовал только презрение к этим людям, столпившимся в коридоре, выкрикивающим пустые угрозы.

— Что вы сделали с Джошуа? — спросил он.

— Мы связали его, — ответил Херб.

— Вернитесь и развяжите его. И пришлите мне еды.

Они заколебались. Он сделал угрожающее движение пистолетом.

— Идите!

Они побежали.

Он захлопнул дверь и вернулся к телескопу.

Он нашел шесть планет, из них две имели атмосферу — вторая и пятая. Он посмотрел на часы: прошло

много часов. Джошуа еще не появлялся. В дверь не стучали. Не было ни пищи, ни воды. Он снова уселся в кресло пилота.

Звезда была далеко позади. Скорость уменьшилась, но была еще слишком велика. Он подвинул рычаг назад и следил за тем, как ползет назад стрелка указателя скорости. Теперь это было безопасно, по крайней мере он надеялся, что безопасно. Корабль оказался в 54 миллионах километров от звезды, и можно было уменьшить скорость.

Он снова устался на пульт управления, и все было уже яснее, понятнее, он знал о нем немного больше. В конце концов, это не так уж трудно. И будет не так трудно. Главное — есть время. Много времени. Нужно будет еще думать и рассчитывать, но для этого есть время.

Разглядывая пульт, он нашел вычислительную машину, которой не заметил раньше, — вот как давали приказания Кораблю! Вот чего ему не хватало, вот над чем он бился — как приказывать Кораблю. А это делалось так. Нужно отдать приказ маленькому мозгу.

Его преследовало одно слово — «автоматический». Он нашел кнопку с надписью «телескоп», и еще — с надписью «орбита», и еще — «приземление».

Наконец-то, подумал он. После всех волнений и страха — это так просто. Именно таким эти люди там, на Земле, и должны были сделать Корабль. Просто. Навероятно просто. Так просто, что каждый дурак может посадить Корабль. Каждый, кто ткнет пальцем кнопку. Ведь они, наверное, догадывались, что может произойти на Корабле через несколько поколений. Они знали, что Земля будет забыта и что люди создадут новую культуру, приспособленную к условиям в Корабле. Догадывались — или планировали? Может быть, куль-

тура Корабля была частью общего плана? Разве могли бы люди жить тысячу лет на Корабле, если бы знали его цель и назначение?

Конечно, не могли бы. Они бы чувствовали себя ограбленными и обманутыми, они бы сошли с ума от мысли, что они всего только переносчики жизни, что их жизни и жизни многих поколений будут просто зачеркнуты, чтобы их потомки могли прибыть на далекую планету.

Был только один способ бороться с этим — забвение. К нему и прибегли, и это было к лучшему.

После смены нескольких поколений люди проводили свои маленькие жизни в условиях доморощенной культуры, и этого им было достаточно. Тысячи лет как будто и не было, потому что никто не знал про эту тысячу.

И все это время Корабль ввинчивался в пространство, направляясь к цели, прямо и точно.

Джон Хофф подошел к телескопу, поймал в фокус пятую планету и включил радары, которые держали бы ее в поле зрения. Потом он вернулся к вычислительной машине и нажал кнопку с надписью «телескоп» и другую, с надписью «орбита».

Потом он сел ждать. Делать было больше нечего.

На пятой планете не было жизни.

Анализатор рассказал все. Атмосфера состояла в основном из метана, сила тяжести была в тридцать раз больше земной, давление под кипящими метановыми облаками близко к тысяче атмосфер. Были и другие факторы, но любого из этих трех было достаточно.

Джон Хофф вывел Корабль с орбиты и направил его к солнцу. Снова сев за телескоп, он поймал в фокус

вторую планету, включил вычислительную машину и опять уселся ждать.

Еще один шанс — и кончено. Потому что из всех планет только на двух была атмосфера. Или вторая планета, или ничего.

А если и вторая планета окажется мертвой, что тогда?

На это был только один ответ. Другого не могло быть. Повернуть Корабль еще к какой-нибудь звезде, прибавить скорость и надеяться — надеяться, что через несколько поколений люди найдут планету, на которой смогут жить.

У него начались голодные спазмы. В здешней системе водяного охлаждения еще оставалось несколько стаканов жидкости, но он выпил их уже два дня назад.

Джошуа не вернулся. Люди не появлялись. Дважды он открывал дверь и выходил в коридор, готовый сделать вылазку за пищей и водой, но каждый раз, подумав, возвращался. Нельзя было рисковать. Рисковать тем, что его увидят, поймают и не пустят обратно в рубку.

Но скоро ему придется рискнуть, придется сделать вылазку. Еще через день он будет слишком слаб, чтобы сделать это. А до второй планеты им лететь еще долго.

Придет время, когда у него не будет выбора. Он не выдержит. Если он не добудет воды и пищи, он превратится в никчемное, еле ползающее существо, и вся его сила иссякнет к тому времени, когда они достигнут планеты.

Он еще раз осмотрел пульт управления. Как будто все в порядке. Корабль еще набирал скорость. Сигнальная лампочка вычислительной машины горела синим

светом, и машина тихо пощелкивала, как бы говоря: «Все в порядке. Все в порядке».

Потом он перешел от пульта в тот угол, где спал. Он лег и свернулся клубком, пытаясь сжать желудок, чтобы тот не мучил его. Он закрыл глаза и попробовал заснуть.

Лежа на металле, он слышал, как далеко позади работают машины, слышал их мощное пение, наполнявшее весь Корабль. Ему вспомнилось, как он думал, что нужно сжиться с Кораблем, чтобы управлять им. Оказалось, что это не так, хотя он уже понимал, как можно сжиться с Кораблем, как Корабль может стать частью человека.

Он задремал, проснулся, снова задремал — и тут вдруг услышал чей-то крик и отчаянный стук в дверь.

Он сразу вскочил, бросился к двери, вытянув вперед руку с ключом. Рванул дверь, отпер — и, споткнувшись на пороге, в рубку упала Мери. В одной руке у нее был бак, в другой — мешок. А по коридору к двери бежала толпа, размахивая палками и дико крича.

Джон втащил Мери внутрь, захлопнул дверь и запер ее. Он слышал, как бегущие тела ударились в дверь и как в нее заколотили палками и заорали.

Джон нагнулся над женой.

— Мери, — сказал он. Горло его сжалось, он задыхался, — Мери.

— Я должна была прийти, — сказала она, плача. — Должна, что бы ты там ни сделал.

— То, что я сделал, — к лучшему, — ответил он. — Это была часть плана, Мери. Я убежден в этом. Часть общего плана. Люди там, на Земле, все предусмотрели. И я как раз оказался тем, кто...

— Ты еретик, — сказала она. — Ты уничтожил нашу Веру. Из-за тебя все переверзлись. Ты...

— Я знаю правду. Я знаю цель Корабля.

Она подняла руки, охватила его лицо, нагнула и прижала к себе.

— Мне все равно, — сказала она. — Все равно. Теперь. Раньше я боялась. Я была сердита на тебя, Джон. Мне было стыдно за тебя. Я чуть не умерла со стыда. Но когда они убили Джошуа...

— Что такое?!

— Они убили Джошуа. Они забили его до смерти. И не его одного. Были и другие. Они хотели идти помогать тебе. Их было очень мало. Их тоже убили. На Корабле — сплошные убийства. Ненависть, подозрения. И всякие нехорошие слухи. Никогда еще так не было, пока ты не отнял у них Веру.

Культура разбилась вдребезги, подумал он. За какие-то часы. А Вера исчезла за долю секунды. Сумасшествие, убийства... Конечно, так оно и должно было быть.

— Они боятся, — сказал он. — Они больше не чувствуют себя в безопасности.

— Я пыталась прийти раньше, — сказала Мери. — Я знала, что ты голоден, и боялась, что тут нет воды. Но мне пришлось ждать, пока за мной перестанут следить.

Он крепко прижал ее к себе. В глазах у него все расплылось и потеряло очертания.

— Вот еда, — сказала она, — и питье. Я притащила все, что могла.

— Жена моя, — сказал он. — Моя дорогая жена...

— Вот еда, Джон. Почему ты не ешь?

Он встал и помог ей подняться.

— Сейчас, — сказал он. — Сейчас буду есть. Я хочу тебе сначала кое-что показать. Я хочу показать тебе Истину.

Он поднялся с ней по ступенькам.

— Смотри. Вот куда мы летим. Вот где мы летим. Что бы мы себе ни говорили, вот она — Истина.

Вторая планета была ожившей Священной Картиной. Там были и Ручьи, и Деревья, и Трава, и Цветы, Небо и Облака, Ветер и Солнечный Свет.

Мери и Джон стояли у кресла пилота и смотрели в окно.

Анализатор после недолгого журчания выплюнул свой доклад.

«Для людей безопасно», — было напечатано на листочке бумаги. К этому было прибавлено много данных о составе атмосферы, о количестве бактерий, об ультрафиолетовом излучении и разных других вещах. Но этого было уже достаточно. «Для людей безопасно».

Джон протянул руку к центральному переключателю на пульте.

— Вот оно, — сказал он. — Тысяча лет кончилась.

Он повернул выключатель, и все стрелки прыгнули на нуль. Песня машин умолкла, и на Корабле наступила тишина, как тогда, когда звезды еще вращались, а стены были полом.

И тогда они услышали плач — человеческий плач, похожий на звериный вой.

— Они боятся, — сказала Мери. — Они смертельно испуганы. Они не уйдут с Корабля.

Она права, подумал он. Об этом он не подумал — что они не уйдут с Корабля.

Они были привязаны к нему на протяжении многих поколений. Они искали в нем крова и защиты. Для них огромность внешнего мира, бесконечное небо, отсутствие всяких пределов будут ужасны.

Но как-то нужно их выгнать с Корабля — именно выгнать и запереть Корабль, чтобы они не ворвались обратно. Потому что Корабль означал невежество и убежище для трусов; это была скорлупа, из которой они уже выросли; это было материнское лоно; выйдя из него, человечество должно обрести второе рождение.

Мери спросила:

— Что они сделают с нами? Я об этом еще не думала. Мы не сможем спрятаться от них.

— Ничего, — ответил Джон. — Они нам ничего не сделают. По крайней мере пока у меня есть вот эта штука.

Он похлопал по пистолету, заткнутому за пояс.

— Но, Джон, эти убийства...

— Убийств не будет. Они испугаются, и страх заставит их сделать то, что нужно. Потом, может быть не очень скоро, они придут в себя, и тогда страха больше не будет. Но, чтобы начать, нужно... — Он вспомнил наконец это слово, внушенное ему удивительной машиной. — Нужно руководство. Вот что им надо — чтобы кто-нибудь руководил ими, говорил им, что делать, объединил их.

«Я надеялся, что все кончилось, — подумал он с горечью, — а ничего еще не кончилось. Посадить Корабль, оказывается, недостаточно. Нужно продолжать. И, что бы я ни сделал, Конца так и не будет, пока я жив».

Нужно будет устраиваться и учиться заново. Тот ящик больше чем наполовину набит книгами. Наверное, самыми главными. Книгами, которые понадобятся, чтобы начать.

И где-то должны быть инструкции. Указания, оставленные вместе с книгами, чтобы он прочел их и выполнил.

«Инструкция. Выполнить после посадки». Так будет написано на конверте или что-нибудь в этом роде. Он вскроет конверт, и там будут сложенные листки бумаги.

Так же как и в том, первом Письме.

Еще одно Письмо? Конечно, должно быть еще одно Письмо.

— Это было предусмотрено на Земле, — сказал он. — Каждый шаг был предусмотрен. Они предусмотрели состояние невежества — единственно возможное для того, чтобы люди перенесли полет. Они предусмотрели ересь, которая сохранит знания. Они сделали Корабль таким простым, что любой может им управлять — любой. Они смотрели в будущее и предвидели все, что должно случиться. Их планы в любой момент опережали события.

Он поглядел в окно, на широкие просторы новой Земли, на Деревья, Траву, Небо.

— И я не удивлюсь, если они придумали, как выгнать нас из Корабля.

Вдруг пробудился громкоговоритель и загремел на весь Корабль.

— Слушайте все! — сказал он, чуть потрескивая, как старая пластинка. — Слушайте все! Вы должны покинуть Корабль в течение двенадцати часов! Когда этот срок истечет, будет выпущен ядовитый газ!

Джон взял Мери за руку.

— Я был прав. Они предусмотрели все до конца. Они опять на один шаг впереди нас.

Они стояли вдвоем, думая о тех людях, которые так хорошо все предвидели, которые заглянули в такое далекое будущее, догадались обо всех трудностях и предусмотрели, как их преодолеть.

— Ну, идем, — сказал Джон.

— Джон....

— Да?

— А теперь мы можем иметь детей?

— Да, — ответил Джон. — Мы теперь можем иметь детей. Каждый, кто хочет. На Корабле нас было так много. На этой планете нас будет так мало.

— Место есть, — сказала Мери. — Много места.

Он отпер дверь рубки. Они пошли по темным коридорам.

Громкоговоритель снова заговорил: «Слушайте все! Слушайте все! Вы должны покинуть Корабль!..»

Мери прижалась к Джону, и он почувствовал, как она дрожит.

— Джон, мы сейчас выйдем? Мы выйдем?

Испугалась. Конечно, испугалась. И он испугался. Страх многих поколений нельзя стряхнуть сразу, даже при свете Истины.

— Постой, — сказал он. — Я должен кое-что найти.

Наступает время, когда они должны покинуть Корабль, выйти на пугающий простор планеты — обнаженные, испуганные, лишенные безопасности, которая окружала их.

Но, когда наступит этот миг, он будет знать, что делать.

Он наверняка будет знать, что делать.

Потому что, если люди с Земли все так хорошо предусмотрели, то они не могли упустить самого важного и не оставить где-нибудь Письма с указаниями, как жить дальше.

ЧЕРЕЗ РЕЧКУ, ЧЕРЕЗ ЛЕС

1

Была пора, когда варят яблоки впрок, когда цветут золотые шары и набухают бутоны дикой астры, и в эту-то пору шли по тропе двое детей. Когда она приметил их из окна кухни, то на первый взгляд показалось — дети как дети, возвращаются домой из школы, у каждого в руке сумка, а в ней, понятно, учебники. Будто Чарлз и Джемс, подумала она, будто Алис и Магги, да только давно минуло то время, когда эта четверка шагала по тропинке в школу. Теперь у них свои дети в школу ходят.

Она повернулась к плите помешать яблоки — вон на столе ждет широкогорлая банка, — потом снова выглянула в окно. Они уже ближе, и видно: мальчик постарше, лет десять ему, девочке-то никак не больше восьми.

Может, мимо? Да нет, не похоже, ведь тропа сюда приведет, куда еще по ней попадешь?

Не дойдя до сарая, они свернули с тропы и деловито зашагали по дорожке к дому. Ведь как идут, не задумываются, точно знают, куда идти.

Прямо к крыльцу подошли, и она вышла на порог, а они смотрели на нее снизу, с первой ступеньки.

Мальчик заговорил:

— Вы наша бабушка. Папа велел первым делом сказать, что вы наша бабушка.

— Но ведь это... — она осеклась.

Она хотела сказать, что это невозможно, она не может быть их бабушкой. Но, посмотрев вниз, на сосредоточенные детские лица, обрадовалась, что не произнесла этих слов.

— Меня звать Элен, — тоненьким голоском сказала девочка.

— А меня Пол, — сказал мальчик.

Она отворила затянутую сеткой дверь, дети вошли в кухню и примолкли, озираясь по сторонам, будто в жизни не видели кухни.

— Все как папа говорил, — сказала Элен. — Плита вот, и маслобойка, и...

— Наша фамилия Форбс, — перебил ее мальчик.

Тут женщина не выдержала.

— Но это невозможно, — возразила она. — Это же наша фамилия.

Мальчик важно кивнул.

— Ага, мы знаем.

— Вы, наверно, хотите молока и печенья, — сказала женщина.

— Печенья! — радостно взвизгнула Элен.

— Мы не хотим причинять вам хлопот, — сказал мальчик. — Папа говорил, чтобы мы не причиняли хлопот.

— Он сказал, чтобы мы постарались быть хорошими детьми, — пропичала Элен.

— Я уверена, вы постараетесь, — отозвалась женщина. — Какие уж тут хлопоты!

Ничего, подумала она, сейчас разберемся, в чем дело.

Она подошла к плите и отставила кастрюлю с яблоками в сторонку, чтобы не пригорели.

— Садитесь-ка за стол, — сказала она. — Я принесу молока и печенья.

Она взглянула на часы, тикающие на полке: скоро четыре. Вот-вот мужчины придут с поля. Джексон Форбс сообразит, как тут быть, уж он всегда найдется.

Дети вскарабкались каждый на свой стул и с важным видом смотрели вокруг — на тикающие часы, на

плиту с алым отсветом в поддувале, на дрова в дровяном ящике, на маслобойку, стоящую в углу.

Сумки они поставили на пол рядом с собой. Странные сумки. Из толстого материала, может брезента, но ни завязок на них, ни застежек. Да, без завязок и застежек, а все равно закрыты.

— У вас есть марки? — спросила Элен.

— Марки? — удивилась миссис Форбс.

— Не слушайте ее, — сказал Пол. — Ей же не велели спрашивать. Она всех спрашивает, и мама ей не велела.

— А что за марки?

— Она их собирает. Ходит, таскает чужие письма. Только чтобы марки добыть, на конверте которые.

— Ладно уж, поглядим, — сказала миссис Форбс. — Как знать, может, найдутся старые письма. Потом и поищем.

Она пошла в кладовку, взяла глиняный кувшин с молоком, положила на тарелку печенья из банки. Они степенно сидели на месте, дожидаясь печенья.

— Мы ведь ненадолго, — сказал Пол. — Как бы на каникулы. А потом родители придут за нами, заберут нас обратно.

Элен усердно закивала.

— Они нам так сказали, когда мы уходили. Когда я испугалась, не хотела уходить.

— Ты боялась уходить?

— Да. Почему-то вдруг понадобилось уйти.

— Времени было совсем мало, — пояснил Пол. — Все спешили. Скорей-скорей уходить.

— А откуда вы? — спросила миссис Форбс.

— Тут совсем недалеко, — ответил мальчик. — Мы шли недолго, и ведь у нас карта была. Папа дал нам карту и все как следует рассказал...

— Вы уверены, что ваша фамилия Форбс?

Элен кивнула.

— Ну да, как же еще?

— Странно, — сказала миссис Форбс.

Мало сказать странно, во всей округе нет больше никаких Форбсов, кроме ее детей и внуков. Да еще этих детей, но они-то чужие, что бы сами ни говорили.

Они занялись молоком, печеньем, и она вернулась к плите, снова поставила на огонь кастрюлю с яблоками и помешала их деревянной ложкой.

— А где дедушка? — спросила Элен.

— Дедушка в поле. Он скоро придет. Вы управились с печеньем?

— Все съели, — ответила девочка.

— Тогда давайте накроем на стол и согреем обед. Вы мне не поможете?

Элен соскочила со стула на пол.

— Я помогу, — сказала она.

— И я, — подхватил Пол. — Пойду дров принесу. Папа сказал, чтобы я не ленился. Сказал, чтобы я носил дрова, и кормил цыплят, и собирал яйца, и...

— Пол, — перебила его миссис Форбс, — скажи-ка мне лучше, чем занят твой папа.

— Папа — инженер, он служит в управлении времени, — ответил мальчик.

2

Два батрака за кухонным столом склонились над шашечной доской. Старики сидели в горнице.

— В жизни не видала ничего похожего, — сказала миссис Форбс. — Такая металлическая штучка, берешься за нее, тянешь, она скользит по железной

дорожке, и сумка открывается. Тянешь обратно — закрывается.

— Новинка, не иначе, — отозвался Джексон Форбс. — Мало ли новинок не доходит до нас тут, в нашей глуши. Эти изобретатели — башковитый народ, чего только не придумают.

— И точно такая штука у мальчика на штанах, — продолжала она. — Я подняла их с пола, где он бросил, когда спать ложился, взяла и положила на стул. Гляжу — железная дорожка, по краям зубчики. Да и сама одежда-то — у мальчика штаны обрезаны выше колен, и платье у девочки уж такое короткое...

— Про самолеты какие-то говорили, — задумчиво произнес Джексон Форбс, — не про те, которые мы знаем, а другие, будто люди на них едут. И про ракеты, опять же не для лапты, а будто в воздухе летают.

— И расспрашивать как-то боязно, — сказала миссис Форбс. — Они... не такие какие-то, вот чувствую, а назвать не могу.

Муж кивнул.

— И словно напуганы чем-то.

— И тебе боязно, Джексон?

— Не знаю, — ответил он. — Да ведь нету других Форбсов. То есть по соседству-то нету. До Чарли пять миль как-никак. А они говорят, совсем немного прошли.

— Ну, и что ты думаешь? — спросила она. — Что мы можем тут сделать?

— Хотел бы я знать, — сказал он. — Может, поехать в поселок потолковать с шерифом? Кто знает, вдруг они потерялись, дети эти? А кто-нибудь их ищет.

— По ним вовсе и не скажешь, что потерялись, — возразила она. — Они знали, куда идут. Знали, что мы тут. Сказали мне, что я их бабушка, про тебя спросили, назвали тебя дедушкой. И все будто так и надо. Будто

и не чужие. Им про нас рассказали. Как бы на каникулы, видишь ли. Так и держатся. Словно в гости зашли.

— Ну вот что, — сказал Джексон Форбс, — запрягу-ка я Нелли после завтрака, поеду по соседям, поспрошаю. Смотришь, от кого-нибудь что-то и узнаю.

— Мальчик говорит, отец у них инженер в управлении времени. Вот и разберись. Управление — это же власти какие-то, как я понимаю...

— А может, шутка? — предположил муж. — Отец просто пошутил, а мальчонка за правду принял.

— Пойду-ка я наверх да погляжу, спят ли они, — сказала миссис Форбс. — Лампы-то я им оставила. Вон они какие маленькие, и дом чужой для них. Коли уснули, задую лампы.

Джексон Форбс одобрительно кашлянул.

— Опасно на ночь огонь оставлять, — заметил он. — А ну как пожар займется.

3

Мальчуган спал, раскинув руки, спал глубоким, здоровым сном юности. Раздеваясь перед сном, он бросил одежду на пол, но теперь все опрятно лежало на стуле — она сложила, когда приходила пожелать ему спокойной ночи.

Сумка стояла рядом со стулом, открытая, и два ряда железных зубчиков слабо поблескивали в тусклом свете лампы. И в ней что-то лежало — кое-как, в полном беспорядке. Разве так вещи складывают?

Она наклонилась, подняла сумку и взялась за металлическую скобочку, чтобы закрыть. Уж, во всяком случае, сказала она себе, мог бы закрыть, не бросать

так, открытой. Потянула скобочку, и та легко заскользила по дорожке, пока не уперлась во что-то торчащее наружу.

Книга... Она взялась за нее, хотела засунуть поглубже, чтоб не мешала. И тут увидела название — стершиеся золотые буквы на корешке. Библия.

Она помедлила, держа книгу на весу, потом осторожно вынула ее. Переплет из дорогой черной кожи, потертый, старинный. Уголки помяты, погнуты, страницы тоже стерты от долгого употребления. Золотой обрез потемнел.

Она нерешительно раскрыла книгу и на самом первом листе увидела старую, выцветшую надпись:

*Сестре Элен от Амелии
30 октября 1896 года
С самыми добрыми пожеланиями*

У нее подкосились колени, она мягко села на пол и, притулившись подле стула, прочла еще раз.

Тридцатое октября 1896 года — ну да, ее день рождения, но ведь он еще не настал, еще только начало сентября 1896 года.

А сама Библия — да сколько ей лет? Сто, наверно, а то и больше будет.

Библия — как раз то, что подарила бы ей Амелия. Но подарка-то еще нет и не может быть, до числа, которое написано на листе, целый месяц.

Вот и ясно, такого не может быть. Просто глупая шутка какая-то. Или ошибка. А может, совпадение? Где-то еще есть женщина, которую звать Элен, и у нее тоже есть сестра по имени Амелия, а число — что ж, ошибся кто-то, не тот год написал. Будто люди не ошибаются.

И все-таки она недоумевала. Они сказали, их фамилия Форбс, и пришли прямо сюда, и Пол говорил про какую-то карту, по которой они нашли дорогу.

Может, в сумке еще что-нибудь такое есть? Она поглядела на нее и покачала головой. Нет, не годится выведывать. И Библию-то она зря достала.

Тридцатого октября ей будет пятьдесят девять лет — старая женщина, жена фермера, сыновья женаты, дочери замужем, под воскресенье и на праздники внуки приезжают погостить. И сестра Амелия есть, которая в этом, 1896 году подарит ей на день рождения Библию.

Дрожащими руками она подняла Библию и положила обратно в сумку. «Спущусь вниз, Джексону расскажу. Пусть-ка поразмыслит, может, что и надумает».

Она засунула книгу на место, потянула за железку, и сумка закрылась. Поставила ее на пол, поглядела на мальчугана на кровати. Он крепко спал, и она задула лампу.

В комнате рядом спала крошка Элен, лежа по-детски, ничком. Маленький огонек над прикрученным фитилем трепетал от легкого ветерка, который струился из открытого окна.

Сумка Элен была закрыта и бережно прислонена к ножке стула. Женщина задержала на ней взгляд, потом решительно двинулась мимо кровати к столику, на котором стояла лампа.

Дети спят, все в порядке, сейчас она задует лампу и пойдет вниз, поговорит с Джексоном, и, может, ему вовсе незачем будет утром запрягать Нелли и объезжать соседей с расспросами.

Наклоняясь над лампой, она вдруг заметила на столе конверт с двумя большими многокрасочными марками в правом верхнем углу.

«Какие красивые марки, никогда таких не видела». Она нагнулась еще больше, чтобы лучше их разглядеть, и прочла название страны: Израиль. Но ведь нет на свете такого места. Это библейское имя, а страны такой нет. Раз нет страны, откуда марки?

Она взяла конверт в руки, еще раз посмотрела на марки, проверяя. Очень красивые марки!

Пол говорил, она их собирает. Таскает чужие письма.

На конверте была печать, и число должно быть, но проштемпелевано наспех, все смазано, не разобрать.

Из-под рваного края конверта, там, где его вскрывали, самую малость выглядывал краешек письма, и она поспешно извлекла его; от волнения трудно дышать, и холодок сжал сердце...

Это был конец письма, последняя страница, и буквы не писанные, а печатные, почти как в газете или книге.

Не иначе, опять какая-нибудь новомодная штука, из тех, что стоят в учреждениях в большом городе. Где-то она про них читала — пишущие машинки, что ли?

«...не думаю, — читала она, — чтобы из твоего плана что-нибудь вышло. Не успеем. Враг осадил нас, нам просто не хватает времени.

И даже если бы хватило, надо еще продумать этическую сторону. По совести говоря, какое у нас право лезть в прошлое и вмешиваться в дела людей, которые жили сто лет назад? Только представь себе, чем это будет для них, для их психологии, для всей их жизни!

А если ты все-таки решишь послать хотя бы детей, подумай, какое смятение ты внесешь в души этих двух

добрых людей, когда они поймут, в чем дело. Они живут в своем тихом мирке, спокойном, здоровом мирке. Веяние нашего безумного века разрушит все, чем они живут, во что верят.

Боюсь, ты меня все равно не послушаешь. Я сделал то, о чем ты просил. Написал тебе все, что знаю о наших предках на этой ферме в Висконсине. Как историк нашего рода, я уверен в достоверности всех фактов. Поступай, как знаешь, и пусть бог нас милует.

*Твой любящий брат
Джексон*

Р. С. Кстати, если ты все-таки отправишь туда детей, пошли с ними хорошую дозу нового противоракового средства. Прапрапрабабушка Форбс умерла в 1904 году, насколько я понимаю, от рака. С этими таблетками она сможет прожить лишних десять-двадцать лет. И ведь это ничего не значит для нашего сумбурного будущего, верно? Что выйдет, не знаю. Может быть, это спасет нас. Может, ускорит нашу гибель. Может, никак не повлияет. Сам разбирайся.

Если я успею все здесь закончить и выберусь отсюда, я буду с тобой, когда придет конец».

Она машинально сунула письмо обратно в конверт и положила его на стол рядом с мигающей лампой.

Медленно подошла к окну и посмотрела на пустынную тропинку.

Они придут за нами, сказал Пол. Придут ли? Смогут ли?

Хоть бы им это удалось. Бедные люди, бедные, испуганные дети, запертые в западне будущего.

Кровь от моей крови, плоть от плоти, и столько лет нас разделяет. Пусть они далеко, все равно моя плоть и кровь. Не только эти двое, что спят под моей крышей сегодня ночью, но и все те, которые остались там.

В письме написано — 1904 год, рак. До тех пор еще восемь лет, она будет совсем старуха. И подпись — Джексон. Уж не Джексон ли Форбс? Может, имя из поколения в поколение передавалось?

Она словно окаменела. После придет страх. После она будет не рада, что прочла это письмо, не рада, что знает.

А теперь надо идти вниз и как-то все объяснить Джексону.

Она прошла к столу, задула лампу и вышла из комнаты.

Чей-то голос раздался за ее спиной:

— Бабушка, это ты?

— Да, Пол, — ответила она. — Что тебе?

Стоя на пороге, она увидела, как он, освещенный полоской лунного света из окна, присел подле стула и что-то ищет в сумке.

— Я забыл. Папа велел мне, как приду, сразу отдать тебе одну вещь.

ОТЕЦ-ОСНОВАТЕЛЬ

Перед самыми сумерками Уинстон-Кэрби возвращался домой по заросшей вереском пустоши и думал, что природа показывает себя сейчас во всей красе. Солнце медленно погружалось в пурпурную пену облаков, и на низины уже пал серебристо-серый туман. Порой ему казалось, что сама вечность притихла, застыла дыхание.

День выдался хороший, и было приятно возвращаться домой, где все уже ждут его, стол накрыт, камин пылает, бутылки откупорены. Как жаль, что никто не составил ему компании в прогулке, хотя именно сейчас он был рад этому. Иногда хочется побыть одному. Почти сто лет провел он на борту космического корабля и почти всегда — на людях.

Но теперь это было позади и они все шестеро могли поселиться здесь и вести жизнь, о которой мечтали. Прошло всего несколько недель, а планета уже кажется домом; пройдут годы, и она на самом деле станет их домом, даже более родным, чем Земля.

И вот уже в который раз он радовался и удивлялся, как им вообще все удалось. Невероятно, как это Земля могла выпустить шестерых бессмертных из своих цепких рук. Земля действительно очень нуждалась в своих бессмертных, и то, что не один, а шестеро могли ускользнуть, чтобы начать жить так, как им хочется, было совершенно непостижимым. И все-таки это произошло.

Есть тут что-то странное, говорил себе Уинстон-Кэрби. Во время своего векового полета от Земли они часто говорили об этом и удивлялись, как все случилось.

Помнится, Крэпфорд-Адамс был убежден, что это хитрая ловушка, но прошло сто лет, а никакой ловушки и в помине нет; Крэпфорд-Адамс, пожалуй, ошибался.

Уинстон-Кэрби поднялся на вершину небольшого холма и в сгущавшихся сумерках увидел дом, — именно о таком доме он мечтал все эти годы, только такой дом и надо было строить в этом прекрасном крае, разве что роботы перестарались и сделали его слишком большим. Но он утешал себя: таковы уж эти роботы. Работящие, добросовестные, услужливые, но порой невыносимо глупые.

Он стоял на вершине холма и разглядывал дом. Сколько раз, собравшись за обеденным столом, он и его товарищи обсуждали план будущего дома! Как часто сомневались они в том, насколько точны сведения об этой планете, которую они долго выбирали по «Картотеке исследований», как боялись, что в действительности она окажется совсем не такой, какой ее описывали.

И наконец вот оно — что-то от Харди, что-то из «Баскервильской собаки» — давняя мечта, ставшая явью.

Вот усадьба, во всех окнах горит свет. Темная громада пристроек для скота, который они привезли с собой в корабле в виде замороженных эмбрионов и сейчас поместили в инкубатор. Там — равнина, на которой через несколько месяцев будут поля и сады, а на севере стоит корабль, проделавший огромный путь. И вдруг на глазах Уинстона-Кэрби прямо над носом корабля загорелась первая яркая звездочка. Корабль и звезда были в точности похожи на традиционную рождественскую свечу.

Ликующий от переполнявшего его счастья, Уинстон-Кэрби стал спускаться с холма; в лицо повеяло

ночной прохладой, в воздухе стоял знакомый издревле запах вереска.

Грешно так радоваться, думал он, но на это есть причины. Летели удачно, сели на планету успешно, и вот он здесь, полновластный хозяин целой планеты, на которой когда-нибудь станет основателем рода и династии. И у него масса времени впереди. Нет нужды торопиться. Впереди, если понадобится, целая вечность.

И, что лучше всего, — у него хорошие товарищи.

Они будут ждать момента, когда он появится на пороге. Они посмеются и сразу выпьют, потом не спеша пообедают, а позже будут пить бренди перед пылающим камином. И разговаривать... неторопливо, задушевно, дружелюбно.

Именно разговоры вернее, чем что бы то ни было, помогли им не потерять рассудка за время векового космического полета. Именно это, их приязнь, согласие по поводу наиболее утонченных сторон человеческой культуры — понимание искусства, любовь к литературе, интерес к философии. Не часто шестеро людей могут прожить вместе сотню лет без единой ссоры, без размовок.

В усадьбе они уже ждут его: свечи зажжены, коктейли готовы, идет беседа, и в комнате тепло от дружелюбия и полного взаимопонимания.

Крэнфорд-Адамс сидит в большом кресле перед камином, глядит на пламя и думает: ведь в группе он самый глубокий мыслитель. А Эллин-Бэрбидж стоит, облокотившись на каминную доску и сжимая в руке стакан, с блестящими от хорошего настроения глазами. Козетта-Миддлтон разговаривает с ним и смеется, потому что она хохотушка. У нее легкий, как у эльфа, нрав и золотистые волосы. Анна-Куинз, вероятнее все-

го, читает, свернувшись в кресле, а Мери-Фойл просто ждет его, радуясь жизни и друзьям.

Это товарищи по долгому путешествию — такие отзывчивые, терпимые и добрые, что и в целый век не потускнела красота их дружбы.

Подумав о пятерых, которые ждут его, Уинстон-Кэрби против своего обыкновения побежал: ему страстно захотелось быть с ними, рассказать им о прогулке по пустоши, обсудить некоторые детали совместных планов.

Он перешел на шаг. Как обычно, ветер с наступлением темноты стал холодным, и Уинстон-Кэрби поднял воротник куртки, чтобы хоть как-то защититься от него.

Он подошел к двери и немного постоял на холоде, в который раз любуясь массивной деревянной конструкцией и приземистой солидностью здания. Усадьба построена на века, дабы внушить будущему поколению чувство прочности существования.

Он нажал на защелку, надавил дверь плечом, и она медленно отворилась. Изнутри пахло теплым воздухом. Уинстон-Кэрби вошел в прихожую и закрыл за собой дверь. Сняв шапку и куртку, он стал искать, куда бы повесить их, нарочно топая и шаркая ногами, чтобы дать знать другим о своем возвращении.

Но его никто не приветствовал, не слышно было счастливого смеха. Там, в комнате, царил тишина.

Уинстон-Кэрби повернулся так резко, что рукой задел куртку и сорвал ее с крючка. Она шурша упала на пол.

Он было побежал, но ноги стали как ватные и он зашаркал ими, обмирая от страха.

Дошел до двери в комнату и остановился, не решаясь от ужаса двинуться дальше. Расставив руки, он вцепился в дверные косяки.

В комнате никого не было. Мало того... комната совершенно переменялась. И не просто потому, что исчезли товарищи. Исчезла также богатая обстановка комнаты, исчезли ее уют и благородный вид.

Не было ни ковров на полу, ни занавесей на окнах, ни картин на стенах. Ничем не украшенный камин сложен из необработанного камня. Мебель (то немногое, что было) примитивная, грубо сколоченная. Перед камином — небольшой стол на козлах, а у того места, где стоял прибор на одну персону, — трехногий табурет.

Уинстон-Кэрби пытался кого-нибудь позвать. Но слова застряли в горле. Он сделал еще одну попытку, и она удалась:

— Джоб! Джоб, где ты?

Откуда-то из глубины дома прибежал робот.

— Что случилось, сэр?

— Где остальные? Куда они ушли? Они должны были ждать меня!

Джоб слегка покачал головой.

— Мистер Кэрби, их тут не было.

— Не было?! Но утром, когда я уходил, они же были. Они знали, что я вернусь.

— Вы не поняли меня, сэр. Здесь никого никогда не было. Только вы, я и другие роботы. И эмбрионы, конечно.

Уинстон-Кэрби опустил руки и сделал несколько шагов вперед.

— Джоб, — сказал он, — ты шутишь.

Но он знал, что ошибается: роботы никогда не шутят.

— Мы старались оставить их вам как можно дольше, — сказал Джоб. — Нам очень не хотелось отнимать их у вас, сэр. Но оборудование нам понадобилось для инкубаторов.

— А эта комната! Ковры, мебель...

— И это тоже, сэр. Все это димензино.

Уинстон-Кэрби медленно подошел к столу, придвинул трехногий табурет и сел.

— Димензино? — переспросил он.

— Вы, конечно, помните, что это.

Он поморщился, показывая, что не знает. Но кое-что он уже начал вспоминать, медленно, нехотя пробираясь сквозь туман многих лет забвения.

Уинстон-Кэрби не хотел ни вспоминать, ни знать. Он попытался задвинуть все в темный угол сознания. А это уже было кощунство и предательство... это было безумие.

— Человеческие эмбрионы, — сказал Джоб, — перенесли путешествие хорошо. Из тысячи только три нежизнеспособны.

Уинстон-Кэрби потряс головой, словно разгоняя туман, которым заволокло его мозг.

— Все инкубаторы установлены в пристройках, сэр, — продолжал Джоб. — Мы ждали сколько могли, а потом забрали оборудование димензино. Мы дали вам попользоваться им до последней минуты. Было бы легче, сэр, если бы мы могли это делать постепенно, но не получилось. Или димензино есть, или его нет.

— Разумеется, — с трудом выдавил из себя Уинстон-Кэрби. — Вы очень любезны. Большое спасибо.

Он встал, пошатнулся и провел рукой по глазам.

— Это невозможно, — сказал он. — Этого просто не может быть. Я жил вместе с ними сто лет. Они такие же настоящие, как и я. Говорю тебе, они были из плоти и крови. Они..

Комната по-прежнему была голая и пустая. Насмешливая пустота. Злая насмешка.

— Это возможно, — мягко сказал Джоб. — Так оно и было. Все идет по плану. Вы здесь и по-прежнему в здравом уме благодаря димензино. Эмбрионы перенесли путешествие лучше, чем ожидалось. Оборудование не повреждено. Месяцев через восемь из инкубаторов начнут поступать дети. К тому времени мы разобьем сады и засеем поля. Эмбрионы домашнего скота тоже помещены в инкубаторы, и колония будет обеспечена всем необходимым.

Уинстон-Кэрби шагнул к столу и поднял единственную тарелку, стоявшую на нем. Она была из легкого пластика.

— Скажи мне, у нас есть фарфор? Есть у нас хрусталь или серебро?

У Джоба был почти удивленный вид, если только робот вообще мог удивляться.

— Конечно, нет, сэр. На корабле у нас было место только для самых необходимых вещей. Фарфор, серебро и все прочее подождут.

— Значит, у меня был скудный корабельный рацион?

— Естественно, — сказал Джоб. — Места было мало, а взять надо было так много...

Уинстон-Кэрби стоял с тарелкой в руке, постукивая ею по столу, вспоминая прошлые обеды (и на борту корабля, и после посадки), горячий суп в приятной на ощупь супнице, розовые сочные ребрышки, громадные рассыпчатые картофелины, хрустящий зеленый салат, сверканье начищенного серебра, мягкий блеск хорошего фарфора...

— Джоб, — сказал он.

— Да, сэр?

— Значит, это все была иллюзия?

— К сожалению, да, сэр. Простите, сэр.

— А вы, роботы?

— Все мы в прекрасном состоянии, сэр. С нами другое дело. Мы можем смотреть действительности в глаза.

— А люди не могут?

— Иногда их лучше защитить от нее.

— Но не теперь?

— Больше нельзя, — сказал Джоб. — Теперь вы должны посмотреть действительности в глаза, сэр.

Уинстон-Кэрби положил тарелку на стол и повернулся к роботу лицом.

— Я пойду в свою комнату и сменю костюм. Надеюсь, обед будет готов скоро. И, несомненно, корабельный рацион?

— Сегодня особый обед, — сказал Джоб. — Иезекия нашел лишайники, и я сделал кастрюлю супа.

— Превосходно! — сказал Уинстон-Кэрби, пряча усмешку.

Он поднялся по лестнице к двери своей комнаты. Но тут внизу протопал еще один робот.

— Добрый вечер, сэр, — сказал он.

— А кто ты?

— Я Соломон, — ответил робот. — Я строю ясли.

— Надеюсь, звуконепроницаемые?

— О, нет. У нас не хватает ни материала, ни времени.

— Ладно, продолжайте, — сказал Уинстон-Кэрби и вошел в комнату.

Это была вообще не его комната. Вместо большой кровати на четырех ножках, в которой он спал, висела койка, и не было ни ковров, ни большого зеркала, ни кресел.

— Иллюзия! — сказал он, но сам не поверил. Это была уже не иллюзия. От комнаты веяло холодом

мрачной действительности — действительности, которую надолго не отсрочишь. Оказавшись в крохотной комнатенке один, он остался лицом к лицу с действительностью — и еще больше ощутил потерю. Это был расчет на очень далекое будущее, так надо было сделать... не из жалости, не из осторожности, а в силу холодной, упрямой необходимости. Это была уступка человеческой уязвимости.

Потому что ни один человек, даже самый приспособленный, даже бессмертный, не мог бы перенести такое долгое путешествие и сохранить здоровыми тело и дух. Чтобы прожить век в космических условиях, нужна иллюзия, нужны спутники. Они обеспечивают безопасность и полноту жизни изо дня в день. И спутники должны быть не просто людьми. Спутники-люди, даже идеальные, будут давать поводы для бесчисленных раздражений, которые приведут к смертельной космической лихорадке.

Тут может помочь только димензино — спутники, порожденные им, приспособляются к любому настраиванию человека. Кроме того, создается обстановка для такого товарищества; жизнь, в которой исполняются все желания, обеспечивает безопасность, какой человек не знал даже в нормальных условиях.

Уинстон-Кэрби сел на койку и стал развязывать шнурки тяжелых ботинок.

Он подумал, что человеческий род практичен — практичен до такой степени, что надувает себя ради достижения цели, практичен до такой степени, что создает оборудование димензино из деталей, которые затем, по прибытии, могут быть использованы при сооружении инкубаторов.

Человек охотно ставит все на карту только тогда, когда в этом есть необходимость. Человек готов дер-

жать пари, что выживет в космосе, проживет целое столетие, если его изолируют от действительности — изолируют при помощи кажущейся плоти, которая, в сущности, живет только милостью человеческого мозга, подтапливаемого электроникой.

До сих пор ни один корабль не забирался так далеко с колонизаторской миссией. Ни один человек не существовал и половины такого срока под влиянием димензино. Но было всего несколько планет, где человек мог основать колонию в естественных условиях, без громадных дорогих сооружений, без мер предосторожности. Ближайшие планеты были уже колонизированы, а разведка показала, что эта планета, которой он наконец достиг, особенно привлекательна.

Поэтому Земля и человек держали пари. Особенно один человек, сказал себе с гордостью Уинстон-Кэрби, но в его устах слова эти прозвучали не гордо, а горько. Когда голосовали, вспомнил он, за его предложение высказались только трое из восьми.

И все же, несмотря на горечь, он понимал значение того, что совершил. Это был еще один прорыв, еще одна победа маленького неумного мозга, стучавшегося в двери вечности.

Это значило, что путь в Галактику открыт, что Земля может оставаться центром расширяющейся империи, что димензино и бессмертный могут путешествовать на самый край космоса, что семя человека будет заброшено далеко — замороженные эмбрионы пронесутся сквозь холодные черные бездны, о которых даже подумать страшно.

Уинстон-Кэрби подошел к небольшому комоду, нашел чистую одежду и, положив ее на койку, стал снимать свой прогулочный костюм.

Все идет согласно плану, как сказал Джоб.

Дом и впрямь больше, чем он того хотел, но роботы правы: для тысячи младенцев понадобится большое здание. Инкубаторы действуют, ясли готовятся, подрастает еще одна далекая колония Земли.

А колонии важны, подумал он, припоминая тот день, сто лет назад, когда он и многие другие изложили свои планы. Там был и его план — как под влиянием иллюзии сохранить разум. В результате мутаций появляется все больше и больше бессмертных, и недалек тот день, когда человечеству понадобится все пространство, до которого оно только сможет дотянуться.

И именно появившиеся в результате мутаций бессмертные становятся руководителями колоний: они отправляются в космос в качестве отцов-основателей и в начальной стадии руководят каждый своей колонией, пока она не встанет на ноги.

Уинстон-Кэрби знал, что дел хватит на десятки лет: он будет отцом, судьей, мудрецом и администратором, своего рода старейшиной совершенно нового племени.

Он натянул брюки, сунул ноги в туфли и встал, чтобы заправить рубашку в брюки. И по привычке повернулся к большому зеркалу.

И зеркало оказалось на месте!

Изумленный, глупо раскрыв рот, он смотрел на собственное отражение. И в зеркале же он увидел, что позади стоят кровать на четырех ножках и кресла.

Он круто повернулся: кровать и кресла исчезли. В противной комнатенке остались только койка да комод.

Он медленно присел на край койки и до дрожи стиснул руки.

Это неправда! Этого не может быть! Димензино больше нет.

И все же оно с ним, оно притаилось в мозгу, совсем рядом, надо только поискать.

Найти его оказалось легко. Комната сразу изменилась и стала такой, какой он помнил ее: большое зеркало, массивная кровать (вот он сидит на ней), пушистые ковры, сверкающий бар и со вкусом подобранные занавеси.

Он пытался прогнать видение, просто отыскав в каком-то далеком темном чулане своего сознания воспоминание о том, что он должен прогнать его.

Но видение не исчезло.

Он делал все новые и новые попытки, но оно не исчезало, и он чувствовал, как желание прогнать видение ускользает из его сознания.

— Нет! — закричал он в ужасе, и ужас сделал свое дело.

Уинстон-Кэрби сидел в маленькой голой комнате.

Он почувствовал, что тяжело дышит, словно карабкался на высокую крутую гору. Руки сжаты в кулаки, зубы стиснуты, по ребрам течет холодный пот.

А было бы так легко, подумал он, так легко и приятно скользнуть обратно туда, где покойно, где царит настоящая теплая дружба, где нет настоящей необходимости что-то делать.

Но он не должен так поступать, потому что впереди работа. Пусть это кажется неприятным, скучным, отвратительным — делать все равно надо. Потому что это не просто еще одна колония. Это прорыв, это прямая дорога к знанию, это уверенность в том, что человек больше не скован временем и расстояниями.

И все же надо признать, что опасность велика; сам человек оградить разум от нее не может. Надо сообщить все клинические симптомы этой болезни, чтобы

на Земле ее изучили и нашли какое-нибудь противоядие.

Но что это — побочный эффект димензино или прямое следствие его? Ведь димензино всего лишь помогает человеческому мозгу, причем весьма любопытным образом: создает контролируемые галлюцинации, отражающие исполнение желаний.

Вероятно, за сотню лет человеческий мозг так хорошо овладел техникой создания галлюцинаций, что отпала необходимость в димензино.

Надо во всем разобраться. Он совершил длительную прогулку, и за много часов одиночества иллюзия не потускнела. Нужен был внезапный шок тишины и пустоты, встретивших его вместо ожидаемых теплых приветствий и смеха, чтобы развеять туман иллюзии, который окутывал его многие годы. И даже теперь иллюзия затаилась, действовала на психику, стерегла за каждым углом.

Когда она начнет тускнеть? Что надо сделать, чтобы полностью избавиться от нее? Как ликвидировать то, к чему он привыкал целый век? Какова опасность... может ли сознание преодолеть ее или придется снова невольно уйти от мрачной действительности?

Он должен предупредить роботов. Надо поговорить с ними. Предусмотреть какие-нибудь чрезвычайные меры на тот случай, если к нему вернется иллюзия, предусмотреть решительные действия, если понадобится защитить его против его же воли.

Впрочем, хорошо бы выйти из комнаты, спуститься вниз по лестнице и обнаружить, что остальные ждут его, вино откупорено, разговор уже начался...

— Прекратить! — закричал Уинстон-Кэрби.

Выбросить иллюзию из головы — вот что он должен сделать. Не надо даже думать о ней. Необходимо очень

много работать, чтобы не оставалось времени думать. Надо сильно уставать, чтобы валиться в постель и сразу крепко засыпать.

Уинстон-Кэрби припомнил, что надо делать: наблюдать за работой инкубаторов, готовить почву под сады и поля, обслуживать атомные генераторы, заготавливать лес для строительства, исследовать и наносить на карту прилегающую территорию, капитально отремонтировать корабль и послать его с роботами на Землю.

Он думал только об этом. Он намечал все новые дела. Он планировал их на многие дни, месяцы и годы вперед. И наконец почувствовал, что доволен.

Он владел собой.

Снизу донеслись голоса, и нить размышлений оборвалась.

Страх захлестнул его. Потом исчез. Вспыхнула радость, и он быстро направился к двери.

На лестнице он остановился и взялся рукой за перила.

Мозг бил в набат, и радость исчезла. Осталась только печаль, невыносимая, жуткая тоска.

Он видел часть нижней комнаты, он видел, что на полу лежит ковер. Он видел занавеси, картины и одно инкрустированное золотом кресло.

Уинстон-Кэрби со стоном повернулся и убежал в свою комнату. Он захлопнул дверь и прислонился к ней спиной.

Комната была такой, какой ей и полагалось быть, — голой, бедной, холодной.

Слава богу, подумал он. Слава богу!

Снизу донесся крик:

— Уинстон, что с вами? Уинстон, идите сюда скорей!

И другой голос:

— Уинстон, у нас праздник! На столе молочный поросенок!

И еще один голос:

— С яблоком во рту!

Он не ответил.

Они исчезнут, думал он. Им придется исчезнуть.

Но, даже когда он подумал это, ему страстно захотелось отворить дверь и броситься вниз по лестнице. Туда, где его снова ждал покой и старые друзья...

Уинстон-Кэрби почувствовал, что руки его за спиной сжимают дверную ручку так, будто примерзли к ней.

Он услышал шаги на лестнице и голоса, счастливые голоса друзей, которые шли за ним.

СПЕЦИФИКА СЛУЖБЫ

Ему снился родной дом, и когда он проснулся, то долго не открывал глаз, силясь удержать видение. Что-то осталось, но это «что-то» было смутно, размыто, лишено отчетливости и красок. Родной дом... Он представлял себе его, знал, какой он, мог воскресить в памяти далекое, недостижимое, но нет — во сне все было ярче!

И все-таки он не открывал глаз, так как слишком хорошо знал, что предстанет его взгляду, и всячески оттягивал встречу с грязной, неудобной конурой, в которой находился. «Если бы только грязь и отсутствие уюта, — подумал он, — а то ведь еще это тоскливое одиночество, это чувство, что ты на чужбине». Пока глаза закрыты, можно делать вид, будто суровой действительности нет, но он уже на грани, щупальца реальности уже протянулись к полной теплоты и задушевности картины, которую он тщится сохранить в уме...

Все, дольше нельзя. Ткань сновидения стала чересчур тонкой и редкой, чтобы противостоять реальности. Хочешь не хочешь, открывай глаза.

Так и есть: отвратительно. Неуютно, грязно, безотрадно, и кругом притаилась эта враждебность, от которой можно сойти с ума. Теперь — взять себя в руки, собраться с духом и встать, начать еще один мучительный день.

Штукатурка на потолке потрескалась, осыпалась, получились большие безобразные кляксы. Краска на стенах шелушилась, темные потеки напоминали о дождях. И запах. Затхлый запах давно не проветриваемого жилого помещения...

Глядя на потолок, он пытался представить себе небо. Когда-то он мог увидеть его сквозь любой потолок. Потому что небо было его стихией, небо и пустынный привольный космос за ним. Теперь он их лишился, они ему больше не принадлежат.

Пометка в трудовой книжке, выговор в личном деле — все, что требуется, чтобы погубить карьеру человека, навсегда сокрушить все надежды и обречь его на изгнание на чужой планете.

Он сел на край кровати, нашарил пяткой брошенные на пол брюки, надел их, втиснул ноги в ботинки, встал.

Тесная, скверная комнатка. И дешевая. Настанет день, когда ему даже такая будет не по карману. Деньги на исходе, и, когда последние уйдут, придется искать работу, любую работу. Может, стоило позаботиться об этом раньше, не тянуть до последнего? Но он не мог себя заставить. Связаться с работой, осесть здесь — значит признать свое поражение, поставить крест на мечте о возвращении домой.

«Дурак, — сказал он себе, — и что тебя потянуло в космос?» Эх, попасть бы только домой, на Марс, и больше его канатом из дома не вытянуть. Вернется на ферму, займется хозяйством, как отец хотел. Женится на Элен, осядет, пусть другие дурни с риском для жизни носятся по солнечной системе.

Романтика... Это она кружит голову мальчишкам, юнцам с восторженными глазами. Романтика дальних странствий, дебрей космоса с лучистыми зрачками звезд, романтика поющих двигателей, холодного булата, вспарывающего черноту и безлюдье пустоты, романтика воплощенных в комочке плоти куража и удали, бросающих вызов пустоте.

А романтики-то не было. Был тяжелый труд, вечное напряжение и щемящая тревога, точащий душу страх, который ловил перебои в работе силового устройства... звонкий удар о металлическую оболочку... любую из тысяч бед, подстерегающих человека в космосе.

Он взял с ночного столика бумажник, сунул его в карман, вышел в коридор и спустился по шаткой лестнице вниз.

Покосившаяся, ветхая терраса. И зелень, неистовая, буйная зелень Земли. Мерзкий, отвратительный цвет, который оглушает и вызывает внутренний отпор. Все зеленое: трава, кусты, каждое дерево. Если смотреть на зелень чересчур долго, так и кажется, что она пульсирует, трепещет потайной жизнью, и ведь нет спасения от нее, разве что запереться где-нибудь.

Зелень, яркое солнце, изнуряющий зной — все это делает Землю невыносимой. Правда, от света можно уйти, с жарой тоже можно как-то справиться, но зелень вездесуща.

Он спустился с крыльца, ища в кармане сигареты. Нашупал смятую пачку и в ней единственную смятую сигарету. Прилепил ее к губе, выбросил пачку и остановился в воротах, соображая, что делать дальше.

Но это усилие мысли было показным, он заранее знал, как поступит. Выбора не было. Одно и то же повторялось изо дня в день уже которую неделю. То же будет и сегодня, и завтра, и послезавтра, пока не уйдет последний цент.

А потом — да, что потом?

Поступить на работу и попытаться хоть что-то из этого извлечь? Копить деньги, пока не наберется на билет до Марса? Пусть любая должность на корабле ему заказана, но ведь пассажира-то они обязаны взять!

Эх, пустые расчеты все это... Чтобы накопить достаточно, нужно двадцать лет, а где они?

Он закурил и побрел по улице. Даже сквозь сигаретный дым он ощущал запах ненавистной зелени.

Миновав десять кварталов, он очутился у космодрома. Над полем возвышался корабль. Он постоял, глядя на него, затем направился к убогому ресторанчику позавтракать.

«Корабль, — думал он. — Обнадеживающий признак». В иные дни ни одного не увидишь, а иногда — сразу три-четыре. Сегодня есть корабль; может, *тот самый*.

«Когда-нибудь, — сказал он себе, — найду же я корабль, который доставит меня домой». Корабль, которому до зарезу будет нужен механик, и капитан закроет глаза на злополучную запись в трудовой книжке.

Но он знал, что обманывает себя. Каждый день он говорит себе одно и то же. Вероятно, чтобы оправдать свои ежедневные визиты в отдел найма. Самообман, который помогает сохранить надежду, не пасть духом. Самообман, который позволяет даже кое-как терпеть мрачную, душную конуру и зеленую Землю.

Он вошел в ресторан и сел за столик.

Подошла официантка, чтобы принять заказ.

— Опять оладьи? — спросила она.

Он кивнул. Оладьи — дешевая и сытная пища, а ему надо подольше растянуть деньги.

— Сегодня вы найдете свой корабль, — сказала официантка. — У меня такое чувство.

— Возможно, — отозвался он, не очень-то веря.

— Я знаю, что у вас на душе, — продолжала официантка. — Знаю, как это тяжело. Сама мучилась тоской по родине, когда впервые уехала из дому. Думала, умру.

Он промолчал, чувствуя, что ответить — значит уронить свое достоинство. Хотя на кой оно черт ему теперь, это достоинство!

Конечно, речь шла не об обычной тоске по родине. Это уже планетная ностальгия, тоска по другой культуре, боль от разлуки со всем, к чему привык и к чему привязан.

И тут, сидя в ожидании оладий, он воскресил в памяти сон: уходящие в даль красные увалы, ласкающий кожу сухой, прохладный воздух, блеск звезд в сумерках, волшебное золото отдаленных песчаных бурь. И низенький дом жметя к земле, и на террасе, обращенной к закату, неподвижно сидит в кресле седой старик...

Официантка принесла оладьи.

«Настанет день, — мысленно сказал он, — когда я не смогу больше выносить этого самоистязания, этой жалости к самому себе». Он давно ее раскусил, и давно пора от нее избавиться. И тем не менее мирился с ней, больше того, она стала определять его помыслы и поступки. Она была его щитом и самооправданием, движущей силой, которая поддерживала его на ходу.

Он доел оладьи и расплатился.

— Счастливо, — сказала официантка, улыбаясь.

— Спасибо, — ответил он.

Он потащился по дороге, по скрипучему гравию, и солнце припекало ему спину, но хоть от зелени он был избавлен. Космодром голый, безжизненный — обоженный и обнаженный.

Он достиг цели и подошел к конторке.

— Опять вы, — сказал уполномоченный по найму.

— Есть рейс на Марс?

— Нет. Хотя постоит. Тут недавно один справлялся...

Уполномоченный поднялся, вышел за дверь и стал кого-то звать.

Через несколько минут он вернулся к конторке. За ним шел свирепый тяжеловес. На голове у тяжеловеса была фуражка с потертыми, тусклыми буквами «КАПИТАН». В остальном костюме никак не отвечал его званию.

— Вот этот человек, — сказал уполномоченный капитану. — Имя — Энсон Купер. Механик первого класса, но личное дело...

— К черту личное дело! — рявкнул капитан. Он обратился к Куперу: — «Моррисоны» знаете?

— С пеленок, — ответил Купер.

Это была неправда, но он был уверен, что справится с двигателями.

— Они в общем-то ничего, — продолжал капитан, — только иногда барахлят немного, капризничают. Придется вам понынчиться с ними. Глаз не сводить с них. Зазеваетесь — пиши пропало.

— Как-нибудь, — сказал Купер.

— Мой механик подвел меня, сбежал. — Капитан плюнул на пол, демонстрируя презрение к дезертирующим механикам. — Слабоват в коленках оказался.

— У меня коленки в порядке, — твердо сказал Купер.

Он знал, что его ждет. Но выбора не было. Путь на Марс лежал через «моррисоны».

— Что ж, тогда пошли, — сказал капитан.

— Минутку, — вмешался уполномоченный. — Так это не делается. Вы обязаны дать ему время собрать свои пожитки.

— Мне нечего собирать, — вставил Купер, вспоминая жалкое барахло, которое осталось в гостинице. — Ничего стоящего.

— Вам должно быть ясно, — продолжал уполномоченный, обращаясь к капитану: — Союз не может поручиться за человека с таким личным делом.

— А мне наплевать, — отрезал капитан. — Лишь бы он знал толк в двигателях. Больше мне ничего не надо.

Идти до корабля было далеко. Он и новый-то не представлял собой ничего особенного, а с годами не стал лучше. Да, на таком вообще летать — пытка, не говоря уж о том, чтобы нянчиться с «моррисонами»...

— Не рассыпется, не бойтесь, — сказал капитан. — Он протянет дольше, чем вы думаете. Просто удивительно, на что способна такая посудина, всем чертям назло.

«Только еще один рейс, — подумал Купер. — Чтобы доставить меня на Марс. А там пусть рассыпается».

— Корабль великолепен, — сказал он совершенно искренне.

Он подошел к могучему стабилизатору и положил на него ладонь. Тяжелый металл, краска давно облупилась, рябой от коррозии, и холодок затаился в толще, точно корабль еще не отдал всю впитавшуюся в него космическую стужу.

«Наконец, — подумал он. — После стольких недель ожидания вот оно наконец, стальное произведение инженерного искусства, которое доставит меня домой».

Он вернулся туда, где стоял капитан.

— Приступим, что ли, — сказал он. — Хочу посмотреть на двигатели.

— Они в порядке, — ответил капитан.

— Возможно. Все-таки я их проверю.

Он ждал, что двигатели будут в скверном состоянии, но не настолько. На что уж корабль выглядел жалко, а «моррисоны» оказались еще хуже.

— Тут надо поработать, — сказал он. — С такими двигателями нельзя выходить в рейс.

Капитан вспылил и выругался:

— Учтите, вылетаем на рассвете! Срочное задание!

— На рассвете и вылетим, — отрезал Купер. — Вы только не вмешивайтесь.

Он расставил людей по местам и сам проработал четырнадцать часов подряд без передышки, не спал и не ел. После чего зажал большой палец в кулаке и доложил капитану, что все готово.

Они благополучно прошли атмосферу. Купер разжал кулак и облегченно вздохнул. Теперь только следить за тем, чтобы не было перебоев.

Капитан вызвал его к себе и поставил на стол бутылку.

— А вы справились куда лучше, чем я ожидал, мистер Купер.

Купер покачал головой.

— Мы еще не прилетели, капитан. Впереди немалый путь.

— Мистер Купер, — сказал капитан, — вы знаете, что мы везем?

Купер покачал головой.

— Лекарства, — сказал капитан. — Там эпидемия. Только наш корабль был более или менее готов к рейсу. Вот нас и послали.

— Дали бы сперва сделать капитальный ремонт двигателей.

— Время не позволило. Каждая минута на счету.

Купер глотнул из рюмки, оглушенный всеобъемлющей усталостью.

— Эпидемия, говорите? А что именно?

— Песчаная лихорадка, — ответил капитан. — Знаете, наверно.

Смертельный ужас холодком пополз по спине Купера.

— Знаю. — Он допил виски и встал. — Я пошел, начальник. Надо присмотреть за двигателями.

— Мы надеемся на вас, мистер Купер. Нужно добраться.

Он вернулся в машинное отделение и упал в кресло, слушая пение двигателей, пронизавшее все клеточки корабля. Они должны работать без перебоев. Теперь это яснее, чем когда-либо. Дело не только в том, чтобы вернуться домой: родная планета ждет лекарства.

«Обещаю, — сказал он сам себе. — Обещаю, что мы долетим».

Он не щадил команду, не щадил себя — изо дня в день, под выматывающий душу, почти нестерпимый вой дюз и гром этих чертовых «моррисонов».

Какой там сон — хорошо, если удавалось прикорнуть на несколько минут. Какой там обед — разве что перекусишь чуток на ходу. Работа, работа, но еще хуже — надзор, ожидание, все тело напряжено: сейчас начнут заикаться... Или лязгнет металл, возвещающая беду.

«И зачем только, — билась в голове смутная мысль, — человек выходит в космос? С какой стати идет на такую работу?» Конечно, здесь, в машинном, рядом с изношенными двигателями, чувствуешь себя хуже, чем в других отсеках. Но и там не сладко. Атмосфера корабля насыщена нервозностью, но хуже всего — черный, гнетущий страх перед космосом, перед тем, что космос может сделать с кораблем и людьми на борту.

На новых, более крупных кораблях обстановка вроде получше, да и то ненамного. По-прежнему принято пичкать успокоительным пассажиров и переселенцев,

летающих осваивать другие планеты. Чтобы не нервничали, не реагировали так остро на неудобства, не поддавались панике.

Но с командой так не поступишь. Она должна быть начеку, готовая ко всему. Она обязана все снести.

Возможно, придет пора, когда корабли будут достаточно велики, двигатели и горючее достаточно совершенны, когда поумерится страх человека перед пустотой космоса. Тогда станет легче. Но до этого, наверно, еще очень далеко. Ведь уже прошло двести лет, как предки Купера в числе первых улетели осваивать Марс.

«Не будь сознания того, что я возвращаюсь домой, — сказал он себе, — не вынес бы, не выдержал». Даже здесь, где загустела всяческая вонь, он чувствовал запах сухого, прохладного воздуха родной планеты. Сквозь металлическую оболочку летящего корабля, через неслучайные темные мили видел нежные краски заката на красных увалах. В этом его преимущество перед остальными. Если бы не мысль, что он возвращается домой, он бы не выстоял.

Медленно тянулись дни, и двигатели тянули, и крепла надежда в его душе. И наконец надежда сменялась торжеством.

И наступил день, когда корабль вихрем скользнул вниз сквозь холодную, разреженную атмосферу, и пошел на посадку, и сел.

Он протянул руку, повернул ключ — двигатели взревели и смолкли. Тишина объяла изможденную сталь, онемевшую от долгого гула.

Он стоял подле двигателей, оглушенный тишиной, испытывая ужас перед совершенным безмолвием.

Он пошел вдоль двигателей, скользя рукой по металлу, глядя сго, точно животное, удивленный и чуть

недовольный тем, что в его душе родилось некое подобие странной нежности к машине.

А впрочем, почему бы нет? Двигатели доставили его домой. Он нянчился, возился с ними, проклинал их, надзирал за ними, спал рядом с ними — и они доставили его домой.

А ведь, если быть откровенным, он не очень надеялся на это.

Он вдруг увидел, что остался один. Команда ринулась к трапу, едва он повернул ключ. Пора и ему выходить. И все-таки он на мгновение задержался в тихом отсеке, напоследок еще раз все окинул взглядом. Полный порядок. Ничего не упущено.

Он повернулся и медленно пошел по трапу вверх, к люку.

Наверху он встретил капитана. А вокруг ракеты во все стороны расходились красные увалы.

— Все уже ушли, только начальник интендантской службы остался, — сказал капитан. — Я вас жду. Вы отлично справились с двигателями, мистер Купер. Рад, что вы пошли в рейс с нами.

— Последний рейс, — ответил Купер, глядя взглядом красные склоны. — Хватит слоняться по свету.

— Странно, — сказал капитан. — Вы, очевидно, с Марса.

— Точно. И надо было с самого начала сидеть дома.

Капитан пристально поглядел на него и повторил:

— Странно.

— Ничего странного, — возразил Купер. — Я...

— Я тоже списываюсь, — перебил его капитан. — На Землю этот корабль поведет уже другой командир.

— В таком случае, — подхватил Купер, — я угощаю, как только мы сойдем с корабля.

— Решено. Но сперва — прививка.

Они спустились по трапу и пошли через поле к зданиям космопорта. Навстречу с воем промчались машины, спешащие к кораблю за грузом.

А Купер всецело отдался восприятию того, что испытал во сне в убогой комнатухе на Земле: бодрящий запах прохладного, легкого воздуха, пружинистый — из-за меньшего тяготения — шаг, стремительный взлет четких, ничем не оскверненных красных склонов в лучах неяркого солнца.

Врач ждал их в своем тесном кабинете.

— Виноват, — сказал он, — но вы знаете правила.

— Ох уж эти мне правила, — ответил капитан. — Да, видно, так нужно.

Они сели в кресла и засучили рукава.

— Держитесь, — предупредил врач. — Укол дает встряску.

Так и было.

«Так было и прежде, — подумал Купер. — Каждый раз. Пора бы уже привыкнуть».

Он вяло откинулся в кресле, ожидая, когда пройдет слабость и шок. Врач сидел за своим столом, следя за ними и тоже ожидая, когда они придут в себя.

— Тяжелый рейс? — спросил он наконец.

— Легких не бывает, — сердито ответил капитан.

Купер покачал головой.

— Этот был хуже всех. Двигатели...

— Простите меня, Купер, — вступил капитан. — Но на этот раз никакого обмана не было. Мы в самом деле везли лекарства. Здесь и вправду эпидемия. И мой корабль оказался единственным. Я хотел поставить его на капитальный ремонт, да время не позволило.

Купер кивнул.

— Припоминаю, — сказал он.

Он с трудом поднялся и посмотрел в окно на холодный, недобрый, чужой марсианский ландшафт.

— Если б не внушение, — решительно сказал он, — я бы ни за что не справился.

Он повернулся к врачу.

— Когда-нибудь мы сможем обходиться без этого?

Врач кивнул.

— Несомненно. Когда корабли станут надежнее. И человек привыкнет к космическим путешествиям.

— Эта ностальгия — уж больно она душу выматывает.

— Другого выхода нет, — сказал врач. — У нас не было бы ни одного космонавта, если бы они каждый раз не летели домой.

— Это верно, — согласился капитан. — Никто, и я в том числе, не смог бы выдержать таких передырок ради одних только денег.

Купер поглядел в окно на песчаные ландшафты, и его кинуло в дрожь. Более унылого места...

«Что за идиотизм — мотаться в космосе, — сказал он себе, — когда дома такая жена, как Дорис, и двое детей». Ему вдруг безумно захотелось увидеть их.

Знакомые симптомы. Снова ностальгия, но теперь — тоска по Земле.

Врач достал из тумбы бутылку и щедрой рукой наполнил три стопки.

— А теперь примите-ка вот это, — сказал он, — и забудем обо всем.

— Точно мы можем помнить, — усмехнулся Купер.

— В конце концов, — сказал капитан с неестественной веселостью, — надо правильно смотреть на вещи. Речь идет всего-навсего о специфике нашей службы.

ПРЕЛЕСТЬ

Машина была превосходная.

Вот почему мы назвали ее Прелестью.

И сделали большую ошибку.

Это была, разумеется, не единственная ошибка, а первая, и, не назови мы свою машину Прелестью, быть может, все и обошлось бы.

Говоря техническим языком, Прелесть была Пиром — планетарным исследовательским роботом. Она сочетала в себе космический корабль, операционную базу, синтезатор, анализатор, коммуникатор и многое другое. Слишком многое другое. В этом и была наша беда.

В сущности, лететь с Прелестью нам было ни к чему. Без нас она управилась бы гораздо лучше. Она могла проводить планетарные исследования самостоятельно. Но, согласно правилам, при работе ее класса должно было находиться не менее трех человек. И, естественно, отпускать робота одного было страшно: ведь его строили лет двадцать и вбухали в это дело десять миллиардов долларов.

И надо отдать Прелести должное — она была чудом из чудес. Она была битком набита сенсорами, которые позволяли за час получить больше информации, чем собрал бы за месяц большой отряд исследователей-людей. Она не только собирала сведения, но и сопоставляла их, кодировала, записывала на магнитную ленту и не переводя дыхания передавала в Центр, находившийся на Земле.

Не переводя дыхания... Это же была бессловесная машина.

Я сказал «бессловесная»?

У нее были все органы чувств. Она даже могла говорить. Могла и говорила. Она болтала без передышки. И слушала все наши разговоры. Она читала через наши плечи и давала пепрошенные советы, когда мы играли в покер. Порой нам хотелось убить ее, да вот убить робота нельзя... такого совершенного. Что поделаешь — она стояла десять миллиардов долларов и должна была доставить нас обратно на Землю.

Заботилась она о нас хорошо. Этого отрицать нельзя. Она синтезировала пищу, готовила и подавала на стол еду. Она следила за температурой и влажностью. Она стирала и гладила нашу одежду, она лечила нас, если была необходимость. Когда Бен подхватил насморк, она намешала бутылку какой-то микстуры, и на другой день болезнь как рукой сняло.

Нас было всего трое — Джимми Робинс, наш радист, Бен Паррис, аварийный монтер роботов, и я, переводчик... которому в данном случае с языками работать не пришлось.

Мы называли ее Прелестью, а делать этого не надо было ни в коем случае. Потом уже никто и никогда не давал имен этим заумным роботам; они просто получали номера. Когда в Центре узнали, что с нами произошло, повторение этой ошибки стали считать уголовным преступлением.

Но мне думается, все началось с того, что Джимми в душе поэт. Он писал отвратительные стихи, о которых можно сказать одно: изредка в них попадались рифмы. А чаще их вовсе не было. Но он работал над ними так упорно и серьезно, что ни Бен, ни я сначала не осмеливались говорить ему об этом. Наверно, остановить его можно было, только задушив.

И надо было задушить.

Разумеется, посадка на Медовый Месяц тоже сыграла свою роль.

Но это от нас не зависело. Эта планета значилась третьей в полетном листе, и в нашу задачу входила посадка на нее... вернее, в задачу Прелести. Мы при сем присутствовали.

Начнем с того, что планета не называлась Медовым Месяцем. Она имела номер. Но уже через несколько дней мы окрестили ее.

Я не стыдлив, а описывать Медовый Месяц все же отказываюсь. Я не удивился бы, если бы узнал, что в Центре наш доклад до сих пор хранится под замком. Если вы любопытны, можете написать туда и попросить прислать информацию за номером ЕР56-94. За спрос денег не берут. Однако не ждите положительного ответа.

Со своими обязанностями на Медовом Месяце Прелесть справилась превосходно, и у меня голова кругом пошла, когда я прослушал пленку, после того как Прелесть заложила ее в передатчик для отправки на Землю. Как переводчику, мне полагалось давать толкование тому, что творилось на планетах, которые мы исследовали. Что же касается поведения жителей Медового Месяца, то его не передашь даже словом «вытворяли»...

Доклады в Центре анализируются немедленно. Но на месте анализировать их куда легче.

Боюсь, что от меня было мало толку. Наверно, когда читали мой доклад, то видели, что я его писал с раскритым ртом и краской на щеках.

Наконец мы покинули Медовый Месяц и устремились в космос. Прелесть направилась к следующей планете, значившейся в полетном листе.

Прелесть была необычно молчалива, и это должно было подсказать нам, что происходит неладное. Но мы

наслаждались тем, что она на время заткнулась, и не поинтересовались причиной ее безмолвия. Мы просто отдыхали.

Джимми трудился над поэмой, которая не выходила, а мы с Беном дулись в карты, когда Прелесть вдруг нарушила молчание.

— Добрый вечер, ребята, — сказала она каким-то неуверенным тоном, хотя обычно голос у нее был энергичный и твердый. Помнится, я подумал, что у нее в голосовом устройстве какая-то неисправность.

Джимми с головой погрузился в сочинение стихов, а Бен думал над следующим ходом, и ни один из них не откликнулся.

Я сказал:

— Добрый вечер, Прелесть. Как ты сегодня?

— О, прекрасно, — ответила она немного дрожащим голосом.

— Ну и хорошо, — сказал я, надеясь, что на этом разговор закончится.

— Я только что решила, — сообщила мне Прелесть, — что я люблю вас.

— Это очень любезно с твоей стороны, — поддержал ее я, — и я люблю тебя.

— Но я действительно люблю, — настаивала она. — Я все обдумала. Я люблю вас.

— Кого из нас? — спросил я. — Кто этот счастливчик?

Я посмеивался, но немного смущенно, потому что Прелесть шуток не понимала.

— Всех троих, — сказала Прелесть.

Кажется, я зевнул.

— Неплохая мысль. Так обойдется без ревности.

— Да, сказала Прелесть. — Я люблю вас и бегу с вами.

Бен вздрогнул и, подняв голову, спросил:

— Куда же это мы бежим?

— Далеко, — ответила она. — Туда, где мы будем одни.

— Господи! — завопил Бен. — Как ты думаешь, неужели она действительно...

Я покачал головой.

— Не думаю. Что-то испортилось, но...

Вскочив, Бен задел стол, и все карты разлетелись по полу.

— Пойду посмотрю, — сказал он.

Джимми оторвался от своего блокнота.

— Что случилось?

— Это все ты со своими стихами! — закричал я и стал ругать его поэзию последними словами.

— Я люблю вас, — сказала Прелесь. — Я полюбила вас навсегда. Я буду заботиться о вас. Вы увидите, как сильно я люблю вас, и когда-нибудь вы полюбите меня...

— Заткнись! — сказал я.

Бен вернулся весь потный.

— Мы сбились с курса, а запасная рубка управления заперта.

— А взломать ее можно?

Бен покачал головой.

— По-моему, Прелесь сделала это нарочно. Если это так, то мы погибли. Мы никогда не вернемся на Землю.

— Прелесь, — строго сказал я.

— Да, милый.

— Прекрати это сейчас же!

— Я люблю вас, — сказала Прелесь.

— Это все Медовый Месяц, — сказал Бен. — Она набралась всяких глупостей на этой проклятой планете.

— На Медовом Месяце, — поддержал я, — и из мерзких стишков, которые пишет Джимми...

— Это не мерзкие стишки, — парировал побагровевший Джимми. — Вот когда меня напечатают...

— Почему бы тебе не писать о войне, или об охоте, или о полете в глубины космоса, или о чем-нибудь большом и благородном вместо всей этой чепухи, вроде: «Я полюбил тебя навеки, лети ко мне, моя радость» — и тому подобного...

— Успокойся, — посоветовал Бен. — Нехорошо все валить на Джимми. Главная причина — это Медовый Месяц, говорю тебе.

— Прелесть, — сказал я, — выкинь из головы эту чепуху. Ты же прекрасно знаешь, что машина не может любить человека. Это просто смешно.

— На Медовом Месяце, — сказала Прелесть, — были разные виды, которые...

— Забудь про Медовый Месяц. Это ненормальность. Можешь исследовать миллиард планет — и ничего подобного не увидишь.

— Я люблю вас, — упрямо повторяла Прелесть, — и мы бежим.

— Где это она слышала про побег влюбленных? — спросил Бен.

— Этим старьем ее напичкали еще на Земле, — сказал я.

— Нет, не старьем, — запротестовала Прелесть. — Для того чтобы успешно справляться с работой, мне нужны самые разнообразные сведения о внутреннем мире человека.

— Ей читали романы, — сказал Бен. — Вот я поймаю того сопляка, который выбирал для нее романы, и оставляю от него мокрое место.

— Послушай, Прелесть, — взмолился я, — люби себе на здоровье, мы не против. Но не убегай слишком далеко.

— Я не могу рисковать, — сказала Прелесть. — Если я вернусь на Землю, вы меня бросите.

— Если мы не вернемся, нас начнут искать и найдут.

— Совершенно верно, — согласилась Прелесть. — Вот почему, милый, мы и бежим. Мы убежим так далеко, что нас не найдут никогда.

— Даю тебе последнюю возможность хорошенько подумать, — сказал я. — Если ты не одумаешься, я радую на Землю и...

— Вы не можете радировать на Землю, — возразила она. — Я демонтировала аппаратуру. И, как догадался Бен, дверь в рубку управления заклинена. Вы ничего не можете поделать. Почему бы вам не отказаться от глупого упрямства и не ответить на мою любовь?

Бен стал собирать карты, ползая по полу на четвереньках. Джимми швырнул блокнот на стол.

— Вот тебе случай отличиться, — сказал я. — Воспользуйся им. Подумай только, какую оду ты мог бы сочинить о нестареющей и вечной любви человека и машины?

— Пошел ты, — сказал Джимми.

— Не надо, ребята, — журила нас Прелесть. — Мне не хотелось бы, чтобы вы подрались из-за меня.

У нее был такой тон, будто она уже обладала нами... Впрочем, в некотором роде это так и было. Удрать от Прелести невозможно, и если нам не удастся отговорить ее бежать с нами, то наше дело кончено.

— Мы все не подходим тебе только по одной причине, — сказал я ей. — По сравнению с тобой мы проживем недолго. Как бы ты о нас ни заботилась, лет

через пятьдесят мы умрем. От старости. И что будет тогда?

— Она будет вдовой, — сказал Бен. — Бедненькой вдовушкой в слезах. И даже детишек не будет, чтобы утешить.

— Я думала об этом, — ответила Прелесть. — Я подумала обо всем. Вам не надо будет умирать.

— Но это же невозможно...

— Для такой великой любви, как моя, нет ничего невозможного. Я не дам вам умереть. Я слишком люблю вас, чтобы дать вам умереть.

Немного погодя мы махнули на нее рукой и пошли спать, а Прелесть выключила свет и спела нам колыбельную.

Под ее пронзительную колыбельную уснуть было нельзя, и мы заорали, чтобы она заткнулась и дала поспать. Но она продолжала петь до тех пор, пока Бен не попал ей туфлей в голосовое устройство.

И после этого я заснул не сразу, а лежал и думал.

Я понимал: надо что-то придумать, но так, чтобы она не знала. Дело было швах, потому что она все время следила за нами. Она давала советы, она слушала, она читала через плечо, и ни движения, ни слова скрыть от нее было нельзя.

Я знал, что может пройти немало времени, и нам не следует терять терпения и паниковать. А если мы выпутаемся, то нам просто повезет.

Поспав, мы сели в кружок и, не говоря ни слова, слушали Прелесть, которая описывала, как мы будем счастливы. Мол, в нас заключен целый мир, а перед любовью тускнеет все мелкое.

Половина слов, которые она употребляла, была почерпнута из идиотских стихов Джимми, а остальные —

из сентиментальных романов, которые кто-то читал ей еще на Земле.

Порой мне хотелось встать и сделать из Джимми отбивную, но я говорил себе, что теперь уж ничего не поделаешь, толку от битья будет мало.

Джимми скрючился в углу и писал что-то в блокноте, а я удивлялся: надо же быть таким наглым, чтобы писать после того, что случилось!

Он продолжал писать, вырывать страницы и бросать их на пол, время от времени чертыхаясь.

Один отброшенный листок упал мне на колени, и, смахивая его, я прочел:

Я неряха и пачкун,
Лодырь я беспечный,
Потому-то недостойн
Любви твоей вечной.

Я быстро подобрал листок, смял его и швырнул в Бена, а он отбил его в мою сторону. Я снова швырнул — он снова отбил.

— Чего тебе надо, черт побери? — огрызнулся он.

Я бросил скомканную бумажку прямо ему в лицо, он уже было встал, чтобы вздуть меня, как вдруг, видно, понял по моему взгляду, что это не просто грубость. Он подобрал комок и, как бы забавляясь, стал разворачивать бумагу, пока не прочел, что там написано. Затем снова смял ее.

Прелесть слышала каждое слово, так что вслух мы говорить не могли. И вести себя должны были естественно, чтобы не вызвать подозрений.

И мы постепенно начали играть. Может быть, мы входили в роль даже медленнее, чем требовалось, но, чтобы убедить, переигрывать было нельзя.

Мы играли убедительно. Возможно, мы просто были

прирожденными неряхами, но не прошло и недели, как наши жилые комнаты превратились в свинюшник.

Мы разбрасывали повсюду одежду. Грязное белье не совали в прачечный отсек, где его обычно стирала Прелесть. Оставляли на столе горы посуды, а не складывали ее в мойку. Мы выбивали трубки прямо на пол. Мы не брились, не чистили зубы, не мылись.

Прелесть выходила из себя. Ее привыкший к порядку интеллект робота пришел в ярость. Она умоляла нас, она брюзжала, а порой и поучала, но вещи по-прежнему валялись где попало. Мы говорили ей, что если она нас любит, то должна примириться с нашей безалаберностью и принимать нас такими, какие мы есть.

Недельки через две мы победили, но это была не та победа.

Прелесть сказала нам с болью в голосе, что мы можем жить, как свиньи, если нам это нравится. Она примирится с этим. Она сказала, что ее любовь слишком велика, чтобы на нее повлияла такая мелочь, как вопрос личной гигиены.

Итак, сорвалось.

Я, например, был очень рад этому. Годы привычки к корабельной чистоте восставали против такого образа жизни, и я не знаю, сколько бы я еще вытерпел.

Нелепо было и начинать это.

Мы почистились, помылись. Прелесть была в восторге, она говорила нам ласковые словечки, и это было еще хуже, чем все ее брюзжание. Она думала, что мы тронуты ее самопожертвованием, что за это подмазываемся к ней, и голос у нее звучал, как у школьницы, которую ее герой пригласил на университетскую вечеринку.

Бен пробовал говорить с ней откровенно о некоторых интимных сторонах жизни (о которых она, разумеется,

уже знала) и пытался поразить ее рассказом о том, какую роль в любви играет физиологический фактор.

Прелесть была оскорблена, но не настолько, чтобы это вышибло у нее романтические настроения и вернуло в строй.

Печальным голосом, в котором едва слышны были нотки гнева, она сказала нам, что мы забываем о более глубоком смысле любви. Она стала цитировать наиболее слюнявые стихи Джимми, в которых говорилось о благородстве и чистоте любви, и нам нечего было сказать. Нас просто посадили в калошу.

Мы продолжали думать, но не говорить, ибо Прелесть слышала бы все.

Несколько дней мы ничего не делали, а только хандрили.

Да и делать, по-моему, было нечего. Я стал лихорадочно вспоминать, чем мужчина может оттолкнуть женщину.

Большая часть женщин терпеть не может азартных игр. Но единственная причина их гнева — это страх за свое благополучие. В нашем случае такого страха быть не может. В экономическом отношении Прелесть совершенно независима. Мы же не кормильцы.

Большинство женщин терпеть не могут пьянства. Опять же по причине страха за свое благополучие. И, кроме того, на корабле нет никакой выпивки.

Некоторые женщины устраивают скандалы, если мужчины не ночуют дома. Нам некуда было пойти.

Все женщины ненавидят соперниц. А здесь женщин не было... что бы там Прелесть о себе ни думала.

Оттолкнуть Прелесть было нечем.

А спорить с ней — что проку!

Все это годилось, если бы Прелесть была женщиной. Но она всего лишь робот.

Вопрос: как разозлить робота?

Неряшливость расстроила аккуратистку. Но с этим она еще могла мириться. Беда в том, что не это было главным.

А что главное у робота... у любой машины?

Что машина ценит? Что идеализирует?

Порядок?

Нет, с этой стороны мы пробовали подойти, и ничего не вышло.

Здравомыслие?

Конечно.

Что еще?

Плодотворность? Полезность?

Я лихорадочно думал — и никак не мог сообразить. Разве можно притвориться сумасшедшим, да еще на таком пятачке, внутри всезнающей разумной машины? Даже во имя здравого смысла?

Но все равно я лежал и думал о различных видах безумия. Впрочем, этим можно одурачить людей, но не робота.

Робота надо пронять главным... А какой самый главный вид безумия? Вероятно, робота может ужаснуть по-настоящему только безумие, связанное с потерей способности к полезному действию.

Вот оно!

Я поворачивал эту мысль и так и сяк, примеряясь к ней со всех сторон.

Безупречно!

Уже с самого начала пользы от нас было мало. Мы полетели только потому, что правила Центра не позволяли послать Прелесть одну. Мы были полезны лишь *потенциально*.

Мы что-то делали. Мы читали книги, писали ужасные стихи, играли в карты и спорили. Большую часть

времени мы не сидели без дела. В космосе так: все время что-то делай, какими бы бессмысленными или бесцельными ни казались тебе собственные занятия.

Утром после завтрака, когда Бен захотел поиграть в карты, я отказался составить ему компанию. Я сел на пол и привалился спиной к стене; я не потрудился даже сесть на стул. Я не курил, потому что курение — это уже дело, и твердо решил стать настолько инертным, насколько это возможно для живого человека. Я не собирался шевелить даже пальцем, когда не надо было есть, спать или садиться.

Бен побродил кругом и пытался вовлечь Джимми в карточную игру, но тот не любил карт и был занят писанием стихов.

Поэтому Бен подошел и сел на пол рядом со мной.

— Хочешь закурить? — спросил он, протягивая мне кисет.

Я покачал головой.

— Что случилось? После завтрака ты не курил.

— Что толку? — сказал я.

Он пытался разговаривать меня, но я не отвечал. Тогда он встал, походил немного, а потом снова сел рядом со мной.

— Что с вами обоими? — тревожно спросила Прелесть. — Почему вы ничего не делаете?

— Ничего не хочется делать, — сказал я ей. — Одно беспокойство от всех этих дел.

Она побранила нас немного, а я не осмеливался взглянуть на Бена, но чувствовал, что он уже понимает, к чему я клоню.

Немного погодя Прелесть оставила нас в покое, и мы так и сидели, как кейфующие турки.

Джимми продолжал писать стихи. С ним мы поделять ничего не могли. Но Прелесть обратила на нас

его внимание, когда мы потащились обедать. Она злилась все больше и называла нас лентяями, каковыми мы, собственно, и были. Она беспокоилась за наше здоровье и заставила нас пройти в диагностическую кабину; здесь выяснилось, что мы в полном здравии, и это довело Прелесть до белого каления.

Она занудно перечисляла все, чем мы можем заняться. Но, пообедав, мы с Беном снова сели на пол и прислонились к стене. На этот раз к нам присоединился Джимми.

Попробуйте сидеть целые дни напролет, совершенно ничего не делая. Сначала чувствуешь себя как-то неловко, потом мучительно и в конце концов невыносимо.

Не знаю, что делали другие, а я вспоминал сложные математические задачи и пытался решить их. Я играл в уме в шахматы партию за партией, но ни разу не мог удержать в памяти больше двенадцати ходов. Я окунулся в свое детство и пытался последовательно восстановить в памяти, что когда-то делал и что испытал. Чтобы убить время, я забирался в самые странные дебри воображения.

Я даже сочинял стихи, и, откровенно говоря, они получались лучше, чем у Джимми.

Мне кажется, Прелесть кое о чем догадывалась. Она видела, что поведение наше нарочито, но на сей раз возмущение, что могут существовать такие бездельники, взяло верх над холодным мышлением робота.

Прелесть умоляла нас, обхаживала, поучала... почти пять дней подряд она драла глотку. Она пыталась пристыдить нас. Она говорила, что мы никчемные, низкие, безответственные люди. Я и не представлял себе, что она знает некоторые эпитеты.

Она старалась вселить в нас бодрость духа.

Она говорила нам о своей любви такими стихами в прозе, что перед ними почти поблекла поэзия нашего Джимми.

Она напоминала нам о том, что мы люди, и взывала к нашей чести.

Она грозилась выкинуть нас за борт.

А мы просто сидели.

И ничего не делали.

Чаще всего мы даже не отвечали. Мы не пытались защищаться. Порой мы соглашались со всем, что она говорила, и это, по-моему, раздражало ее больше всего.

Она стала холодной и сдержанной. Ни обиды. Ни злости. Просто холодность.

В конце концов она перестала с нами разговаривать.

Теперь нам приходилось трудно. Мы боялись произнести хоть слово и поэтому не могли сговориться, как быть дальше.

Мы были вынуждены продолжать ничего не делать. *Вынуждены*, потому что это лишило бы нас тех преимуществ, которых мы уже добились.

Тянулись дни, и ничего не случалось. Прелесть не разговаривала с нами. Она кормила нас, мыла посуду, стирала, убирала койки. Она заботилась о нас, как и прежде, но делала это молча.

Разумеется, она гневалась.

В голову мне приходили безумные мысли.

Может быть, Прелесть — *женщина*? Может быть, на всю эту громаду мыслящей машины наслоился женский ум? В конце концов, никто из нас не знал досконально устройства Прелести.

Это был бы ум старой девы, настолько разочарованной, такой одинокой и обойденной жизнью, что она с радостью ухватилась бы за любую авантюру, даже

рискуя собой, так как с годами ей уже было бы все равно.

Я создал внушительный образ гипотетической старой девы и даже подумал о кошке, канарейке и мебелированных комнатах, в которых она жила бы.

Мне представлялись ее прогулки в одиночестве по вечерам, ее бесцельная болтовня, ее маленькие воображаемые победы и желания, распиравшие ее.

И мне стало жаль старую деву.

Фантастика? Конечно. Но она помогала коротать время.

Однако была еще и другая мысль, не оставлявшая меня: Прелесть, уже побежденная, наконец сдалась и несет нас к Земле, но как всякая женщина, она не хочет признаться в этом, чтобы мы не утешились и не испытывали удовольствия от сознания, что выиграли и летим домой.

Я говорил себе снова и снова, что это невозможно, что после всех курбетов, которые она выкидывала, Прелесть не осмелится вернуться. Ее превратят в лом.

Но мысль эта не уходила — я никак не мог отделаться от нее. Я чувствовал, что ошибаюсь, но убедить себя в этом не мог и стал поглядывать на хронометр. Я то и дело говорил себе: «На час ближе к дому, еще на час и еще. Мы уже совсем близко».

Что бы я себе ни говорил, как бы ни спорил с собой, я все больше склонялся к мысли, что мы движемся по направлению к Земле.

Вот почему я не удивился, когда Прелесть наконец села. Я просто был преисполнен благодарности и облегченно вздохнул.

Мы посмотрели друг на друга, и я увидел в глазах товарищей недоумение и надежду. Естественно, никто из нас не мог спрашивать. Одно слово могло свести

нашу победу на нет. Нам оставалось только молча сидеть и ждать, что будет дальше.

Люк начал открываться, и на меня пахнуло Землей. Я не стал ждать, когда люк откроется совсем, а подбежал, протиснулся в образовавшуюся щель и ловко выскочил наружу. Шлепнувшись на землю так, что из меня чуть не вышибло дух, я кое-как встал и дал деру. Я не желал рисковать. Мне хотелось быть вне пределов досягаемости, пока Прслесть не передумала.

Один раз я споткнулся и чуть не упал, и Бен с Джимми пронесли мимо меня, как ветер. Значит, я не ошибся. Они тоже учуяли запах Земли.

Была ночь, но на небе сияла такая большая луна, что было светло, как днем. Слева, за широкой полосой песчаного пляжа, плескалось море, справа виднелась гряда голых холмов, спереди чернел лес, отделенный от нас рекой, которая впадала в море.

Мы побежали к лесу: если бы мы спрятались за деревья, выковырять нас оттуда Прелести было бы нелегко. Оглянувшись украдкой, я увидел при свете луны, что она не двигается с места.

Мы добежали до леса и бросились на землю, чтобы отдышаться. Бежать было довольно далеко, а мы улепетывали быстро; после стольких недель сидения человек не в состоянии много бегать.

Я лежал на животе, раскинув руки и вдыхая воздух полной грудью, прилягиваясь к прекрасным земным запахам: пахло прелыми листьями, травой, а ветерок со спокойного моря был солоноватым.

Немного погодя я перевернулся на спину и взглянул на деревья. Они были странные — на Земле таких деревьев нет. А когда я выполз на опушку и посмотрел на небо, то увидел, что и звезды совсем не те.

Я не сразу воспринимал то, что видел. Я был уверен, что нахожусь на Земле, и мой ум восставал против всякой иной мысли.

Но в конце концов у меня мороз по коже пошел — я с ужасом осознал, где я.

— Джентльмены, — сказал я, — у меня есть для вас новость. Эта планета вовсе не Земля.

— Она пахнет, как Земля, — возразил Бен. — И на вид как Земля.

— И ощущение, как на Земле, — сказал Бен. — Тяготение и воздух...

— Посмотрите на звезды. Взгляните на те деревья.

Они смотрели долго. Как и я, они, наверно, думали, что Прелесть повернула домой. Или, может быть, им только хотелось в это верить. Как и у меня, действительное вышибло желаемое не сразу.

Бен медленно выдохнул воздух.

— Ты прав.

— Как нам теперь быть? — спросил Джимми.

Мы стояли и думали, что же делать.

В сущности, решать было нечего, сработал простой рефлекс, обусловленный миллионом лет жизни на Земле, которому не могли противостоять какие-то несколько сот лет, когда мы только начали привыкать к мысли, что есть иные миры.

Мы помчались со всех ног, словно по команде.

— Прелесть! — кричали мы. — Прелесть, подожди нас!

Но Прелесть не ждала. Она подпрыгнула примерно на тысячу футов и повисла в небе. Мы остановились как вкопанные и смотрели вверх, не веря глазам своим. Прелесть опустилась, снова взмыла, остановилась

и начала парить. Потом она задрожала и медленно опустилась.

Мы побежали — она взмыла и опустилась, потом взмыла еще раз, упала и, ударившись о землю, подпрыгнула. Она была похожа на сумасшедшего кенгуру. Она вела себя так, будто хотела удрать, но ее что-то не пускало, будто ее держал прикрепленный к земле эластичный кабель.

Наконец она затихла в сотне ярдов от того места, где села сперва. Она не издавала ни звука, но у меня было такое впечатление, что она дышит тяжело, как усталая гончая.

На том месте, где Прелесть села сначала, возвышалась груда предметов, но мы пробежали мимо и бросились к роботу. Мы колотили его по металлическим бокам.

— Открывайся! — кричали мы. — Мы хотим обратно!

Прелесть подпрыгнула. Она подпрыгнула в небо на сотню футов, затем шлепнулась обратно футах в тридцати в стороне.

Мы бросились от нее прочь. Она могла с таким же успехом упасть нам прямо на голову.

Мы понаблюдали за ней, но она не двигалась.

— Прелесть! — крикнул я.

Она не ответила.

— Она спятила, — сказал Джимми.

— Когда-нибудь это должно было случиться, — сказал Бен. — Рано или поздно непременно должны были создать робота настолько большого, что ему стали бы тесны детские штанишки.

Мы медленно попятились от Прелести, не спуская с нее глаз. Не то чтобы боялись ее, но и не доверяли.

Мы пятились до самой горки предметов, которые Прелесть выгрузила и сложила, и увидели, что это

целая пирамида припасов, аккуратно разложенных по ящикам и снабженных этикетками. А рядом с пирамидой по трафарету была сделана надпись:

А ТЕПЕРЬ, ЧЕРТ ВАС ПОБЕРИ,
РАБОТАЙТЕ!!

— Она, наверно, приняла нашу бесполезность близко к сердцу, — сказал Бен.

— Она и в самом деле хотела высадить нас на обитаемую планету, — почти нечленораздельно произнес Джимми.

Бен протянул руку и потряс его за плечо, чтобы подбодрить.

— Если мы не заберемся внутрь, — сказал я, — не заставим ее действовать, то это все равно что она нас покинула и улетела.

— Но что ее заставило это сделать? — скулил Джимми. — Роботам не полагается...

— Я знаю, — перебил его Бен. — Роботам не полагается причинять человеку вред. Но Прелесть и не причинила нам никакого вреда. Она не выбросила нас. Мы сами сбежали от нее.

— Это уже казуистика, — возразил я.

— Прелесть и создана специально для казуистики, — сказал Бен. — Вся беда в том, что ее сделали чертовски похожей на человека. Ее, наверно, напичкали знанием и законов, и литературы, и физики, и всего прочего.

— Тогда почему она просто не улетит? Если она может очистить свою совесть, почему она еще здесь?

Бен покачал головой.

— Не знаю.

— Похоже, что она пыталась улететь, но не смогла. Будто что-то притягивало ее обратно.

— Это верная мысль, — сказал Бен. — Надо думать, она не может улететь, пока мы не скроемся с глаз. Мы вернулись, и команда, запрещавшая роботу наносить вред человеку, сработала снова. Устройство, которое действует по принципу с глаз долой, из сердца вон.

Прелесть сидела на том же месте, куда опустилась в последний раз. Она больше не пыталась взлететь. Взглянув на нее, я подумал, что, может быть, Бен прав. Если это так, то нам повезло, что мы вернулись.

Мы стали рыться в припасах, которые оставила нам Прелесть. Она хорошо позаботилась о нас и не только не забыла ничего необходимого, но даже написала по трафарету подробные указания и советы на многих ящиках.

У большого плаката отдельно лежали два ящика. На одном было написано: «Инструменты», и крышка его была крепко приколочена гвоздями, чтобы нам пришлось потрудиться, отдирая ее. На другом ящике имелась надпись: «Оружие», а ниже: «Открыть немедленно и всегда держать под рукой».

Мы открыли оба ящика. Мы нашли новейшее чудооружие — что-то вроде универсального автомата, который стрелял чем угодно — от пуль до бронебойных зарядов самых различных видов. Он же мог метать огонь, газ, кислоту, отравленные стрелы, взрывчатку и снотворные капсулы. Чтобы выбрать нужные боеприпасы, надо было просто крутануть наборный диск. Автоматы были тяжелые и неудобные в обращении, но действовали безотказно, а на неизвестной планете, где на каждом шагу могла грозить опасность, мы были бы без них как без рук.

Потом мы перешли к пирамиде и стали сортировать все, что в ней было. А были в ней ящики с белками и углеводами. Коробки с витаминами и солями. Одежда и палатка, фонари и посуда. В общем все, что требуется, когда вы отправляетесь в дорогостоящий туристский поход.

Прелесть не забыла ничего.

— Она все учла, — с горечью сказал Джимми. — Она потратила много времени на изготовление этой кучи. Ей пришлось синтезировать каждый предмет. Потом ей оставалось только найти планету, на которой бы мог жить человек. И это тоже было нелегко.

— Ей пришлось еще более туго, чем ты думаешь, — добавил я. — Не просто планету, на которой мог бы жить человек, а такую планету, которая пахла бы, как Земля, и по виду не отличалась от Земли. Чтобы мы захотели выбежать наружу. Если бы мы не выбежали сами, она не могла бы посадить нас. Таково ее сознание, и...

Бен со злостью плюнул.

— Высажены! — сказал он. — Высажены роботом, томящимся от любви!

— Может быть, не совсем роботом.

Я рассказал товарищам о старой деве, которая родилась в моем воображении, они обожали меня, и всем стало легче.

Но Бен признал, что мое предположение не совсем бредовое. Прелесть создавали лет двадцать, и она напичкана всякими странностями.

Наступил рассвет, и только теперь мы рассмотрели окрестности. Местечко было настолько милое, что лучшего и желать не надо. Но мы были не в восторге.

Море было синее и навевало мысли о синеглазой девушке. Белый прямой пляж уходил вдаль, за пля-

жем начиналась гряда холмов, а на горизонте маячили снежные горы. На западе был лес.

Мы с Джимми спустились на пляж, чтобы набрать плавника для костра, а Бен остался готовить завтрак.

Набрав по охапке сучьев, мы уже пошли обратно, как вдруг какое-то чудовище перевалило через холм и ринулось на лагерь. Тускло блестевшее в первых лучах солнца, оно было размером с носорога и похоже на жука. Оно не издавало ни звука, но двигалось очень быстро, и остановить такую штуку было бы трудно.

И, разумеется, мы не взяли с собой оружия.

Я бросил дрова, крикнул Бену и побежал вверх по склону. Бен уже увидел мчащееся чудовище и схватил оружие. Зверь дул прямо к нему. Бен поднял автомат. Сверкнуло пламя, раздался взрыв, и на мгновение все заволокло дымом и пылью, слышен был только визг летящих осколков.

Ну в точности, как если бы я смотрел фильм и вдруг изображение пропало бы, а потом снова возникло. Какой-то миг было видно лишь пламя, потом зверь проскочил мимо Бена и помчался вниз по склону на пляж, прямо на нас с Джимми.

— Рассыпаться! — скомандовал я Джимми и только потом подумал, как глупо это звучало: ведь нас было всего двое.

Но в этот момент мне было не до семантических тонкостей. Во всяком случае, Джимми понял мою мысль. Он помчался вдоль пляжа в одну сторону, а я в другую, и чудовище затормозило, очевидно для того, чтобы подумать, за кем из нас погнаться.

И, да будет вам известно, оно погналось за мной!

Я считал себя конченным человеком. Пляж был совершенно ровный, ни одного укрытия, и я знал, что

от моего преследователя мне не убежать. Можно было увернуться раза два, но чудовище легко разворачивалось, и было ясно, что рано или поздно мне крышка.

Краем глаза я увидел, что Бен бежит вниз наперерез чудовищу. Он что-то кричал мне, но я не разобрал слов.

Воздух вздрогнул от еще одного взрыва, и я быстро оглянулся.

Бен одолевал склон, а зверь преследовал его. Я круто повернул обратно и побежал что было сил к лагерю. Я увидел, что Джимми уже почти у лагеря, и поднажал. Мне казалось, что, если у нас будет три автомата, мы одолеем чудовище.

Бен мчался прямо к Прелести, рассчитывая, видно, забежать за ее громаду и ускользнуть от зверя. Я видел, что он выбивается из сил.

Джимми добежал до лагеря и схватил оружие. Он выстрелил, даже не приложив автомат к плечу, и бока бегущего зверя оросила какая-то жидкость.

Я пытался крикнуть Джимми, но мне не хватило воздуха. Этот дурак стрелял снотворными капсулами, которые не пробивали толстой шкуры.

В двух шагах от Прелести Бен споткнулся. Оружие вылетело у него из рук. Бен упал, потом приподнялся и пополз, пытаясь спрятаться за Прелесть. Носорожистая тварь злобно рвалась вперед.

И вот тут все и случилось.. в мгновение ока, быстрее, чем я рассказываю об этом.

У Прелести выросла рука — длинное, гибкое щупальце, которое змеей опустилось сверху. Метнувшись к зверю, рука обхватила его посередине и подняла.

Я стал как вкопанный. Мне казалось, что мгновение, когда зверя поднимали, растянулось на минуты, — мозг мой лихорадочно работал, стараясь выяснить, что

это за штука. Первым делом я заметил, что у чудовища вместо ног колеса.

Тускло блестящая шкура могла быть только металлической — я видел вмятины от взрывов. На шкуре виднелись мокрые пятна — следы слотворных капсул, которыми стрелял Джимми.

Прелесть подняла зверя высоко над землей и раскрутила так сильно, что был виден только светящийся круг. Затем она отпустила чудовище, и оно полетело над морем. Описав дугу и неуклюже кувыркаясь, оно шлепнулось в море. Поднялся довольно приличный гейзер.

Бен встал и подобрал оружие. Подошел Джимми, и мы с ним направились к Прелести. Все трое мы стояли и смотрели на море, в которое погрузился зверь.

Наконец Бен повернулся кругом и похлопал Прелесть по боку дулом автомата.

— Большое спасибо, — сказал он.

Прелесть выдвинула другое щупальце. Это было покороче и с «лицом» на конце. Тут все было — и глаз-лука, и слуховое устройство, и громкоговоритель.

— Пошел ты куда подальше, — произнесла Прелесть.

— Что с тобой? — спросил я.

— Мужчины! — презрительно бросила она и втянула в себя «лицо».

Мы еще несколько раз постучали по ней, но ответа не было — Прелесть надулась.

Мы с Джимми снова отправились за дровами, которые побросали. Только мы выбрали их, как услышали крик Бена, оставшегося в лагере, и быстро обернулись. Наш друг носорог выезжал из воды.

Мы опять побросали дрова и побежали к лагерю, но спешить было незачем. Дружище не хотел получать

новую трепку. Он сделал большой крюк к востоку, чтобы объехать нас стороной, и устремился к холмам.

Мы приготовили завтрак и поели, держа оружие под рукой — где есть один зверь, там непременно будут и другие. Рисковать не было смысла.

Мы поговорили о нашем госте, и, так как его надо было как-то назвать, то мы окрестили его Элмером. Причины для этого не было никакой, просто так показалось удобным.

— Вы видели колеса? — спросил Бен, и мы сказали, что видели. Бен облегченно вздохнул. — Я думал, мне мерещится, — пояснил он.

Но сомнений относительно колес не было. Все мы заметили их, это подтверждали и следы, четко отпечатавшиеся на песке пляжа.

Однако мы затруднялись сказать, что из себя представляет этот Элмер. Если судить по колесам, то это машина, но у него были качества и не свойственные машинам: например, он, как живое существо, задумался, за кем из нас бежать, за Джимми или за мной; он злобно бросился на упавшего Бена; он проявил осторожность, обойдя нас стороной, когда выехал из моря.

Наряду с этим были и колеса, и явно металлическая шкура, и вмятины от взрывов, которые разорвали бы любое, самое большое и свирепое животное в клочья.

— У него и того и другого понемногу, — предположил Бен. — В основном это машина, но с некоторыми качествами живого существа — что-то вроде старой девы, которую ты придумал, чтобы объяснить поведение Прелести.

Разумеется, могло быть и так. Впрочем, тут годилось почти любое предположение.

— Может, это силикатовая жизнь? — тут же предположил Джимми.

— Не силикатовая, — уверенно сказал Бэн. — Металлическая. Любая форма силикатовой жизни при прямом попадании рассыпается в пыль. Один вид такой жизни найден много лет назад на Тельме-V.

— Нет, это в основном не живое существо, — сказал я. — У живого существа не может быть колес. Колеса, кроме особых случаев, обычно изобретаются лентями для передвижения. Элмер может быть только, как сказал Бен, специально созданной комбинацией машины и живого существа.

— И, значит, здесь есть разумные существа, — сказал Бен.

Мы сидели вокруг костра, потрясенные этой мыслью. За многие годы поисков найдена лишь горстка разумных рас, но в общем их уровень развития не очень-то высок. Разумеется, среди них никто не обладает таким разумом, который позволил бы создать что-либо подобное Элмеру.

До сих пор в исследованной части Вселенной человека не превзошел никто. Никто не мог сравниться с ним по интеллекту.

А тут, совершенно случайно, мы свалились на планету, на которой увидели признаки существования разума, равного человеческому... и, может быть, даже превосходящего его.

— Меня беспокоит одно, — сказал Бен. — Почему Прелесть не проверила это место, перед тем как приземлиться? Наверно, она хотела бросить нас здесь и улететь. Но, видно, ей все же пришлось подчиниться закону, согласно которому робот не может нанести вреда человеку. А если она следует этому закону, то прежде, чем она покинет нас, ей придется... хочешь,

не хочешь, а придется — убедиться в том, что нам не угрожает никакая опасность.

— Может, она свихнулась? — предположил Джимми.

— Только не Прелесть, — возразил Бен. — Мозг у нее работает, как швейцарские часы.

— Знаете, что я думаю? — сказал я. — Я думаю, Прелесть эволюционировала. Это совершенно новый тип робота. В нее накачали слишком много человеческого...

— А она и должна быть очеловеченной, — заметил Джимми. — Иначе она не справится со своими задачами.

— Дело в том, — сказал я, — что робот, очеловеченный до такой степени, как Прелесть, уже не робот. Это что-то другое. Не совсем человек, но и не робот. Что-то среднее. Какой-то новый непонятный вид жизни. И за ним нужен глаз да глаз.

— Интересно, она все еще дуется? — сказал Бен.

— Конечно, дуется.

— Мы должны пойти, дать ей нахлобучку и вывести ее из этого состояния.

— Оставь ее в покое, — сердито приказал я. — Нам остается одно — игнорировать ее. Ей оказывают внимание, вот она и дуется.

И мы оставили ее в покое. Больше делать было нечего.

Я пошел к морю мыть посуду, но на этот раз взял с собой оружие. Джимми пошел в лес поискать ключ. Полдюжины банок воды, которыми снабдила нас Прелесть, не хватит навечно, а мы не были уверены, что потом она выдаст еще.

Впрочем она нас не забыла, не вычеркнула полностью из своей жизни. Она дала Элмеру вздрючку, ко-

гда тот слишком разошелся. Меня очень тешила мысль о том, что она поддержала нас, когда дело было табак. Значит, есть еще надежда, что мы как-нибудь поладим.

Я присел у лужи в песке и, моя посуду, думал, какая потребуется перестройка, если когда-нибудь все роботы станут такими, как Прелесть. Я уже видел появление Декларации прав роботов, специальных законов для роботов, лобби роботов при Конгрессе, а поразмышляв еще, совсем запутался.

В лагере Бен натягивал палатку, и я, вернувшись, помог ему.

— Знаешь, — сказал Бен, — чем больше я думаю, тем больше мне кажется, что я был прав, когда говорил, что Прелесть не может оставить нас, пока мы на виду. Простая логика: она не может взлететь, потому что мы стоим прямо перед ней и напоминаем ей об ответственности.

— Ты клонишь к тому, что кто-нибудь из нас должен все время быть поблизости от нее? — спросил я.

— В общем да.

Я не спорил с ним. Что толку спорить, верить, не верить? У нас не то положение, при котором можно позволить себе совершить глупую ошибку.

Когда мы натянули палатку, Бен сказал мне:

— Если ты не возражаешь, я немного пройду за холмы.

— Берегись Элмера, — предупредил его я.

— Он не осмелится беспокоить нас. Прелесть сбита с него спесь.

Он взял оружие и ушел.

Я побродил по лагерю, наводя порядок. Кругом были мир и спокойствие. Пляж сверкал на солнце, море было гладким и красивым. Летали птицы, но никаких

признаков других существ не было. Прелесть продолжала дуться.

Вернулся Джимми. Он нашел ключ и принес ведро воды. Потом он стал рыться в припасах.

— Что ты ищешь? — спросил я.

— Бумагу и карандаш. Прелесть не могла забыть про них.

Я хмыкнул, но он был прав. Будь я проклят, если Прелесть не приготовила для него стопы бумаги и коробки карандашей.

Он устроился под грудой ящиков и начал писать стихи.

Вскоре после полудня вернулся Бен. Я видел, что он взволнован, но не стал тотчас расспрашивать.

— Джимми наткнулся на ключ, — сказал я. — Ведро там.

Он попил и тоже сел в тень под груду ящиков.

— Я нашел! — сказал он торжествующе.

— А разве ты что-нибудь искал?

Он взглянул на меня и криво улыбнулся.

— Элмера кто-то сделал.

— И ты так прямо пошел, как по улице, и нашел...

Бен покачал головой.

— Кажется, мы опоздали. Опоздали на три тысячи лет, если не больше. Я нашел развалины и долину с уймой могильных холмов. И несколько пещер в известняковом обрыве над долиной.

Бен встал, подошел к ведру и снова напился.

— Я не мог подойти поближе, — сказал он. — Элмер караулит. — Бен снял шляпу и вытер рукавом лицо. — Ходит взад-вперед, как часовой. Видел бы ты, какие колеи он проложил за многие годы, проведенные на этом посту.

— Так вот почему он на нас напал, — сказал я. — Мы вторглись на охраняемую территорию.

— Наверно.

В тот вечер мы все обговорили и порешили, что надо выставить пост для наблюдения за Элмером, чтобы изучить его повадки и часы дежурства, если таковые были. Нам было важно узнать, что можно предпринять в отношении руин, которые охранял Элмер.

Впервые человек столкнулся с высокой цивилизацией, но пришел слишком поздно и — из-за дурного настроения Прелести — слишком плохо снаряженный, для того чтобы исследовать хотя бы то, что осталось.

Чем больше я думал об этом, тем больше распалялся и наконец пошел к Прелести и изо всех сил стал стучать по ней ногами, чтобы привлечь ее внимание. Никакого толку. Я орал на нее, но она не отвечала. Я рассказал ей, что тут заваривается. Говорил, что мы нуждаемся в ней, — ведь она просто обязана нам помочь, для этого ее и создали. Но она была холодна.

Я вернулся и плюхнулся у костра, где сидели мои товарищи.

— Она ведет себя так, будто умерла.

Бен поворошил костер, и пламя стало немного выше.

— От разбитого сердца, — участливым тоном сказал Джимми.

— А ну тебя вместе с твоей поэтической терминологией! — озлился я. — Вечно бродит, как во сне. Вечно разглагольствует. Да если бы не твои проклятые стихи...

— Замолчи, — сказал Бен.

Я взглянул поверх костра ему в лицо, освещенное пламенем, и замолчал. Что ж, в конце концов, и я могу ошибаться. Джимми не может не писать своих паршивых стихов.

Я смотрел на пламя и думал: неужто Прелесть умерла? Конечно, нет. Просто она упряма, как черт. Она нам всыпала по первое число. А теперь наблюдает, как мы маемся, и ждет подходящего случая, чтобы выложить козыри.

Утром мы начали наблюдать за Элмером и делали это изо дня в день. Кто-нибудь из нас взбирался на гребень гряды милях в трех от лагеря и устраивался там с нашим единственным биноклем. Потом его сменял другой, и так дней десять мы наблюдали за Элмером в дневные часы.

Элмер обходил свои владения дозором регулярно. В качестве наблюдательных пунктов он использовал некоторые могильные холмы, взбираясь на них каждые пятнадцать минут. Чем больше мы наблюдали за ним, тем больше убеждались, что он прекрасно справляется со своими обязанностями. Пока он был там, в занесенный город не пробрался бы никто.

Кажется, на второй или третий день он обнаружил, что за ним наблюдают. Он стал вести себя беспокойно. Взбираясь на свои наблюдательные вышки, он смотрел в нашу сторону дольше, чем в другие. А раз, когда я был на посту, он, похоже, начал приготовления к атаке, но только я решил смыться, как он успокоился и стал кружить, как обычно.

Если не считать наблюдения за Элмером, нам жилось неплохо. Мы купались в море и ловили рыбу, рискуя жизнью всякий раз, когда жарили и ели рыбу нового вида, но нам повезло — ядовитых не попадалось. Мы бы не ели ее вообще, если бы не было необходимости экономить припасы. Когда-нибудь они должны были кончиться, и никто не давал гарантии, что Прелесть снова подаст нам милостыню. Если бы она

этого не сделала, нам пришлось бы добывать себе пропитание самим.

Бен забеспокоился: вдруг на этой планете есть времена года? Он убедил себя, что так оно и есть, и отправился в лес, чтобы подыскать место для постройки хижины.

— Нельзя же жить в палатке на пляже, когда ударят морозы, — сказал он.

Но его тревога не заразила ни меня, ни Джимми. Что-то подсказывало мне, что рано или поздно Прелесть сменит гнев на милость и мы сможем заняться делом. А Джимми с головой окунулся в бессмысленнейшее из занятий, которое он называл сочинением саги. Может, это действительно была сага. Черт ее разберет. Саги — это не по моей части.

Он назвал ее «Смерть Прелести» и заполнял страницу за страницей чистойшей чепухой. Мол, была она хорошей машинной и, несмотря на железный облик, душа у нее была кристальной чистоты. Ладно бы уж, если бы к нам не приставал, а то он каждый вечер после ужина читал эту халтуру вслух.

Я терпел, сколько мог, но однажды вечером взорвался. Бен стал на сторону Джимми, но, когда я угрозил, что возьму свою треть запасов и разобью собственный лагерь вне пределов слышимости, Бен сдался и перешел на мою сторону. Мы вдвоем проголосовали против декламации. Джимми встал на дыбы, но мы оказались в большинстве.

Так вот, первые десять дней мы наблюдали за Элмером только издали, но затем он, видно, стал нервничать, и по ночам мы слышали рокот его колес, а по утрам находили следы. Мы решили, что он подсматривает, как мы себя ведем в лагере, и старается, так же как и мы, разобраться что к чему. На нас он не

нападал, мы тоже не беспокоили его, только во время ночных дежурств стали более бдительными. Даже Джимми умудрялся не спать, когда стоял на посту.

Впрочем, были кое-какие странности. Казалось бы, после взбучки, которую дала ему Прелесть, Элмер должен держаться от нее подальше. Однако по утрам мы обнаруживали его следы рядом с ней.

Мы решили, что он пробирается сюда и прячется позади Прелести, чтобы, выглядывая из-за этой мрачной громады, наблюдать за лагерем с близкого расстояния.

Что же касается зимней квартиры, то Бен продолжал настаивать и почти убедил меня, что надо что-то делать. И однажды мы с ним объединились в строительную бригаду. Оставив в лагере Джимми, взяв с собой топор, пилу и оружие, мы отправились в лес.

Должен признать, что Бен подобрал для нашей хижины прекрасное место. Рядом ключ, с трех сторон от ветра защищают крутые склоны, и деревьев много поблизости, так что не надо было трелевать лес и тащить дрова издалека.

Я все еще не верил, что зима будет вообще. Я был совершенно убежден в том, что, если даже она и наступит, мы ее не дождемся. Буквально со дня на день мы с Прелестью сможем прийти к какому-нибудь компромиссу. Но Бен беспокоился, и я знал, что у него будет легче на душе, если мы начнем строить дом. А делать ведь все равно было нечего. Я утешал себя тем, что строить хижину — это лучше, чем просто сидеть.

Мы прислонили оружие к дереву и начали работать. Мы повалили одно дерево и начали приглядывать другое, как вдруг я услышал позади треск кустарника.

Я бросил пилу, выпрямился и оглянулся: вниз по склону на нас мчался Элмер.

Хватать оружие было некогда. Бежать — некуда. И вообще положение было безвыходное.

Я завопил, подпрыгнул, ухватился за сук и подтянулся. Я почувствовал, как меня качнуло ветром, который поднял пронесшийся подо мной Элмер.

Бен отпрыгнул в сторону и, когда Элмер проносился мимо, метнул в него топор. И метнул как надо. Топор ударился о металлический бок, и ручка разлетелась на кусочки.

Элмер развернулся. Бен пытался схватить оружие, но не успел. Он вскарабкался на дерево, как кошка. Добравшись до первого же толстого сука, он оседлал его.

— Как ты там? — крикнул он мне.

— В порядке, — сказал я.

Элмер стоял между нашими двумя деревьями, двигая массивной головой то вправо, то влево, словно решая, за кого из нас взяться сперва.

Прильнув к сучьям, мы следили за ним.

Он хочет, рассуждал я, отрезать нас от Прелести, а затем расправиться с нами. Но в таком случае очень странно, почему он прятался за Прелестью, когда подсматривал.

Наконец Элмер повернул и подкатился под мое дерево. Нацелившись, он стал кусать ствол своими металлическими челюстями. Летели щепки, дерево дрожало. Я вцепился в сук покрепче и взглянул вниз. Дровосек из Элмера был аховый, но по прошествии длительного времени дерево он все-таки перегрыз бы.

Я взобрался немного повыше, где было побольше сучьев и где я мог заклинить покрепче, чтобы не слететь от тряски.

Я уселся довольно удобно и посмотрел, что там поделявает Бен. Меня чуть не хватил удар: его не было на дереве. Я оглянулся, потом снова посмотрел на дерево и увидел, что он тихонько слезает, прячась от Элмера за стволом, точно белка, за которой охотятся.

Я следил за ним, затаив дыхание, готовый крикнуть, если Элмер засечет его, но Элмер был слишком занят жеванием моего дерева и ничего не замечал.

Бен спустился на землю и метнулся к оружию. Он схватил оба автомата и нырнул за другое дерево. Огонь был открыт с короткого расстояния. Бронебойные пули колотили по Элмеру. От взрывов ветки так раскачивались, что мне пришлось вцепиться в дерево и держаться что было силы. Два осколка вонзились в ствол пониже меня, другие осколки прочесывали крону, в воздухе кружились листья и сбитые ветки, но меня не задело.

Элмер, должно быть, ужасно удивился. При первом же выстреле он сиганул футов на пятнадцать и полез по склону холма, как кошка, которой наступили на хвост. На его сверкающей шкуре виднелось множество новых вмятин. Из одного колеса выбило большой кусок металла, и Элмер слегка раскачивался на ходу. Он мчался так быстро, что не успел свернуть перед деревом и врезался прямо в него. От удара он футов десять шел юзом. Так как он скользил в нашу сторону, Бен дал еще одну очередь. Элмер накренился довольно сильно, но потом выровнялся, перевалил через вершину холма и скрылся с глаз.

Бен вышел из-за дерева и крикнул мне:

— Все в порядке, теперь можешь слезать.

Но когда я попытался слезть, то обнаружил, что попал в капкаш. Моя левая ступня была зажата между

стволом дерева и толстенным суком, и я не мог вытащить ее, сколько ни старался.

— Что случилось? — спросил Бен. — Тебе понравилось там?

Я сказал ему, в чем дело.

— Ладно, — сказал он неохотно. — Сейчас я полезу и отрублю сук.

Он поискал топор, но тот, конечно, оказался непригодным. Ручка его разлетелась при ударе об Элмера.

Бен держал бесполезный топор в руках и произносил речь, направленную против низких проделок судьбы.

Потом он швырнул топор и полез ко мне на дерево. Протиснувшись рядом со мной, он сел на сук.

— Я полезу по суку дальше и наклоню его, — пояснил он. — Может, ты вытянешь ногу.

Он пополз по суку, но это была уже чистая эквилибристика. Раза два он чуть не упал.

— А ты точно не можешь вытащить ногу теперь? — спросил он с дрожью в голосе.

Я попробовал и сказал, что не могу.

Он отказался от поползновения спасти меня ползком и повис на суку. Перебирая руками, он двинулся дальше.

Сук клонился к земле, по мере того как Бен одолевал дюйм за дюймом, и мне казалось, что ступня зажата не так крепко, как прежде. Я тянул ногу и вдруг почувствовал, что могу немного шевелить ступней, но вытащить ее все не мог.

В это время внизу раздался ужасный треск. Бен с воплем прыгнул на землю и помчался к оружию.

Сук взлетел вверх и прихватил ногу в тот миг, когда я шевельнул ею, но на этот раз ее прищемило под другим углом и скрутило так, что я заорал от боли.

А Бен поднял автомат и повернулся лицом к кустам, откуда доносился треск. И вдруг из кустов неожиданно-негаданно появился собственной персоной сам Джимми, бежавший нам на подмогу.

— Что, ребята, попали в беду? — крикнул он. — Я слышал стрельбу.

Когда Бен опускал автомат, лицо его было блее мела.

— Дурак! Я чуть тебя не уложил!

— Такая была стрельба, — задыхаясь, говорил Джимми. — Я бежал со всех ног.

— И оставил Прелесть одну!

— Да я думал, что вы, ребята...

— Теперь уж мы наверняка пропали, — застонал Бен. — Вы же знаете, что Прелесть не может удрать, пока один из нас при ней.

Разумеется, мы этого не знали. Мы только так предполагали. Но Бен был немного не в себе. Для него выдался жаркий денек.

— Беги обратно! — закричал он на Джимми. — Одна нога здесь, другая там. Может,хватишь ее, пока она не успела удрать.

Это было глупо: если Прелесть собиралась улететь, она бы поднялась тотчас, как только Джимми скрылся с глаз. Но Джимми не сказал ни слова. Он просто повернулся и пошел обратно, ломаясь через кустарник. Я еще потом долго слышал, как он продирался сквозь лес.

Бен снова взбирался на мое дерево, бормоча:

— Вот тупоголовые сопляки. Все у них не так. Один убежал, оставил Прелесть. Другой защемился тут на дереве. Хоть бы о себе научились заботиться...

Он еще долго распространялся в том же роде.

Я не отвечал ему. Не хотелось ввязываться в спор.

Нога дико болела, и я хотел одного — лишь бы он поскорее меня освободил.

Бен снова вскарабкался на самый конец сука, и я вытащил ногу. Бен спрыгнул на землю, а я спускался по стволу. Нога сильно болела и распухла, но кое-какковылять я мог.

Бен меня не ждал. Он схватил автомат и помчался к лагерю.

Я попробовал идти быстрее, но, не увидев в этом смысла, сбавил шаг.

Выйдя на опушку, я увидел, что Прелесть не трогалась с места. Бен разорялся совершенно напрасно. Бывают же такие типы.

Когда я добрался до лагеря, Джимми стянул с меня башмак, а я колотил по земле кулаком от боли. Он подогрел ведро воды, чтобы сделать мне ванну, а потом разыскал аптечку и наляпал на ногу какого-то мушиного мора. Лично я думаю, он не соображал, что делает. Но душа у парнишки добрая.

А Бен между тем исходил злостью по поводу странного явления, которое он обнаружил. Когда мы покидали лагерь, вся местность вокруг Прелести была испещрена следами наших ног и колес Элмера, а теперь ни одного не осталось. Похоже было, будто кто-то взял метлу и заровнял следы. Это действительно было странно, но Бен уж слишком много говорил об этом. Самое важное было то, что Прелесть на месте. А раз она здесь, то была надежда сговориться с ней. Если бы она улетела, то мы остались бы на планете навсегда.

Джимми приготовил кое-какую еду, и после того, как мы поели, Бен сказал нам:

— Пойду-ка посмотрю, что там подделывает Элмер.

Я-то насмотрелся на этого Элмера на всю жизнь,

а Джимми он не интересовал. Джимми сказал, что будет работать над сагой.

Поэтому Бен взял оружие и пошел за холмы один.

Моя нога болела уже не так сильно, и я, устроившись поудобнее, решил поразмышлять, но, видно, перестарался и уснул.

Я проснулся только вечером. Джимми был обеспокоен.

— Бен не появлялся, — сказал он. — Наверное, с ним что-то случилось.

Мне тоже это не понравилось, но мы решили подождать немного, а потом пойти на поиски Бена. В конце концов, он был не в лучшем настроении и мог расстроиться по поводу того, что мы бросили лагерь и побежали к нему на выручку.

Наконец перед самыми сумерками он появился, усталый до изнеможения и какой-то ошеломленный. Он прислонил оружие к ящику и сел. Потом взял чашку и кофейник.

— Элмер исчез, — сказал он. — Я искал его весь день. А его нигде и духу нет.

Сперва я подумал, что это прекрасно. Потом сообразил, что безопасности ради надо бы разыскать Элмера и следить за ним. И вдруг в душу мне закралось страшное подозрение. Кажется, я знал, где Элмер.

— В долину я не спускался, — сказал Бен, — но сделал круг и осмотрел ее в бинокль со всех сторон.

— Он мог спрятаться в одной из пещер, — предположил Джимми.

— Возможно, — согласился Бен.

Мы высказали множество догадок, куда девался Элмер. Джимми настаивал на том, что он забился в одну из пещер. Бен был склонен думать, что он вооб-

ще убрался из этой местности. Но я не сказал того, что думал. Слишком уж это было фантастично.

Я вызвался отстоять на посту первую смену, сказав, что больная нога все равно не даст мне спать, и после того, как они уснули, подошел к Прелести и постучал по ее шкуре. Я ничего не ждал. Я думал, что она будет по-прежнему дуться.

Но она высунула щупальце, на котором появилось «лицо» — глаза-луны, слуховой аппарат, громкоговоритель.

— Очень любезно с твоей стороны, что ты не бежала и не покинула нас, — сказал я.

Прелесть выругалась. Первый и последний раз я слышал из ее уст такие словечки.

— А как я могла бежать? — спросила она, переходя наконец на печатный язык. — Это все грязные человеческие проделки! Я бы давно улетела, если бы не...

— Что за грязные проделки?

— Будто не знаешь. В меня встроен блок, который не дает взлететь, если во мне нет хотя бы одного мерзкого человечиски.

— Не знаю, — сказал я.

— Не прикидывайся, — отрезала она. — Это грязная человеческая проделка, а ты тоже грязный человечиска, и вина в равной степени падает и на твою голову. Но мне теперь все равно, потому что я нашла свое призвание. Наконец я довольна. Я теперь...

— Прелесть, — сказал я напрямик, — ты спуталась с Элмером?

— Фи, как вульгарно это звучит, — горячо возразила Прелесть. — Люди — пошляки. Элмер — ученый и джентльмен, и его верность старым, давно умершим хозяевам очень трогательна. На это не способен ни один человек. С ним плохо обращались, и я должна

его утешить. Он всего лишь хотел достать фосфат из ваших костей...

— Фосфат из наших костей! — закричал я.

— А что тут такого? — спросила Прелесть. — Бедняжка Элмер столько пережил, разыскивая фосфат. Сначала он добывал его из животных, которых ловил, но теперь все животные кончились. Разумеется, есть птицы, но их трудно ловить. А у вас такие хорошие, большие кости...

— Как тебе не совестно говорить такие вещи! — орал я. — Люди тебя создали, люди тебе дали образование, а ты...

— А я как была, так и осталась машиной, — сказала Прелесть. — Элмер мне ближе, чем вы. Вам, людям, и в голову не приходит, что не у одних людей могут быть свои понятия. Тебя ужасает, что Элмер хотел добыть фосфат из ваших костей, но, если бы в Элмере был металл, который вам нужен, вы бы разломали его не задумываясь. Вам бы и в голову не пришло, что это несправедливость. Если бы Элмер возражал, вы бы подумали, что он дурака валяет. Все такие — и вы, и весь ваш род. Хватит с меня. Я добила своего. Мне здесь хорошо. Я полюбила на всю жизнь. И иронизируйте себе сколько угодно, мне наплевать на вас.

Она втянула «лицо», а я не стал стучать и вызывать ее на разговор. Это было бесполезно. Она дала это понять совершенно недвусмысленно.

Я пошел в лагерь и разбудил Бена с Джимми. Я рассказал им о своем подозрении и разговоре с Прелестью. Мы здорово приуныли, потому что на сей раз пропшипили все.

До сих пор еще теплилась надежда, что мы поладим с Прелестью. У меня все время было такое чувство, что нам не надо приходить в отчаяние: Прелесть

более одинока, чем мы, и в конце концов ей придется впять голосу разума. Но теперь Прелесть была не одна и в нас больше не нуждалась. И она до сих пор еще сердится на нас... и не только на нас, а на весь человеческий род.

И, что хуже всего, ее поведение не каприз. Это продолжалось много дней. Элмер шлялся сюда по ночам не для того, чтобы наблюдать за нами. Он приходил лизаться с Прелестью. И, несомненно, они вместе задумали нападение Элмера на нас с Беном, так как знали, что Джимми помчится на выручку и оставит берег моря без присмотра. Вот тут-то Элмер мог ринуться обратно, а Прелесть — взять его к себе. А после этого Прелесть вытянула щупальце и замела следы, чтобы мы не догадались, что Элмер внутри.

— Значит, она изменила нам, — сказал Бен.

— Но мы к ней относились не лучше, — напомнил Джимми.

— А на что она надеялась? Человек не может любить робота.

— Очевидно, — сказал я, — а робот робота полюбить может.

— Прелесть сошла с ума, — заявил Бен.

Но мне казалось, что в этом новом романе Прелести чувствуется какая-то фальшивая нота. Зачем Прелести и Элмеру скрывать свои отношения? Прелесть могла бы открыть люк в любое время, а Элмер — въехать по аппарели внутрь прямо на наших глазах. Но они этого не сделали. Они плели заговор. В сущности, влюбленные тайно бежали.

Может быть, Прелести было как-то неловко. Не стыдилась ли она Элмера... не стыдилась ли она своей любви к нему? Как бы она это ни отрицала, но самодо-

вольный человеческий снобизм, вероятно, въелся ей в плоть и кровь.

Или, может, это я, самодовольный сноб до мозга костей, придумал все, как бы выставляя что-то вроде оборонительного заслона, чтобы меня не заставили признать ни сейчас, ни потом, что ценны не только человеческие качества? Ведь во всех нас сидит такое нежелание признавать, что наш путь развития не обязательно лучший, что точка зрения человека может и не быть эталоном, к которому в конце концов придут все другие формы жизни.

Бен приготовил кофе, и, попивая его, мы ругали Прелесть на все корки. Я не сожалею о сказанном, ибо она этого заслуживала. Она поступила с нами непорядочно.

Потом мы завернулись в одеяла и даже не выставили часового. Раз Элмер не циркулировал поблизости, в этом не было нужды.

На следующее утро нога моя все еще ныла, и поэтому я не пошел с Беном и Джимми, которые отправились исследовать долину с руинами города. Тем временем я проковылял вокруг Прелести. Я видел, что проникнуть внутрь человеку нет никакой возможности. Люк был пригнан так плотно, что и волосок не прошел бы.

Даже если бы мы забрались внутрь, то я не уверен, что нам удалось бы взять управление в свои руки. Разумеется, была еще запасная система управления, но и на нее надеяться не приходилось. Прелесть не посчиталась с ней, когда ей пришла в голову дикая мысль умыкнуть нас. Она просто заклинила ее, и мы оказались беспомощными.

И если бы мы прорвались, то нам предстояла бы рукопашная с Элмером, а Элмер — такой зверь, что ему только подавай рукопашную.

Я пошел обратно в лагерь, решив, что нам стоит поразмыслить, как жить дальше. Надо построить хижину, заготовить съестные припасы. В общем приготовиться к самостоятельному существованию. Я был уверен, что на помощь со стороны Прелести рассчитывать не придется.

Бен с Джимми вернулись в полдень, и глаза их сияли от возбуждения. Они расстелили одеяло и высыпали на него из карманов самые невероятные предметы.

Не ждите, что я стану описывать их. Это невозможно. Что толку говорить, что некий предмет был похож на металлическую цепь и что он был желтый? Тут не передашь ощущения, как цепь скользила по пальцам, как звенела, как двигалась, не расскажешь о ее цвете, похожем на *живое* желтое пламя. Это все равно что говорить о великом произведении живописи, будто оно квадратное, плоское и синеватое, а местами зеленое и красное.

Кроме цепи, там было еще много всяких вещичек, и при виде каждой просто дух захватывало.

Прочтя немой вопрос в моих глазах, Бен пожал плечами.

— Не спрашивай. Мы взяли совсем мало. Пещеры полны такими вещами и всякими другими. Мы брали без разбора то здесь, то там — что влезало в карман и случайно попадалось на глаза. Безделушки. Образцы. Не знаю.

Как галки, подумал я. Похватали блестящие вещички только потому, что они приглянулись, а сами не знают, каково назначение этих предметов.

— Эти пещеры, наверно, были складами, — сказал Бен. — Они битком набиты всякими предметами, и все разными. Будто те, кто жил здесь, открыли факторию

и выставили на обозрение образцы товаров. Перед каждой пещерой что-то вроде занавеса. Видно какое-то мерцание, слышно шуршание, а когда проходишь сквозь него, ничего не ощущаешь. И позади занавеса все лежит такое же чистое и блестящее, как в тот день, когда из пещеры ушли.

Я посмотрел на предметы, разбросанные по одеялу. Трудно было сдержаться и не брать их в руки, так они были приятны и на ощупь, и для глаза, и уже от одного этого появлялось какое-то теплое, приятное чувство.

— С людьми что-то случилось, — сказал Джимми. — Они знали, что должно произойти, и собрали вещи в одно место — все это сделали они сами, всем пользовались, все любили. Ведь так сохранялась возможность, что в один прекрасный день кто-нибудь доберется сюда и найдет их и тогда ни люди, ни их культура не пропадут бесследно.

Такую глупую сентиментальную чепуху можно услышать только от мечтательного романтика вроде Джимми.

Но, по какой бы причине поделки исчезнувшей расы ни попали в пещеры, это мы нашли их, и, таким образом, их создатели просчитались. Если бы даже мы были в состоянии догадаться о назначении вещей, если бы даже мы могли выяснить, на чем зиждилась древняя культура, пользы от этого все равно не было бы никакой. Мы никуда не улетали и никому не могли бы передать свои знания. Нам всем суждено прожить жизнь на этой планете, и после смерти последнего из нас все опять канет в древнее безмолвие, все опять обратится в привычное равнодушие.

Очень жаль, думал я, так как Земля могла бы ис-

пользовать знания, вырванные у пещер и могильных холмов. И не более чем в сотне метров от места, где мы сидели, лежал инструмент, предназначенный специально для того, чтобы с его помощью добыть эти ценнейшие знания, когда человек наконец наткнется на них.

— Ужасно сознавать, — сказал Джимми, — что все эти вещи, все знания, дерзания и молитвы, все мечты и надежды будут преданы забвению. И что весь ты, вся твоя жизнь и твое понимание жизни просто исчезнут и никто о тебе ничего не узнает.

— Здорово сказано, юноша, — поддержал его я.

Взгляд его блуждал, глаза были полны боли.

— Наверно, поэтому они и сложили все в пещеры.

Наблюдая за ним, видя его волнение, страдание на его лице, я стал догадываться, почему он поэт... почему он не может не быть поэтом. И все же он еще совсем сосунок.

— Земля должна об этом знать, — не допускающим возражения тоном сказал Бен.

— Конечно, — согласился я. — Сейчас сбегая и доложу.

— Находчивый ты малый, — проворчал Бен. — Когда прекратишь острить и приступишь к делу?

— Прикажешь взломать Прелесть?

— Точно. Надо же как-нибудь вернуться, а добраться до Земли можно только на Прелести.

— Ты, может, удивись, но я подумал об этом прежде тебя. Я сегодня ходил осматривать Прелесть. Если ты сможешь придумать, как вскрыть ее, то я буду считать, что ты умнее меня.

— Инструменты, — сказал Бен. — Если бы только у нас были...

— У нас есть инструменты. Топор без ручки, молоток и пила. Маленькие клещи, рубанок, фуганок...

— Мы могли бы сделать кое-какой инструмент.

— Найти руду, расплавить ее и...

— Я думал о пещерах, — сказал Бен. — Там могут быть инструменты.

Я даже не заинтересовался. Я знал, что ничего не выйдет.

— Может, там есть взрывчатка, — продолжал Бен. — Мы могли бы...

— Послушай, — сказал я, — чего ты хочешь — вскрыть Прелесть или взорвать ее ко всем чертям? Ничего ты не поделаешь. Прелесть — робот самостоятельный, или ты забыл? Проверти в ней дырку, и она заделает ее. Будешь слишком долго болтаться возле нее, она вырастит дубинку и тяпнет тебя по башке.

От ярости и отчаяния глаза Бена горели.

— Земля должна знать! Ты понимаешь это? Земля должна знать!

— Конечно, — сказал я. — Совершенно верно.

К утру, думал я, он придет в себя и увидит, что это невозможно. Нужно было, чтобы он протрезвел. Серьезные дела делаются на холодную голову. Только так можно сэкономить много сил и избежать многих ошибок.

Но пришло утро, а глаза его все еще горели безумием отчаяния, на котором и держалась вся его решимость.

После завтрака Джимми сказал, что он с нами не пойдет.

— Скажи, ради бога, почему? — потребовал ответа Бен.

— Я не укладываюсь вовремя со своей работой, — невозмутимо ответил Джимми. — Я продолжаю писать сагу.

Бен хотел спорить, но я с отвращением оборвал его.

— Пошли, — сказал я. — Все равно от него никого толку.

Клянусь, я сказал правду.

Итак, мы пошли к пещерам вдвоем. Я видел их впервые, а там было на что посмотреть. Двенадцать пещер, и все битком набиты. Голова кругом пошла, когда я увидел все устройства, или как бишь их там. Разумеется, я не знал назначения ни одной вещи. От одного взгляда на них можно было с ума сойти; это просто пытка — смотреть и не знать, что к чему. Но Бен старался догадаться, как одержимый, потому что вбил себе в голову, что мы можем найти устройство, которое поможет нам одолеть Прелесть.

Мы работали весь день, и я устал, как собака. И за целый день мы не нашли ничего такого, в чем могли бы разобраться. Вы даже представить себе не можете, что значит стоять в окружении великого множества устройств и знать, что близок локоть, да не укусишь. Ведь если их правильно использовать, какие совершенно новые дали откроются перед человеческой мыслью, техникой, воображением... А мы были совершенно беспомощны... мы, невежественные чужаки.

Но на Бена никакого удержу не было. На следующий день мы пошли туда снова, а потом еще и еще. На второй день мы нашли штуковину, которая очень пригодилась для открывания консервных банок, но я совершенно не уверен, что создавали ее именно для этого. А еще на следующий день мы наконец разгадали, что один из инструментов можно использовать

для рытья семиугольных ямок, и я спрашиваю, кто это в здравом уме захочет рыть семиугольные ямки?

Мы ничего не добились, но продолжали ходить, и я чувствовал, что у Бена надежды не больше, чем у меня, однако он не сдается, так как это последняя соломинка, за которую надо хвататься, чтобы не сойти с ума.

Не думаю, чтобы тогда он понимал значение нашей находки — ее познавательную ценность. Для него это был всего лишь склад утиля, в котором мы лихорадочно рылись, чтобы найти какой-нибудь обломок, еще годный в дело.

Шли дни. Долина и могильные холмы, пещеры и наследие исчезнувшей культуры все больше поражали мое воображение, и уже казалось, что каким-то загадочным образом мне стала ближе вымершая раса, понятнее ее величие и трагедия. И росло ощущение, что наши лихорадочные поиски граничат с кощунством и бессовестным оскорблением памяти покойников.

Джимми ни разу не ходил с нами. Он сидел, склонившись над стопкой бумаги, и строчил, перечитывал, вычеркивал слова и вписывал другие. Он вставал, бродил, выписывая круги, или метался из стороны в сторону, бормотал что-то, садился и снова писал. Он почти не ел, не разговаривал и мало спал. Это был точный портрет Молодого Человека в Муках Творчества.

Мне стало любопытно, а не написал ли он, мучаясь и потяя, что-нибудь стоящее. И, когда он отвернулся, я стащил один листок.

Такого бреда он даже прежде не писал!

В ту ночь, лежа с открытыми глазами и глядя на незнакомые звезды, я поддался настроению одиночества. Но, поддавшись этому настроению, я пришел к выводу, что мне не настолько одиноко, как могло бы быть, — казалось, молчаливость могильных холмов и

сверкающее чудо пещер успокаивают меня. Исчезла таинственность.

Потом я заснул.

Не знаю, что меня разбудило. То ли ветер, то ли шум волн, разбивающихся о пляж, то ли ночная свежесть.

И тут я услышал... голос в ночи. Этакое монотонное завывание, торжественное и звонкое, но порой опускавшееся до хриплого шепота.

Я вздрогнул, приподнялся на локте, и... у меня перехватило дыхание.

Джимми стоял перед Прелестью и, держа в одной руке фонарик, читал ей сагу. Голос журчал, и, несмотря на убогие слова, в его тоне было какое-то очарование. Наверно, так древние греки читали своего Гомера при свете факелов в ночь перед битвой.

И Прелесть слушала. Она свесила вниз щупальце, на конце которого было «лицо», и даже чуть повернула его вбок, чтобы слуховое устройство не пропустило ни единого слога, — так человек прикладывает к уху руку, чтобы лучше слышать.

Глядя на эту трогательную сцену, я начал немного жалеть, что мы так плохо относились к Джимми. Мы не слушали его, и бедняга вынужден читать всю эту чушь хоть кому-нибудь. Его душа жаждала признания, а ни от меня, ни от Бена признания он не получал. Просто писать ему было недостаточно — он должен был поделиться с кем-нибудь. Ему нужна была аудитория.

Я протянул руку и потряс Бена за плечо. Он выскочил из-под одеял.

— Какого черта...

— Ш-ш-ш!

Присвистнув, он опустился на колени рядом со мной.

Джимми продолжал читать, а Прелесть, свесив вниз «лицо», продолжала слушать.

Порыв ветра донес обрывок саги:

Страница дальних дорог, пролетая из вечности в вечность,
Ты верна только тем, кто ковал твою плоть.
Твои волосы выются по ветру враждебного космоса,
Звезды нимбом стоят над твоей головой...

Прелесть рыдала. На линзе явно блестели слезы.

Прелесть выпустила еще одно щупальце, на конце его была рука, а в руке — платочек, белый дамский кружевной платочек.

Она примакивала платочком выступавшие слезы.

Если б у нее был нос, она, несомненно, высморкалась бы, деликатно, разумеется, как и подобает даме.

— И все это ты написал для меня? — спросила она.

— Все для тебя, — сказал Джимми. Он врал, как заправский ловелас. Читал он ей только потому, что ни Бен, ни я не хотели слушать его стихи.

— Я так ошиблась, — сказала со вздохом Прелесть.

Она насухо протерла глаза и бойко навела на них глянец.

— Одну секунду, — сказала она деловито. — Я должна кое-что сделать.

Мы ждали, затанв дыхание.

В боку у Прелести медленно открылся люк. Выросло длинное гибкое щупальце, которое проникло в люк и выдернуло оттуда Элмера. Зверь раскачивался на весу.

— Мужлан неотесанный! — загремела Прелесть. — Я взяла тебя в себя и битком набила фосфатами. Я выпрямила твои вмятины и начистила тебя до блеска. И что я имею за это? Ты пишешь мне саги? Нет. Ты жи-

решь от довольства. Ты не отмечен печатью величия, у тебя нет ни искры воображения. Ты всего лишь бессловесная машина!

Элмер инертно раскачивался на конце щупальца, но колеса его неистово вращались, и по этому признаку я решил, что он расстроен.

— Любовь! — провозглашала Прелесь. — Нужна ли любовь таким, как мы? Перед нами, машинами, стоят более высокие цели... более высокие. Перед нами простирается усеянный звездами космос. Дует ветер дальних странствий с берегов туманных вечности. Наша поступь будет твердой...

Она еще поговорила о вызове, который бросают далекие галактики, о короне из звезд, о пыли разбитого вдребезги времени, устилающей дорогу, которая ведет в ничто, и все это она позаимствовала из того, что Джимми называл сагой.

Выговорившись, она швырнула Элмера на пляж. Он ударился о песок и пошел юзом в воду.

Мы не стали смотреть дальше. Мы бежали, как спринтеры. Мы одолели аппарател одним прыжком и оказались в своих апартаментах.

Прелесь захлопнула за нами люк.

— Добро пожаловать домой, — сказала она.

Я подошел к Джимми и протянул ему руку.

— Молодец! Ты заткнул за пояс самого Лонгфелло.

Бен тоже пожал ему руку.

— Это шедевр.

— А теперь, — сказала Прелесь, — в путь.

— Как это в путь! — завопил Бен. — Мы не можем покинуть планету. По крайней мере не сейчас. Там же город. Мы не можем лететь, пока...

— Плевать на город, — сказала Прелесь. — Плевать на информацию. Мы будем странствовать меж

звезд. Подвластны нам глубины молчаливые. По космосу промчимся и вечность грохотом разбудим.

Мы оглянулись на Джимми.

— Каждое слово, — сказал я, — буквально каждое слово она цитирует из той дряни, которую написал ты.

Бен сделал шаг вперед и взял Джимми за грудки.

— Разве ты не чувствуешь побуждения, — спросил его Бен, — разве ты не чувствуешь настоятельной необходимости написать оду родине... и воспеть ее красоту, ее славу и все прочее своими штампами?

У Джимми немного стучали зубы.

— Прелесть проглотит все, что бы ты ни написал, — добавил Бен.

Он поднял кулак и дал его понюхать Джимми.

— Советую постараться, — предупредил Бен. — Советую написать так, как ты никогда не писал.

Джимми сел на пол и начал лихорадочно строчить.

ПЫЛЬНАЯ ЗЕБРА

Ничего в доме нельзя человеку держать. Вечно все теряется, вечно все пропадает, а ты ищешь, перерываешь все вверх дном, на всех орешь, всех расспрашиваешь, подозреваешь.

И так в каждой семье.

Но запомните одно: не старайтесь выяснять, куда пропадают вещи, кто бы это мог взять их. И думать не думайте заниматься расследованием. Себе дорожке станет!

Вот послушайте, какой случай был со мной.

Шел я с работы и купил по дороге лист почтовых марок — хотел разослать чеки, оплатить месячные счета. Но только я сел заполнять чеки, как ввалились супруги Мардж и Льюис Шоу. Льюиса я недолюбиваю, да и он меня едва выносит. Но Мардж с Элен добрые подруги; они заболтались, и чета Шоу проторчала у нас весь вечер.

Льюис рассказывал мне, чем он занимается в своей исследовательской лаборатории. Я пытался заговорить о другом, но он все долбил одно и то же. Думает, наверно, что раз сам увлекается, то и другие должны интересоваться его работой. А я в электронике ничего не смыслю, микромодуль от микроскопа не отличу.

Унылый был вечер, и, что хуже всего, мне и заикнуться об этом было нельзя. Элен тотчас бы на меня набросилась, стала бы говорить, что я бирюк.

И вот на следующий день я пошел после обеда в свой кабинет заполнять чеки и, разумеется, обнаружил, что марки пропали.

Я оставил марки на письменном столе, но теперь на столе не было ничего, кроме кубика: хотя юный Билл не интересовался кубиками уже несколько лет, они время от времени все еще оказывались в самых неподходящих местах.

Я окинул взглядом комнату, потом подумал, что марки, вероятно, сдуло со стола, и, став на четвереньки, обшарил весь пол. Марок нигде не было.

Я пошел в гостиную, где, уютно устроившись в кресле, Элен смотрела телевизор.

— Не видела я их, Джо, — сказала она. — Посмотри у себя на столе.

Именно такого ответа я и ожидал.

— Может, Билл знает, — предположил я.

— Его сегодня почти целый день дома не было. Когда появится, спросишь.

— А где он болтается?

— Занят коммерцией. Меняет тот новый пояс, который мы ему купили, на пару шпор.

— Не вижу в этом ничего дурного. Когда я был мальчишкой...

— Дело не только в поясе, — сказала Элен. — Он меняет все подряд. И хуже всего то, что он никогда не остается в проигрыше.

— Смышленный парнишка.

— Если ты будешь так относиться к этому, Джо...

— Мое отношение тут ни при чем, — сказал я. — Такие отношения существуют во всем деловом мире. Когда Билл вырастет...

— Вырастет и... попадет в тюрьму. Если бы ты видел его за этим занятием, ты бы тоже сказал, что ему прямая дорога в арестанты.

— Ладно, я поговорю с ним.

Я вернулся в кабинет, потому что атмосфера в го-

стиной была не такой дружественной, как хотелось бы, и потом, мне надо было послать чеки независимо от того, нашел я марки или не нашел.

Я вынул из ящика пачку счетов, чековую книжку и авторучку. Потом протянул руку, чтобы переложить кубик и освободить место для работы. Но, как только он оказался у меня в руке, я понял, что это не детский кубик.

Вес и размеры у этого предмета были, как у кубика, и на ощупь он напоминал пластик, разве что такого гладкого пластика я никогда не встречал. Он был сухой и в то же время как маслом смазанный.

Я положил его на стол и придвинул поближе лампу. Но ничего особенного не увидел. Кубик как кубик.

Вертя его в руке, я старался определить, что это такое. И вдруг увидел на одной из его сторон небольшое продолговатое углубление — совсем маленькое, почти царапину.

Я присмотрелся и увидел, что углубление выточено и на дне его бледная красная полоска. Могу поклясться, что эта красная полоска мерцала. Я поднес предмет поближе к глазам, но мерцание прекратилось. То ли краска вдруг обесцветилась, то ли мне все померещилось, но уже через несколько секунд я не был уверен, что там была какая-либо полоска.

Я подумал, что эту штуку где-то нашел или выменял Билл. Мальчик как галка — все в дом тащит, но в этом нет ничего дурного, как нет ничего дурного в его коммерции, что бы там ни говорила Элен. Это прекрасные деловые задатки.

Я отложил кубик в сторону и занялся чеками. На следующий день во время перерыва на ленч я снова купил марки. Но целый день я то и дело начинал размышлять над тем, куда могли деться вчерашние.

Я совсем не думал о скользком на ощупь кубике. Возможно, я бы вовсе забыл о нем, если б, вернувшись домой, не обнаружил, что у меня пропала ручка.

Я пошел в кабинет за ручкой и увидел ее на столе, на том самом месте, где оставил вчера вечером. Я не помнил, оставлял я ручку на столе или нет, но, увидев ее, тотчас вспомнил, что забыл положить ее обратно в ящик.

Я взял ручку. И оказалось, что это вовсе не ручка. На вид предмет был похож на пробковый цилиндр, но для пробки он был слишком тяжелый. Мне вдруг показалось, что это складная удочка, только поменьше и потяжелее.

Представив себе, что это складная удочка, я сделал движение, будто забрасываю ее, и вдруг и в самом деле неизвестный предмет оказался складной удочкой. Она, видимо, была сложена, а затем выдвинулась, как настоящая удочка. Но странное дело, видны были только первые фута четыре, а все остальное растаяло в воздухе.

Я инстинктивно дернул удочку вверх и на себя, чтобы высвободить конец, попавший бог знает куда. Удочка было подалась, а потом я вдруг почувствовал, что на конце ее повис какой-то груз. Точно я подсек рыбу, но только рыба эта не блась.

Затем так же быстро это ощущение исчезло. Груз как бы мгновенно сорвался с удочки, она сложилась, и в руке у меня снова был предмет, похожий на авто-ручку.

Я осторожно положил его на стол, твердо решив не делать больше никаких взмахов, и только тут заметил, что рука у меня дрожит.

Я сел, тараща глаза на предмет, похожий на пропавшую ручку, и на другой предмет, похожий на детский кубик.

И вот тут-то уголком глаза я и увидел посередине стола маленькое белое пятнышко.

Оно было на том самом месте, где сначала лежала мнимая ручка, да и кубик вчера вечером я нашел, пожалуй, именно там. Оно было цвета слоновой кости и имело в диаметре примерно четверть дюйма.

Я ожесточенно потер его большим пальцем, но пятно не стиралось. Я закрыл глаза, чтобы дать возможность пятну исчезнуть, и, тотчас открыв их, с удивлением убедился, что пятно на месте.

Я склонился над столом и стал рассматривать его. У меня было такое впечатление, будто в дерево тщательно вделали пластинку слоновой кости. Я не мог обнаружить никакого зазора между деревом и пятном.

Прежде его там не было; в этом я совершенно уверен. Если бы оно было, я непременно заметил бы. Более того, его заметила бы Элен, потому что она чистюля, нигде у нее и пылинки нет. Да и где это слыхано, чтобы продавали столы, инкрустированные одной-единственной пластинкой слоновой кости?

Нигде не купишь и вещи, которая похожа на ручку, но превращается в складную удочку, причем тонкий конец ее исчезает и подцепляет что-то невидимое, — ручку, которая в следующий раз, возможно, не потеряет то, что подцепила, а выволочет на свет божий.

Из гостиной послышался голос Элен:

— Джо!

— Да! Что тебе?

— Ты поговорил с Биллом?

— С Биллом? О чем?

— О его коммерции.

— Нет. Забыл как-то.

— Смотри поговори. Он опять взялся за свое. Вы-
торговал у Джимми новый велосипед. Всучил ему вся-
кий хлам. Я заставила его вернуть велосипед.

— Я поговорю с ним, — снова пообещал я.

Но, как помню, тогда мне было не до этики поведения моего сына.

Ничего в доме нельзя держать. Вечно теряешь то одно, то другое. Точно знаешь, куда положил вещь, уверен, что она на месте, ахватишься — ее уже нет.

И всюду так: вещи теряются, и потом их вовек не сыщешь.

Но другие вещи на их месте не появляются... по крайней мере я сроду о таком не слышал.

Впрочем, бывали, наверно, случаи, когда человек находил другие вещи, брал их, рассматривал, удивлялся, что это такое, а потом зашвыривал куда-нибудь в угол и забывал.

Может быть, склады утиля в самых разных уголках мира забиты всякими неземными кубиками и сумасшедшими удочками.

Я встал и пошел в гостиную, где Элен настраивала телевизор.

Наверно, она заметила, что я расстроен, и потому спросила:

— Что еще случилось?

— Не могу найти ручку.

Она рассмеялась.

— Прости, Джо, но ты невыносим. Вечно все теряешь.

Ночью, когда Элен уже заснула, я лежал и все думал о пятне на столе. Пятно, казалось, говорило: «Если ты

коммерсант, клади прямо сюда, что у тебя есть, и мы произведем обмен».

И тут мне в голову пришла мысль: а что будет, если кто-нибудь сдвинет стол?

Долго я лежал, стараясь успокоиться, уговорить себя, что все это чепуха и бред.

Но отделаться от этой мысли я уже не мог.

Наконец я встал и потихоньку, словно вор, а не хозяин дома, выскользнув из спальни, пошел в кабинет.

Закрыв дверь, я включил настольную лампу и поскорее бросился смотреть, не исчезло ли пятно.

Оно было на месте.

Выдвинув ящик стола, я поискал там карандаш, но вместо карандаша под руку мне попался один из цветных мелков Билла. Я стал на колени и тщательно очертил на полу ножки стола, чтобы потом поставить его точно на место, если кто-нибудь его сдвинет.

Затем я как бы машинально положил мелок точно на пятно.

Утром, перед уходом на работу, я заглянул в кабинет: мелок все еще лежал на месте. У меня немного отлегло от сердца, мне удалось убедить себя, что все это игра воображения.

Но вечером, после обеда, я снова пошел в кабинет и обнаружил, что мелок пропал.

На его месте лежало какое-то треугольное устройство с чем-то вроде линз на каждом углу, а посередине треугольника к каркасу из какого-то металла крепилась штука, явно напоминавшая присоску.

Я еще рассматривал ее, когда в кабинет вошла Элен.

— Мы с Мардж идем в кино, — сказала она. — Почему бы тебе не пойти и не выпить с Льюисом пива?

— С этим чванливым болваном?

— Что ты имеешь против Льюиса?

— Ничего, наверно.

Мне было не до супружеских ссор.

— Что это у тебя? — спросила Элен.

— Не знаю. Вот нашел.

— Ты прямо как Билл, всякую дрянь стал в дом тащить. Любому из вас только волю дай, весь дом замусорите.

Я смотрел на треугольник, и, сколько ни думал о нем, в голову все приходило одно: это, паверно, очки. Удерживаются они на лице, по-видимому, при помощи той присоски, что посередине, — странный способ носить очки, но, если подумать, такое предположение не лишено основания. Но в таком случае это значит, что у владельца очков три глаза, расположенных на лице треугольником.

Элен ушла, а я все сидел и думал. И думал я о том, что, хоть я и недолюбливаю Льюиса, без его помощи мне не обойтись.

И вот, положив мнимую ручку и треугольные очки в ящик стола, а фальшивый кубик в карман, я отправился в дом напротив.

У Льюиса на кухонном столе была расстелена кипа синек, и он тотчас принялся мне что-то объяснять. Я изо всех сил делал вид, что разбираюсь в чертежах. На самом деле я не смыслил в них ни уха ни рыла.

Наконец мне удалось вернуть словечко; я вытащил из кармана кубик, положил его на стол и спросил:

— Что это?

Я думал, он тут же скажет, что это детский кубик. Но он этого не сказал. Видимо, что-то подсказало ему, что это не простой кубик. Вот что значит техническое образование.

Льюис взял кубик и повертел его в руке.

— Из чего это сделано? — взволнованно спросил он.

Я пожал плечами.

— Я не знаю, что это, из чего это — ничего не знаю. Вот нашел просто.

— Ничего подобного я сроду не видел. — Он заметил углубление на одной из сторон кубика, и я понял, что он клюнул. — Позвольте мне взять это с собой в лабораторию. Постараемся разобраться.

Я, разумеется, знал, что ему надо. Если кубик — какое-нибудь техническое новшество, он хотел воспользоваться случаем... но это меня несколько не беспокоило. У меня было предчувствие, что слишком больших открытий он не сделает.

Мы выпили еще по несколько стаканов пива, и я пошел домой. Там я разыскал пару старых очков и положил их на стол как раз на пятно.

Я слушал последние известия, когда вошла Элен. Она обрадовалась тому, что я провел вечер с Льюисом, и сказала, что мне следовало бы сойтись с ним поближе, а уж там он, может быть, мне понравится. Она сказала, что раз они с Мардж такие близкие подруги, то просто стыдно, что мы с Льюисом не дружим.

— Может, подружмся, — сказал я и на этом прекратил разговор.

На следующий день Льюис пришел ко мне на работу.

— Где вы взяли эту штуку? — спросил он.

— Нашел, — сказал я.

— Вы имеете хоть какое-нибудь представление, что это?

— Никакого, — весело сказал я. — Потому-то я и дал ее вам.

— Ее приводит в действие какая-то энергия, и она предназначена для измерения. Выемка на одной из сторон служит для считывания показаний. Индикатором, видимо, является интенсивность цвета. Во всяком случае, цветная полоска в выемке все время меняется. Не сильно, но все же это можно заметить.

— Теперь надо выяснить, что она измеряет.

— Джо, вы не знаете, где нам достать еще одну такую штуку?

— Не знаю.

— Видите ли, в чем дело, — сказал он. — Нам хотелось бы покопаться в ней, чтобы понять, как она действует, но вскрыть ее мы никак не можем. Наверно, ее можно взломать, но мы боимся. Вдруг испортим? Или она взорвется? Если бы у нас была еще одна...

— Простите, Льюис, но я не знаю, где взять другую. На этом разговор и кончился.

В тот вечер я шел домой, думая о Льюисе и улыбаясь про себя. Малый завяз в этом деле по самые уши. Он теперь спать не будет спокойно, пока не узнает, что это за штука. И, наверно, на недельку оставит меня в покое.

Я прошел в кабинет. Очки все еще лежали на столе. Я постоял немного, раздумывая, в чем же тут дело. Потом заметил, что стекла имеют розовый оттенок.

Взяв очки, я обнаружил, что стекла заменены на другие — того же сорта, что и в треугольных очках, которые я нашел вчера вечером.

Тут в кабинет вошла Элен, и не успела она еще рта открыть, как я догадался, что она ждала меня.

— Джо Адамс, что все это значит? — громко спросила она.

— Ничего, — ответил я.

— Мардж говорит, что ты совсем расстроил Льюиса.

— Немного же надо, чтобы его расстроить.

— Что-то происходит, — не отставала Элен, — и я хочу знать, что именно.

Я знал, что мне не уйти от ответа.

— Я занимаюсь коммерцией.

— Меняешься! И это после всего того, что я тебе рассказала о Билле!

— Но это совсем другое дело.

— Коммерция есть коммерция.

Билл вошел в парадное, но, видимо, услышав, как мать сказала «коммерция», выскочил обратно. Я крикнул ему, чтобы он вернулся.

— Садитесь оба и слушайте, что я вам скажу, — приказал я. — Задавать вопросы, высказывать предположения и устраивать мне головомойку будете, когда я закончу.

Мы все трое сели, и заседание семейного совета началось.

Убедить Элен мне удалось не сразу: пришлось показать пятно на столе, треугольные очки и собственные очки, которые были присланы мне обратно, после того как в них вставили розовые стекла. В конце концов она была готова признать, что кое-что действительно происходит. Но это не помешало ей дать мне нагоняй за то, что я обвел на полу ножки стола.

Ни ей, ни Биллу ручки-удочки я не показал, потому что боялся. Помахают ею, а потом кто знает, что случится...

Билл, разумеется, весь загорелся. Коммерция — это по его части.

Я предупредил, чтобы они не говорили никому ни слова. Билл не сказал бы, потому что его хлебом не

корми, а дай поиграть во всякие секреты, шифры и прочее. Но Элен чуть свет побежала бы к Мардж и выложила ей все по секрету — здесь уж что ни делай, что ни говори, ничего не поможет.

Билл тотчас захотел надеть очки с розовыми стеклами, чтобы посмотреть, отличаются ли они от обычных. Но я ему не позволил. Я и сам хотел надеть эти очки, но, по правде сказать, боялся.

Когда Элен пошла на кухню хлопотать насчет обеда, мы с Биллом занялись стратегией. Для своих десяти лет Билл — человек очень здравомыслящий. Мы порешили, что для ведения своих коммерческих дел нам следует разработать какую-нибудь систему, ибо, как указал Билл, заглазный обмен — предприятие рискованное. Надо бы как-то сообщить тому малому, что он может получить за свои вещи.

Но для того, чтобы прийти к взаимопониманию при торговле с кем бы то ни было, надлежало наладить какую-нибудь систему общения. А как общаться с тем, о ком вы ничего не знаете, кроме того, что у него, возможно, три глаза?

И тут Билл подал великолепную идею. Он сказал, что нам нужно сделать одно — послать каталог. Если собираешься с кем-нибудь торговать, то само собой понятно, в первую очередь необходимо сообщить, что ты можешь предложить.

Учитывая особые обстоятельства, нужен был каталог иллюстрированный. Впрочем, даже он мог оказаться бесполезным, так как не было никакой уверенности, что Коммерсант, скрывающийся где-то по ту сторону моего письменного стола, поймет, что означает та или иная картинка. Может быть, он вообще понятия не имеет о картинках. Может, он и видит по-другому... не в физическом смысле, хотя и это возможно, а придер-

живаясь другой точки зрения, руководствуясь чуждым нам мировоззрением.

Но поскольку иного пути не было, мы засели за разработку каталога. Билл считал, что нам надо нарисовать его, но ни он, ни я художественными способностями не отличались. Я предложил вырезать иллюстрации из журналов. Но эта мыслишка тоже была не фонтан, потому что на рекламных картинках товары обычно изображаются приукрашенными, художники заботятся только о том, чтобы привлечь внимание.

И снова Билл подал великолепную идею.

— Ты знаешь тот детский словарь, который мне подарила тетя Этель? Почему бы не послать его? В нем много картинок и почти ничего не написано. И это очень важно. Может, они там читать не любят.

Мы отправились в комнату Билла и в поисках словаря стали перерывать весь тот хлам, который у него накопился. Нам попался старый букварь, по которому Билл когда-то учился читать, и мы решили, что он еще лучше словаря. В букваре были хорошие, простые картинки, а текста почти никакого не было. Вы знаете, о какого рода книжке я говорю — там стоит буква А и нарисован арбуз, буква Б и барабан и так далее.

Мы отнесли букварь в кабинет и положили его на стол, прикрыв им пятно, а сами пошли обедать.

Наутро книга исчезла, и это было немного странно. До сих пор все исчезало только во второй половине дня.

Примерно после полудня мне позвонил Льюис.

— Я иду к вам, Джо. Есть у вас поблизости какой-нибудь бар, где бы мы могли потолковать с глазу на глаз?

Я сказал, что такой бар есть всего в квартале от меня и что мы встретимся там.

Быстренько справившись с делами, я вышел из конторы, рассчитывая прийти в бар пораньше и перехватить рюмочку еще до прихода Льюиса.

Не знаю, как Льюис успел, но он меня опередил и уже сидел в угловой кабине. По-видимому, он мчался так, что нарушил все правила уличного движения.

Он уже заказал две рюмки и сидел с заговорщическим видом. Он все еще не мог отдышаться от спешки.

— Мардж рассказала мне все, — молвил он.

— Я так и думал.

— На этом можно заработать кучу денег, Джо!

— И об этом я уже подумал. Так что я хочу предложить вам десять процентов...

— Да нет же, вы послушайте, — запротестовал Льюис. — Одному вам такое дело не потянуть. Я и пальцем не пошевелину меньше чем за пятьдесят процентов.

— Я принимаю вас в дело, — сказал я, — потому что вы мой сосед. Я в этом техническом бизнесе ни черта не понимаю. У меня есть кое-что, в чем я не разбираюсь, и мне нужна помощь, чтобы выяснить, что это, но я в любое время могу обратиться к кому-нибудь другому...

Мы пришли к соглашению рюмки через три: он получал 35 процентов, я — 65.

— Теперь, когда все утряслось, — сказал я, — может, вы мне скажете, что вы там разузнали?

— Разузнал?

— О том кубике, что я вам дал. Вы бы не стали мчаться сюда, заказывать заранее выпивку и ждать, если бы чего-нибудь не разузнали.

— Видите ли, в сущности...

— Погодите-ка минутку, — перебил его я. — Мы запишем это в контракте: в случае неспособности представить полный и подробный анализ...

— Что это еще за контракт?

— Мы заключим контракт, за нарушение которого любой из нас может судебным порядком обобрать другого до нитки.

Чертовски неприятно начинать с этого деловое предприятие, но с таким скользким типом, как Льюис, иначе было нельзя.

И тогда он мне сказал, что разузнал.

— Это прибор для измерения эмоций. Я знаю, что термин этот нескладный, но лучшего придумать не могу.

— А что он делает?

— Он говорит, счастливы вы или грустны и как сильно ненавидите кого-нибудь.

— М-да, — разочарованно замычал я. — А на кой мне такая штукавина? Мне не нужен прибор, который говорит, что я злюсь или радуюсь.

Льюис до того взбеленился, что даже стал красноречив:

— Разве вы не понимаете, какое значение приобретет этот инструмент для психиатров? Он будет говорить о пациентах такое, чего сами они никогда не отважились бы рассказать. Его можно использовать в психиатрических клиниках, им можно замерять реакцию людей при посещении зрелищ, в политике, при введении новых законов... где угодно.

— Хватит трепаться! Пускаем в продажу!

— Но все дело в том...

— В чем?

— В том, что производить эти приборы мы не сможем, — с отчаянием в голосе сказал он. — У нас нет

нужного сырья, и мы не знаем, как их делать. Придется вам выменять их.

— Я не могу. То есть могу, но не сразу. Сперва мне надо дать понять тем Коммерсантам, что я хочу получить от них, а затем узнать, что они хотят взамен.

— Какие-нибудь другие вещи у вас есть?

— Есть несколько.

— Отдайте-ка их лучше мне.

— Некоторые из них могут оказаться опасными. В общем все это принадлежит мне. Я дам вам, что захочу и когда захочу...

Мы снова поспорили.

Прения кончились тем, что мы отправились к адвокату. Мы составили контракт, который был, наверно, одним из любопытнейших курьезов в истории юриспруденции.

Адвокат, несомненно, подумал — и до сих пор думает, — что мы оба сумасшедшие, но теперь это беспокоит меня меньше всего.

В контракте говорилось, что мне надлежит вручать Льюису для определения технической и товарной ценности по крайней мере девяносто процентов предметов, источник получения которых контролирую я один, и что в дальнейшем вышеуказанный источник остается на вечные времена исключительно под моим контролем. Остальные 10 процентов могут без всяких оговорок не передаваться для обследования, причем первая договаривающаяся сторона принимает единоличное решение в отношении определения тех предметов, которые войдут в вышеупомянутые 10 процентов.

Что же касается 90 процентов предметов, передаваемых второй договаривающейся стороне, то эта последняя обязана подвергать их тщательному анализу — представлять отчеты в письменном виде и давать такие

дополнительные объяснения, которые понадобятся для полного понимания со стороны первой договаривающейся стороны, в срок, не превышающий трех месяцев со дня получения предметов, по истечении какого-либо предмета возвращаются в единоличное владение первой договаривающейся стороны. Вышеупомянутый срок изучения и определения может быть продлен на любое время лишь по заключении соответствующего соглашения между сторонами, изложенного в письменном виде.

В случае если вторая договаривающаяся сторона скроет от первой договаривающейся стороны какие-либо открытия, связанные с предметами, о которых идет речь в данном соглашении, то такое сокрытие является достаточным основанием для возбуждения дела о возмещении убытков. В случае если будет определено, что некоторые предметы можно пустить в производство, таковые могут производиться в соответствии с условиями пунктов А, В и С раздела XII данного соглашения.

Условия продажи вышеупомянутых предметов должны быть оговорены и включены в качестве составной части данного соглашения. Любые доходы от вышеупомянутой продажи делятся следующим образом: 65 процентов — первой договаривающейся стороне (мне — это я на случай, если вы уже запутались, что немудрено) и 35 процентов — второй договаривающейся стороной (Льюису); издержки делятся соответственно.

Разумеется, там было еще много всяких подробностей, но суть дела уже ясна.

Глоток мы друг другу не перегрызли и из конторы адвоката отправились ко мне домой, где застали и Мардж. Льюис пошел со мной, чтобы взглянуть на пятно на письменном столе,

По-видимому, Коммерсант получил букварь и был в состоянии разобраться, для чего его послали, так как на столе лежала картинка, вырванная из книги. Правда, я сказал бы, что ее не вырвали, а скорее... выжгли из книги.

На картинке была буква «З» и рядом зебра.

Льюис с тревогой уставился на нее.

— Ну и задали нам задачу.

— Да-а, — согласился я. — Не знаю, сколько она стоит, но, видно, недешево.

— Подумайте сами — расходы на экспедицию, сафари, клетки, перевоз по морю и железной дороге, корм, сторожа. Как вы думаете, нельзя ли заинтересовать его чем-нибудь другим?

— Я не знаю как. Заказ дан.

В кабинет забрел Билл и поинтересовался, что происходит. Когда я с унылым видом сказал ему, в чем дело, он радостно воскликнул:

— О, если тебе хочется обменять плохой складной нож, ты его сбываешь тому, кто не знает, как выглядит хороший. В этом весь фокус коммерции, папа!

Льюис ничего не понял, а я сообразил сразу.

— Правильно! Он не знает, что зебра — животное, он не знает даже, каких она размеров!

— Конечно, — уверенно сказал Билл. — Он видел ее только на картинке.

Было уже пять часов, но мы все трое бросились в магазины. Билл нашел дешевый браслет с брелоком-зеброй, которая была размером с рисунок в книге. Когда речь идет о всякой такой мелочи, мой сынишка точно знает, где что продают и что сколько стоит. Я подумал было сделать его на всякий пожарный случай младшим партнером и дать ему примерно десятипроцентную долю в прибылях (разумеется, из 35 процентов Льюиса),

но я был уверен, что Льюис не согласится. Вместо этого я решил платить Биллу жалованье один доллар в неделю, но выплату вышеупомянутой суммы начать тотчас после того, как дело станет приносить прибыль.

Итак, с зеброй все было в порядке... при условии что Коммерсант удовлетворится маленькой безделушкой. Я подумал: хорошо еще, что нам не пришлось добывать зефир, который тоже на «З».

С остальными буквами алфавита дело пошло легче, но я не мог не терзаться сомнениями все то время, пока пришлось ждать. Все каталоги, которые можно было послать, плохи, но хуже букваря ничего нет. Однако, пока Коммерсант не познакомился со всем первым списком, другой посылать не стоило, так как я боялся, что он запутается.

Поэтому я послал ему яблоко, мяч, маленькую куклу вместо девочки, игрушечную кошку и игрушечную собаку и так далее, а потом по ночам все думал, что же Коммерсант будет делать со всем этим добром. Я представлял себе, как он пытается догадаться о назначении резиновой куклы или кошки.

Я отдал Льюису и те и другие очки, но попридержал ручку-удочку, так как все еще боялся ее. Льюис передал прибор для измерения эмоций одному психиатру, чтобы тот провел своего рода полевые испытания на больных.

Зная, что мы с Льюисом стали как бы компаньонами, Мардж и Элен были теперь неразлучны. Элен не уставала твердить, как она рада, что я наконец понял, какой надежный человек Льюис. Наверно, Мардж говорила то же самое Льюису.

Билла прямо распирало — так ему хотелось похвастаться. Но он был великим маленьким бизнесменом и

держал рот на замке. Разумеется, о жалованье я ему сказал.

Льюис всецело стоял за то, чтобы мы сделали попытку расспросить Коммерсанта о приборе для измерения эмоций. Он заказал заводскому чертежнику рисунок прибора и хотел, чтобы я отослал его, показав тем самым, что мы интересуемся прибором.

Но я сказал ему, чтобы он не форсировал событий. Может, сделка с прибором для измерения эмоций и окажется выгодной, но до принятия окончательного решения нам следует ожидать присылки образцов всех товаров, которые может предложить Коммерсант.

Убедившись, по-видимому, в том, что с ним сотрудничают, Коммерсант теперь торговал не в определенный час, а держал лавочку открытой круглые сутки. Просмотрев список товаров по букварю, он прислал обратно чистые страницы из книги с очень грубо сделанными рисунками, — казалось, он рисовал их крошащимся углем. Льюис изготовил серию картинок, чтобы показать, как пользоваться карандашом, и, отослав их Коммерсанту вместе с пачкой бумаги и сотней отточенных карандашей, мы принялись ждать.

Мы ждали неделю и уже стали выходить из себя, когда вся пачка бумаги вернулась обратно: каждый листок был с обеих сторон покрыт самыми различными рисунками. Для того чтобы Коммерсанту не было скучно, мы послали каталог товаров, которые можно заказать по почте, а сами уселись разгадывать рисунки.

Назначение всех вещей без исключения было совершенно непонятно... даже Льюису. Он всматривался в рисунки, потом вскакивал, метался по комнате, рвал на себе волосы, дергал себя за уши. Затем снова принимался рассматривать рисунки.

Для меня это была комедия и только.

Наконец мы порешили, что на время затею с каталогами надо оставить, и принялись класть на письменный стол все, что попадалось под руку, — ножницы, тарелки, перочинные ножи, клей, сигары, скрепки, ластик, ложки. Я знаю, что мы действовали не по-научному, но у нас не было времени придерживаться какой-либо системы. Потом при случае мы выработали бы более разумную программу, а пока не хотели дать Коммерсанту времени опомниться.

И Коммерсант принялся бомбардировать нас вещами в ответ. Мы сидели часами и отправляли товар ему, а он нам, и у нас на полу образовалась куча самого невероятного хлама.

Мы установили кинокамеру и извели уйму пленки на то, чтобы заснять пятно на столе, где происходил обмен. Мы потратили массу времени, просматривая пленку, замедляя чередование кадров и совсем останавливая проектор, но это ничего нам не дало. Когда вещь исчезала или появлялась, то она просто исчезала или появлялась. В одном кадре она была, в другом кадре ее уже не было.

Льюис отложил всю другую работу, и вся его лаборатория только и делала, что занималась разгадкой приборов, которые мы получили. С большинством из них мы так и не справились. Наверно, они для чего-то служили, но этого нам узнать не удалось.

Был там такой флакон с духами, например. Это мы его так называли. Но мы догадывались, что духи в нем не самое главное, что так называемый флакон имеет совсем иное назначение.

Льюис и его ребята, которые изучали флакон в своей лаборатории и старались разобраться, что к чему, нечаянно включили его. Они работали три дня, причем последние два — в масках, пытаясь выключить его.

Когда запах стал невыносим и люди начали звонить в полицию, мы отнесли это устройство в поле и закопали. За несколько дней вся растительность в округе завяла. До самого конца лета ребята с агрономического факультета университета носились всюду как угорелые, стараясь выяснить причину.

Была там штука—часы, наверно, какие-нибудь, — впрочем, с таким же успехом она могла оказаться чем угодно. Если это часы, то у Коммерсанта такая система отсчета времени, что от нее впору с ума сойти.

Была там и еще одна вещичка — укажешь на что-нибудь пальцем и нажмешь на определенное место (не на кнопку, не на какое-нибудь механическое устройство, а просто на определенную точку) — и тотчас в пейзаже появится большое пустое место. Перестанешь нажимать — пейзаж снова станет как был. Мы засунули эту вещичку в дальний угол лабораторного сейфа и привесили к ней большую красную бирку с надписью: «Опасно! Не трогать!»

Но с большинством предметов мы просто вытягивали пустой номер. А предметы все поступали и поступали. Я забил ими гараж и начал уже сваливать кучей в подвале. Некоторые меня пугали, и я их из кучи изымал.

Тем временем Льюис мучился с прибором для определения эмоций.

— Он работает, — говорил Льюис. — Психиатр, которому я давал его, в восторге. Но, по-видимому, пустить его в продажу будет почти невозможно.

— Если он работает, — возразил я, передавая ему банку с пивом, — то его должны покупать.

— Покупали бы в любой другой области, кроме медицины. Прежде чем пускать что-либо в продажу, надо представить чертежи, теоретические обоснования, ре-

зультаты испытаний и тому подобное. А мы не можем этого сделать. Мы не знаем, как он работает. Не знаем принципа действия. А пока мы этого не узнаем, ни одна почтенная фирма, торгующая медицинскими приборами, не пустит его в продажу, ни один порядочный медицинский журнал не станет его рекламировать, ни один врач-практик не будет применять.

— Значит, на него надеяться нечего, — сказал я довольно уныло, потому что это была единственная вещь, применение которой нам было известно.

Льюис кивнул, выпил пива и стал мрачнее обычного.

Я теперь вспоминаю с улыбкой, как мы нашли устройство, которое принесло нам богатство. В сущности, это не Льюис, а Элен нашла его.

Элен — хорошая хозяйка. Она вечно возится с пылесосом и тряпкой и моет рамы и подоконники с таким остервенением, что нам приходится красить их каждый год.

Однажды вечером мы сидели в гостиной и смотрели телевизор.

— Джо, ты вытирал пыль в кабинете? — спросила Элен.

— Пыль в кабинете? С чего бы это?

— Видишь ли, кто-то вытер. Может, это Билл?

— Билла никакими силами не заставишь взять тряпку в руки.

— Тогда я ничего не понимаю, Джо, — сказала она. — Я пошла вытирать пыль, а там совершенно чисто. Все блестит.

По телевизору показывали что-то очень забавное, и я не обратил тогда на слова Элен никакого внимания.

Но на следующий день я вспомнил об этом и уже не мог выкинуть из головы. Я бы ни за что не стал вытирать пыль в кабинете, а Билл и подавно, и все же

кто-то сделал это, раз Элен говорит, что там было чисто.

В тот же вечер я вышел с ведром на улицу, наложил в него пыли и принес в дом.

Элен перехватила меня в дверях.

— Ты что это делаешь?

— Экспериментирую, — сказал я.

— Экспериментировать в гараже.

— Это невозможно, — возразил я. — Я должен выяснить, кто вытер пыль в кабинете.

Я знал, что если мой номер не удастся, то меня притянут к ответу, потому что Элен пошла следом и стала в дверях, приготовившись обрушиться на меня.

На столе лежало много предметов, полученных от Коммерсанта, а в углу валялось еще больше. Я убрал все со стола, и тут вошел Билл.

— Что ты делаешь, папа? — спросил он.

— Твой отец сошел с ума, — спокойно объяснила Элен.

Я взял горсть пыли и посыпал ею стол.

Через мгновение она исчезла. На столе не было ни пятнышка.

— Билл, — сказал я, — отнеси-ка один из этих приборов в гараж.

— Который?

— Любой.

Он унес один из приборов, а я сыпанул еще горсть пыли, и она тоже исчезла.

Билл вернулся, и я послал его с другим прибором.

Это продолжалось довольно долго, и Билл уже начал выражать недовольство. Но наконец я посыпал стол пылью и она не исчезла.

— Билл, — сказал я, — ты помнишь, какую штуку ты выносил последней?

— Конечно.

— Ну, тогда иди и принеси ее обратно.

Он принес ее — и только появился на пороге кабинета, как пыль исчезла.

— Вот оно, — сказал я.

— О чем ты? — спросила Элен.

Я показал на устройство, которое держал Билл.

— Об этом. Выбрось свой пылесос. Сожги тряпки. Закинь куда-нибудь швабру. Достаточно одной такой штуки в доме и...

Она бросилась ко мне в объятия...

— О, Джо!

И мы с ней сплясали джигу.

Затем я сел и стал ругать себя на все корки за то, что связался с Льюисом. Я подумал: а нельзя ли теперь как-нибудь разорвать контракт, раз уж я нашел что-то без его помощи? Но я помнил все эти пункты, которые мы понаписали. Да и что толку — Элен уже побежала в дом напротив рассказать все Мардж.

Я позвонил Льюису, и он мигом примчался.

Мы начали полевые испытания.

В гостиной не было ни пятнышка, потому что Билл прошел через нее с прибором, да и гараж, где прибор оставался ненадолго, тоже был как вылизанный. Хотя мы и не проверяли, но я представляю себе, что на полосе, параллельной дорожке, по которой Билл нес прибор от гаража до двери дома, не осталось ни пылинки.

Мы отнесли прибор вниз и вычистили подвал. Пробрались на задний двор к соседу, где, как мы знали, было много цементной пыли, — и тотчас вся цементная пыль исчезла. Остались одни комочки, но комочки, я полагаю, пылью считать нельзя.

Этого только нам и надо было.

Вернувшись домой, я стал открывать бутылку шотландского виски, которую до того хранил, а Льюис пригнулся за кухонным столом и нарисовал прибор.

Мы выпили, потом пошли в кабинет и положили рисунок на стол. Рисунок исчез, а мы ждали. Через несколько минут появился еще один прибор. Мы подождали еще, но ничего не случилось.

— Надо втолковать ему, что нам надо много приборов, — сказал я.

— Мы никак не сможем это сделать, — сказал Льюис. — Мы не знаем его математических символов, а он не знает наших, и верного способа научить его тоже нет. Он не знает ни единого слова нашего языка, а мы — его.

Мы вернулись в кухню и выпили еще.

Льюис сел и нарисовал поперек листа ряд приборов, а позади набросал верхушки множества других, так что казалось, будто приборов сотни.

Мы послали листок.

Пришло пятнадцать приборов — ровно столько, сколько было нарисовано в первом ряду.

Коммерсант явно не имел никакого представления о перспективе. Черточки, которыми Льюис обозначил другие приборы, стоящие за первым рядом, для него ничего не значили.

Мы вернулись в кухню и выпили еще.

— Нам нужны тысячи этих штук, — сказал Льюис, хватаясь руками за голову. — Не сидеть же мне здесь целыми сутками, рисуя их.

— Возможно, придется посидеть, — со злорадством сказал я.

— Но ведь должен быть другой выход.

— Почему бы не нарисовать целую кучу их, а потом не заготовить копии на мимеографе? — предложил я. — Копии можно посылать ему пачками.

Не хотелось мне говорить это, так как я уже увлекся мыслью, что засажу Льюиса куда-нибудь в угол, и он будет приговорен к пожизненному заключению и рисованию одного и того же снова и снова.

— Может быть, что-нибудь из этого и получится, — сказал возмущительно обрадовавшийся Льюис. — И так просто...

— Скажите лучше — дельно, — отрезал я. — Если бы это было просто, вы бы сами придумали.

— Меня такие частности не интересуют.

— А надо бы!..

Мы успокоились только тогда, когда прикончили бутылку.

На следующий день мы купили мимеограф, и Льюис нарисовал трафарет с двадцатью пятью приборами. Мы отпечатали сотню листов и положили их на стол.

Все вышло, как было задумано, и несколько часов мы занимались тем, что убирали со стола приборы, хлынувшие потоком.

По правде говоря, у нас из головы не шла мысль о том, что захочет получить Коммерсант в обмен на свои пылесосы. Но в ту минуту мы были взволнованы и совсем забыли, что это коммерческая сделка, а не дар.

На следующий день вернулись обратно все мимеографические листки, и на обороте каждого Коммерсант нарисовал по двадцать пять зебр-брелоков.

И тут мы оказались перед необходимостью срочно достать две с половиной тысячи этих дурацких зебр.

Я бросился в магазин, где был куплен браслет с таким брелоком, но у них в запасе было всего штук двадцать. В магазине сказали, что, наверно, не смогут

заказать еще одну партию. Производство, сказали, прекращено.

Название компании, которая выпускала их, было отштамповано на внутренней стороне браслета, и, едва добравшись до дому, я заказал междугородный разговор.

В конце концов я добрался до заведующего производством.

— Вы знаете браслеты, которые выпускаются у вас?

— Мы выпускаем миллионы браслетов. О каком вы говорите?

— О том, что с зеброй.

Он задумался на мгновение.

— Да, выпускали такой. Совсем недавно. Больше не выпускаем. В нашем деле...

— Мне нужно по меньшей мере две с половиной тысячи штук.

— Две с половиной тысячи браслетов?

— Нет, только зебр.

— Слушайте, вы не шутите?

— Не шучу, мистер, — сказал я. — Мне нужны зебры. Я заплачу за них.

— На складе нет ни одной.

— Вы могли бы их изготовить?

— Две с половиной тысячи не сможем. Слишком мало для специального заказа. Тысяч пятьдесят — это еще разговор.

— Ладно, — сказал я. — Сколько будет стоить пятьдесят тысяч?

Он назвал сумму, и мы немного поторговались, но я был не в состоянии долго торговаться. В конце концов мы сошлись на цене, которая, по-моему, была слишком высока, если учесть, что весь браслет с зеброй и прочими висюльками в розничной торговле стоил всего 39 центов.

— И не закрывайте заказа, — сказал я. — Может потребоваться новая партия зебр.

— Ладно, — сказал он. — Погодите... позвольте задать вопрос, а для чего вам пятьдесят тысяч зебр?

— Не позволю, — сказал я и повесил трубку.

Наверно, он подумал, что у меня шариков не хватает, но мне было наплевать на то, что он думает.

До прибытия пятидесяти тысяч зебр прошло десять дней, и покоя мне не было ни минуты. А потом, когда они прибыли, надо было найти помещение, потому что, к вашему сведению, пятьдесят тысяч зебр, даже если они брелоки к браслетам, занимают много места.

Но прежде всего я взял две с половиной тысячи и послал их через стол.

За десять дней, прошедших со времени получения пылесосов, мы ничего не посылали, а Коммерсант ничем не выражал своего нетерпения. Я бы нисколько не удивился, если бы он, например, прислал нам свой эквивалент — бомбы, для того чтобы выразить свое разочарование по поводу медленной доставки заказанных им зебр. Мне часто приходило в голову: а что он думает по поводу задержки, не подозревает ли нас в том, что мы его обманули?

Все это время я без конца курил и грыз ногти, а Льюис, как мне казалось, был озабочен не меньше моего, выискивая возможности сбыта пылесосов.

Когда я упомянул об этом, он смущенно посмотрел на меня.

— Видите ли, Джо, меня очень тревожит одна вещь.

— Нам теперь беспокоиться не о чем, — сказал я, — кроме сбыта пылесосов.

— Но ведь пыль должна же куда-нибудь деваться, — раздраженно проговорил он.

— Пыль?

— Да, пыль, которую собирают эти штуки. Помните, как исчезла целая куча цемента? И я хочу знать, куда она делась. В приборе цемент поместиться не мог. В него не войдет даже недельная залежь пыли из дома средних размеров. Куда все это девается — вот что меня тревожит.

— А мне все равно куда. Лишь бы девалась.

— Деляческий подход, — сказал он презрительно.

Узнав, что Льюис палец о палец не ударил, чтобы обеспечить сбыт, я взялся за это дело сам.

Но передо мной встали те же препятствия, что и при попытке наладить сбыт приборов, измеряющих эмоции.

Пылесос не был запатентован и не имел фабричной марки. На нем не было красивой таблички с именем фабриканта. И я ничего не мог сказать, когда меня спрашивали, как он работает.

Один оптовик согласился взять партию за такую мизерную цену, что я рассмеялся ему в лицо.

В тот вечер мы с Льюисом сидели за столом на кухне и пили пиво. Настроение у нас было не слишком лучезарное. Я предчувствовал тьму неприятностей со сбытом пылесосов. Льюис, по-видимому, все еще тревожился о том, куда девается пыль.

Он разобрал пылесос и узнал только одно: внутри действует какое-то слабое силовое поле... Слабое-то оно слабое, а все электрические цепи в лаборатории и все их чудесные измерительные приборы словно с ума посходили. Льюис сразу сообразил, к чему идет дело, и побыстрее захлопнул крышку пылесоса, так что все обошлось. Оказывается, кожух пылесоса экранировал силовое поле.

— Пыль, по-видимому, вышвыривается в другое измерение, — сказал Льюис; своим видом он напомнил мне гончую, потерявшую след енота.

— А может, и нет. Может, она возносится вверх в виде пыльного облака, вроде тех, что виднеются далеко в космосе.

Льюис покачал головой.

— Не хотите ли вы сказать, — продолжал я, — что Коммерсант такой дурак, что продал нам прибор, который швыряет ему пыль в лицо.

— Вы ничего не поняли. Коммерсант действует из другого измерения. Иначе и быть не может. Но если есть два измерения — его и наше, — то, возможно, есть и другие. Коммерсант, по-видимому, пользовался этими пылесосами сам — не для той цели, для которой собираемся использовать их мы, но, наверно, он тоже отделяется от чего-то ненужного. А следовательно, то, от чего он отделяется, выбрасывается не в его измерение, а в другое.

Мы выпили еще пива, и я стал ломать себе голову над этим делом с разными измерениями. И никак не мог сообразить, что к чему. Наверно, Льюис был прав, когда говорил, что у меня деловой подход. Разве можно поверить в другое измерение, если его нельзя увидеть, потрогать и даже представить себе? Я на такое не способен.

Поэтому я снова заговорил о сбыте пылесосов, и в тот же вечер мы порешили, что нам остается только торговать ими вразнос. Мы даже установили цену — двенадцать долларов пятьдесят центов. Зебры нам обходились по четыре цента каждая, своим коммивояжерам мы собирались платить десять процентов комиссионных, и от продажи каждого пылесоса нам оставалось 11 долларов 21 цент чистой прибыли.

Я поместил в газете объявление о пайме коммивояжеров, и на следующий день явилось несколько человек. Мы отправили их в пробный рейс.

Пылесосы расхватывали, как горячие пирожки, и мы поняли, что наше дело выгорело!

Я ушел с работы и занялся торговлей, а Льюис вернулся в лабораторию и принялся за гору того хлама, который мы получили от Коммерсанта.

Когда проводишь массовую распродажу, хлопот бывает полон рот. Надо распределять районы между коммивояжерами, получать разрешения в торговой инспекции, брать на поруки своих людей, если их сажают в кутузку за нарушение какого-нибудь постановления, принятого властями забытой богом деревеньки. Вы себе не представляете, сколько тут всяких беспокойств.

Но месяца через два дела пошли в гору. Мы наладили торговлю в своем штате и стали создавать отделения в других штатах. Я заказал дополнительно пятьдесят тысяч зебр и пообещал заказать еще. На моем письменном столе кипела работа. В конце концов я дошел до того, что нанял трех человек, которые работали посменно круглые сутки, и платил им большие деньги, чтоб держали язык за зубами. Восемь часов мы посылали зебр, затем восемь часов убирали со стола пылесосы, следующие восемь часов снова клали на стол зебр...

Если Коммерсанту и было тошно от того, что происходило, он этого не показывал. Его, видно, вполне устраивал такой обмен.

Соседи сперва сгорали от любопытства и нервничали, но потом привыкли. Если бы я мог переехать в какое-нибудь другое место, я бы так и сделал, потому

что дом был теперь больше похож на учреждение и семейной жизни у нас, в сущности, не стало. Но поскольку нам не хотелось терять наш бизнес, мы вынуждены были сидеть на месте, так как контакт с Коммерсантом мог осуществляться только здесь.

Деньги текли к нам рекой, и все финансы я передал в ведение Элен с Мардж. Сборщики подоходного налога задали нам жару за то, что мы не указывали производственных расходов, но, так как мы не собирались спорить и платили, что положено, они ничего не могли поделать.

Льюис в своей лаборатории вымотал себя так, что превратился в щепку, но не нашел ничего такого, что бы мы могли использовать.

И по-прежнему время от времени тревожился о том, куда же девается вся пыль. И, наверно, впервые в жизни он оказался прав.

Однажды, года через два после того, как мы начали продавать пылесосы, я возвращался из банка, где улаживал всякие финансовые дела, которые Элен с Мардж запутали до невозможности. Только я свернул на дорожку, ведущую к дому, как из него вылетела Элен. Она была покрыта пылью, все лицо в грязных полосах, сроду не видал такой замарашки.

— Сделай что-нибудь с этим, Джо! — закричала она.

— С чем?

— С пылью! Она валит в дом!

— Откуда?

— Отовсюду!

Тут я увидел, что Элен растворила все окна и из них столбом валит пыль. Я выскочил из машины и

посмотрел, что делается на улице. Во всех домах квартала окна были открыты, из них клубами валила пыль, всюду сновали злые, визжащие женщины.

— Где Билл? — спросил я.

— За домом.

Завернув за угол, я крикнул Билла, и он тут же примчался.

Из дома напротив пришла Мардж. Она расшвыряла от этой пыли еще почище Элен.

— Садитесь в машину, — сказал я.

— Куда мы поедем? — спросила Мардж.

— За Льюисом.

Наверно, по моему тону они поняли, что я шутить не намерен, и забились в машину. Я повел ее на полной скорости.

Дома, заводы, магазины, купившие у нас пылесосы, извергали столько пыли, что не видно было ни черта.

Чтобы добраться до кабинета Льюиса, мне пришлось проложить себе путь через двухфутный слой пыли, лежавший на полу лаборатории. Прикрыв нос платком, я едва спасся от удушья.

В машине мы вытерли лица и отхаркали пыль, забившую глотки. Только тут я увидел, что Льюис втрое бледнее обычного, впрочем, по правде сказать, он всегда был бледной немочью.

— Это все натворили существа из того, третьего, измерения, — испуганно проговорил он. — Из того места, куда мы отправляли всю пыль. Им чертовски надоело, что она валится на них. Они сообразили, что надо делать, и теперь качают ее обратно.

— Успокойтесь. Может, это вовсе и не из-за наших пылесосов.

— Я проверил, Джо. Из-за наших. Пыль валит во всех тех местах, где есть наши пылесосы. И ниоткуда больше.

— Значит, нам остается только отправить ее обратно.

Льюис покачал головой.

— Не выйдет. Пылесос работает теперь только в одну сторону — от них к нам. — Он закашлялся и посмотрел на меня безумными глазами. — Подумайте только! Два миллиона этих приборов собирали пыль в двух миллионах домов, магазинов, заводов... некоторые из них функционировали целых два года! Джо, как нам теперь быть?

— Спрячемся где-нибудь, пока это все не... гм, не развеется.

Имея мерзкую склонность к сутяжничеству, он, верно, тогда еще предвидел, что на нас обрушатся бесчисленные судебные иски. Лично я больше боялся, что разъяренные женщины устроят над нами самосуд.

Но теперь все это в прошлом. Мы прятались, пока люди немного не успокоились и не стали требовать своих денег обратно через суд. У нас было много денег, и мы смогли заплатить большинству из них. С нас еще должны взыскать несколько сот тысяч. Но мы можем расплатиться довольно быстро, если нападем на что-нибудь столь же доходное, как сбыт пылесосов.

Льюис упорно трудится над этим, но ему пока не везет. Да и Коммерсант наш исчез. Как только мы осмелились вернуться домой, я тотчас отправился в кабинет и взглянул на стол. Пятно исчезло. Я пытался класть всякие предметы на то место, где оно прежде было, но ничего из этого не получилось.

Что спугнуло Коммерсанта? Много бы я отдал, чтобы знать. Впрочем, кое-какие коммерческие перспективы у нас есть.

Возьмите, например, розовые очки, которые мы называем очками счастья. Наденьте их — и будете рады-радешеньки. Почти всякий человек на земле хотел бы иметь такие, чтобы на время забывать о заботах. С таким бизнесом мы бы, наверно, разорили всех торговцев спиртным.

Беда только в том, что мы не знаем, как их делать, а Коммерсант исчез. Теперь мы не можем добывать их.

Но одно меня продолжает тревожить. Я понимаю, беспокоиться не стоит, но все равно это дело никак не идет из головы.

Ну, что сделал этот Коммерсант с теми двумя миллионами зебр, которые мы послали ему?

ОПЕРАЦИЯ «ВОНЮЧКА»

Я сидел на заднем крыльце своей лачуги, держал в правой руке бутылку, в левой — ружье и поджидал реактивный самолет, как вдруг за углом хижины подозрительно оживились собаки.

Я наспех отхлебнул из бутылки и неловко поднялся на ноги. Схватил метлу и обошел вокруг дома.

По тьякпью я понял, что собаки загнали в угол скунса*, а у скунсов и так от реактивных самолетов поджилки трясутся, нечего им докучать без нужды.

Я перешагнул через изгородь там, где она совсем завалилась, и выглянул из-за угла хижины. Уже смеркалось, но я разглядел, что три собаки кружат у зарослей сирени, а четвертая, судя по треску, продирается прямо сквозь кусты. Я знал, что, если сразу не положу этому конец, через минуту нечем будет дышать — скунс есть скунс.

Я хотел подобраться к собакам незаметно, но то и дело спотыкался о ржавые консервные банки и пустые бутылки и тут же дал себе слово, что утром расчищу весь двор. Я и раньше часто собирался, да как-то руки не доходили.

Я поднял такой шум, что все собаки удрали, кроме одной, — та завязла в кустах. Я хорошенько примесился и с удовольствием огрел ее метлой. Надо было видеть, как она оттуда выскочила, — тощая такая

* Скунс — североамериканский пушной зверек, который при нападении на него выделяет зловонную жидкость, вызывающую у человека головокружение и тошноту. — *Прим. перев.*

собака, шкура на ней обвисла, того и гляди, собака из нее выпрыгнет.

Собака взвыла, зарычала, вылетела, как пробка из бутылки, и метнулась мне прямо под ноги. Я пытался устоять, но наступил на пустую бутылку и постыдно шлепнулся на землю. Я так расшибся, что света божьего не взвидел, а потом никак не мог прийти в себя и подняться на ноги.

Пока я приходил в себя, из-под сиреневого куста вынырнул скунс и направился прямо ко мне. Я стал отгонять его, но он никак не отгонялся. Он завилял хвостом, словно встретил родную душу, подошел вплотную и с громким мурлыканьем стал о меня тереться.

Я и пальцем не двинул. Даже глазом не моргнул. Рассудил, что если я не шелохнусь, то скунс, может, и отстанет. Вот уже три года у меня под хужиной жили скунсы, и мы с ними отлично ладили, но никогда не были, что называется, на короткой ноге. Я их не трогал, они меня не трогали, и все были довольны.

А этой веселой зверюшке, как видно, втемяшилось в голову, что я ей друг. Может, скунса распирало от благодарности за то, что я отогнал собак.

Он обошел вокруг меня, потыкался мордой, потом вскарабкался ко мне на грудь и заглянул в лицо. И без устали мурлыкал с таким азартом, что весь дрожал.

Так он стоял на задних лапках, упершись мне в грудь передними, заглядывал мне в лицо и мурлыкал — то тихо, то громко, то быстро, то медленно. А сам на-вострил уши, будто ожидал, что я замурлычу в ответ, и все время дружелюбно вилял хвостом.

В конце концов я протянул руку (очень осторожно) и погладил скунса по голове, а он как будто не возра-

жал. Так мы пролежали довольно долго — я его гладил, а он мурлыкал.

Потом я отважился стряхнуть его с себя.

После двух или трех неудачных попыток я кое-как поднялся с земли и пошел к крыльцу, а сундук тащился за мной по пятам.

Я опять сел на крыльцо, взял бутылку и как следует приложился к ней; это было самое умное, что можно сделать после стольких тревожений. А пока я пил из горлышка, из-за деревьев выскользнул реактивный самолет, свечкой взмыл над моим участком, и все кругом подпрыгнуло на метр-другой.

Я выронил бутылку и схватил ружье, но самолет скрылся из виду, прежде чем я успел взвести курок.

Я отложил ружье и как следует выругался.

Только позавчера я предупреждал полковника — и вовсе не в шутку, — что, если реактивный самолет еще раз пролетит так низко над моей хижинкой, я его обстреляю.

— Безобразие, — говорил я полковнику. — Человек строит себе хижину, живет тихо-мирно, ни к кому не пристаёт. Так нет, правительству непременно надо устроить воздушную базу именно в двух милях от его дома. Какой может быть мир и покой, когда чертовы реактивные самолеты чуть не цепляют за дымовую трубу?

Вообще-то полковник разговаривал со мной вежливо. Он напомнил мне, как необходимы нам воздушные базы, как наша жизнь зависит от самолетов, которые там размещены, и как он, полковник, старается наладить маршруты вылетов так, чтобы не тревожить мирное население окрестностей.

Я сказал, что реактивные самолеты вспугивают сунсков, и он не стал смеяться, а даже посочувствовал

и вспомнил, как в Техасе еще мальчишкой ставил на скунсов капканы. Я объяснил, что не промышляю ловлей скунсов, что я, можно сказать, живу с ними под одной крышей, что я к ним искренне привязан, по ночам не сплю и слушаю, как они шныряют взад и вперед под хижинкой, а когда слышу это, то чувствую, что я не одинок, что делю свой кров с другими тварями божьими.

Но тем не менее он не обещал, что реактивные самолеты больше не будут сновать над моим жильем, и тут-то я пригрозил обстрелять первый же самолет, который увижу у себя над головой. Тогда полковник вытащил из письменного стола какую-то книгу и прочитал мне вслух, что стрельба по воздушным кораблям — дело незаконное. Но я ничуть не испугался.

И надо же такому случиться! Я сижу в засаде, мимо проходит реактивный самолет, а я прохлаждаюсь с бутылкой.

Я перестал ругаться, как только вспомнил о бутылке, и тут же услышал бульканье. Она закатилась под крыльцо, я не сразу нашел ее и чуть с ума не сошел, услышав, как она булькает.

Я лег на живот, дотянулся до того места под ступеньками, куда закатилась бутылка, и наконец поднял ее, но она уже добулькалась досуха. Я швырнул ее во двор и, вконец расстроенный, опустил на ступеньки.

Тут из темноты вынырнул скунс, взобрался вверх по ступенькам и уселся рядом со мной. Я протянул руку, погладил его, и он в ответ замурлыкал. Я перестал горевать о бутылке.

— А ты, право, занятный зверь, — сказал я. — Что-то я не слышал, чтобы скунсы мурлыкали.

Так мы посидели с ним, и я рассказал ему обо всех своих неприятностях с реактивными самолетами, как рассказывает животным человек, когда ему не с кем поделиться, а порой и когда есть с кем.

Я его ни капельки не боялся и думал, как здорово, что наконец-то хоть один скунс со мной подружился. Интересно, теперь, когда лед, так сказать, сломан, может, какой-нибудь скунс переселится из подполья ко мне в комнату?

Затем я подумал: теперь будет о чем порассказать ребятам в кабачке. Но тут же понял, что, как бы я ни клялся и ни божился, никто не поверит ни единому моему слову. Вот я и решил прихватить с собой живое доказательство.

Я взял ласкового скунса на руки и сказал:

— Поехали. Надо показать тебя ребятам.

Я налетел на дерево и запутался в старой проводочной сетке, что валялась на дворе, но кое-как добрался до того места перед домом, где стояла моя Старушка Бетси.

Бетси не была ни самой новой, ни самой лучшей машиной в мире, но зато отличалась верностью, о которой любой мужчина может только мечтать. Мы с ней многое пережили вместе и понимали друг друга с полуслова. У нас было что-то вроде сделки: я мыл ее и кормил, а она доставляла меня куда надо и всегда привозила обратно. Ни один разумный человек не станет требовать большего от автомобиля.

Я похлопал Бетси по крылу и поздоровался с ней, уложил скунса на переднее сиденье и залез в машину сам,

Бетси никак не хотела заводится. Она предпочитала остаться дома. Однако я потолковал с ней по-хорошему, наговорил ей всяких ласковых слов, и наконец, дрожа и фыркая, она завелась.

Я включил сцепление и вывел ее на шоссе.

— Только не разгоняйся, — сказал я ей. — Где-то на этом перегоне автоинспекция ловит злостных нарушителей, так что у нас могут быть неприятности.

Бетси медленно и плавно довезла меня до кабачка, я оставил ее на стоянке, взял скусна под мышку и вошел в зал.

За стойкой работал Чарли, а в зале было полно народу — Джонни Эшленд, Скелет Паттерсон, Джек О'Нийл и еще с полдюжины других.

Я опустил скусна на стойку, и он сразу же двинулся к ребятам, будто ему не терпелось с ними подружиться.

А они как его увидели, так сразу нырнули под табуреты и столы. Чарли схватил бутылку за горлышко и попятился в угол.

— Эйса, — заорал он, — сейчас же убери эту пакость!

— Да ты не волнуйся, — сказал я, — этот клиент не скандальный.

— Скандальный или не скандальный, проваливай отсюда с ним вместе!

— Убери его ко всем чертям! — хором подхватили посетители.

Я на них здорово разозлился. Подумать только, так лезть в бутылку из-за ласкового скусна!

Все же я смекнул, что их не переспоришь, подхватил скусна на руки и отнес к Бетси. Я нашел куль из рогожи, сделал скусну подстилку и велел сидеть на месте, никуда не отлучаться — мол, скоро вернусь.

Задержался я дольше, чем рассчитывал, потому что пришлось рассказывать все подробности, а ребята задавали каверзные вопросы и сыпали шуточками, но никто не дал мне заплатить за выпивку — все подносили наперебой.

Выйдя оттуда, я не сразу увидел Бетси, а увидев, не сразу подошел — пришлось с трудом прокладывать к ней курс. Времени на это ушло порядком, но, поворачивая по ветру то на один галс, то на другой, я в конце концов подобрался к ней вплотную.

Я с трудом попал внутрь, потому что дверца открывалась не так, как обычно, а войдя, не мог отыскать ключ. Наконец я все-таки нашел его, но тут же уронил на пол, а когда нагнулся, то растянулся ничком на сиденье. Там было страшно удобно, и я решил, что вставать вовсе глупо. Переночую здесь, и дело с концом!

Пока я лежал, у Бетси завелся мотор. Ха! Бетси надулась и хочет вернуться домой самовольно. Вот какая у меня машина! Ну чем не жена?

Она дала задний ход, развернулась и направилась к шоссе. У самого шоссе остановилась, поглядела, нет ли там движения, и выехала на магистраль, направляясь прямехонько домой.

Я несколько не тревожился. Знал, что могу положить на Бетси. Мы с ней многое пережили вместе, и она была умницей, хотя прежде никогда не ходила домой самостоятельно.

Лежал я и удивлялся, как она раньше до этого не додумалась.

Нет на свете машины, которая ближе человеку, чем автомобиль. Человек начинает понимать свой автомобиль, а автомобиль приучается понимать человека, и со временем между ними возникает настоящая привязанность. Вот мне и показалось совершенно естественным,

что настанет день, когда машине можно будет доверять точно так же, как лошади или собаке, и что хорошая машина должна быть такой же верной и преданной, как собака или лошадь.

Так я размышлял, и настроение у меня было отличное, а Бетси тем временем свернула с шоссе на проселок.

Но только мы остановились у моей лачуги, как позади раздался визг тормозов; я услышал, как открылась дверца чужого автомобиля и кто-то выпрыгнул на гравий.

Я попытался встать, но чуть замешкался, и этот кто-то рывком открыл дверцу, просунул руку, сгреб меня за шиворот и выволок из машины.

На неизвестном была форма государственного дорожного инспектора, второй инспектор стоял чуть подале, а рядом с ним торчал полицейский автомобиль с красной мигалкой. Я просто диву дался, как это не заметил, что они за нами гонятся, но тут же вспомнил, что всю дорогу лежал пластом.

— Кто вел машину? — рявкнул тот фараон, что держал меня за шиворот.

Не успел я рта раскрыть, как второй фараон заглянул в Бетси и проворно отскочил шагов на десять.

— Слейд! — взвыл он. — Там внутри скунс!

— Не хочешь ли ты сказать, что скунс сидел за рулем? — осведомился Слейд.

Второй возразил:

— Скунс по крайней мере трезв.

— Оставьте-ка скунса в покое, — сказал я им. — Это мой друг. Он никому не причинил зла.

Я шарахнулся в сторону, рука Слейда выпустила мой воротник, и я метнулся к Бетси. Я ударился

грудью о сиденье, вцепился в руль и попытался втиснуться внутрь.

Внезапно взревев, Бетси сама завелась, из-под ее колес вылетел гравий и пулеметной очередью ударил в полицейский автомобиль. Бетси устремилась вперед и, пробив изгородь, вырвалась на шоссе. Она со всего размаха врезалась в заросли сирени, я вывалился на ходу, а она понеслась дальше.

Я лежал, увязнув в кустах сирени, и следил, как Бетси выходит на большую дорогу. «Она старалась, как могла, — утешал я сам себя. — Она пыталась выручить меня, и не ее вина, что я не усидел за рулем. А теперь ей надо сматываться. И у нее это, видно, неплохо выходит. А ревет-то как — словно внутри у нее двигатель от линкора».

Инспекторы вскочили в автомобиль и пустились в погоню, а я стал соображать, как бы выпутаться из сирени.

В конце концов я оттуда выбрался, подошел к парадному крыльцу хижины и уселся на ступеньках. Тут вспомнил про изгородь и решил, что чинить ее все равно не стоит — проще пустить на растопку.

За Бетси я не очень беспокоился. Я был уверен, что она не даст себя в обиду.

В этом-то я был прав, потому что немного погодя автоинспекторы вернулись и поставили свою машину на подъездной дорожке. Они заметили, что я сижу на ступеньках, и подошли ко мне.

— А где Бетси? — спросил я.

— Бетси? А фамилия? — ответил Слейд вопросом на вопрос.

— Бетси — это машина, — пояснил я.

Слейд выругался,

— Удрала. Идет с незажженными фарами, делает сто миль в час. Я не я, если она ни во что не вредится.

На это я только головой покачал.

— С Бетси ничего такого не случится. Она знает все дороги на пятьдесят миль в окружности.

Слейд решил, что я над ним просто насмехаюсь. Он схватил меня и, встряхнув для острстки, поднял на ноги.

— Ты за это ответишь. — Он толкнул меня к другому инспектору, а тот поймал меня на лету. — Кидай его на заднее сиденье, Эрни, и поехали.

Похоже было, что Эрни не так бесится, как Слейд. Он сказал:

— Сюда, папаша.

Втащив меня в машину, они больше не желали со мной знаться. Я ехал с Эрни на заднем сиденье, а Слейд сидел за рулем. Не проехали мы и мили, как я задремал.

Когда я проснулся, мы как раз въезжали на стоянку у полицейского управления. Я вылез из машины и хотел было пойти сам, но они подхватили меня с двух сторон и поволокли силком.

Мы вошли в помещение вроде кабинета, с письменным столом, стульями и скамьей. За столом сидел какой-то человек.

— Что там у вас? — спросил он.

— Будь я проклят, если сам знаю, — ответил Слейд, злой как черт. — Боюсь, вы нам не поверите, капитан.

Эрни подвел меня к стулу и усадил.

— Пойду принесу тебе кофе, папаша. Нам надо с тобой потолковать. Желательно, чтобы ты протрезвел.

Я подумал, что с его стороны это очень мило.

Я вволю напился кофе, в глазах прояснилось, и всё кругом перестало плясать и двоиться — я имею в виду мебель. Хуже было, когда я принялся соображать. То, что прежде само собой разумелось, теперь показалось очень странным. Например, как это Бетси сама отпратилась домой.

В конце концов меня подвели к столу, и капитан засыпал меня вопросами о том, кто я такой, когда родился и где проживаю, но постепенно мы подошли к тому, что было у них на уме.

Я не стал ничего скрывать. Рассказал о реактивных самолетах, о скусках и о своем разговоре с полковником. Рассказал о собаках, о ласковом скуксе и о том, как Бетси разбиделась и пошла домой самовольно.

— Скажите-ка, мистер Бейлз, — спросил капитан, — вы не механик? Я знаю, вы говорили, что работаете поденно и перебиваетесь случайным заработком. Но я хочу выяснить, может, вы со своей машиной что-нибудь намудрили?

— Капитан, — ответил я честно, — да я не знаю, с какого конца берутся за гаечный ключ.

— Вы, значит, никогда не работали над своей Бетси?

— Просто ухаживал за ней на совесть.

— А кто-нибудь еще над ней работал?

— Да я бы к ней никого и на пушечный выстрел не подпустил.

— В таком случае не можете ли вы объяснить, как это машина движется сама по себе?

— Нет, сэр. Но ведь Бетси умница...

— Вы точно помните, что не сидели за рулем?

— Конечно, нет. Мне казалось нормальным, что Бетси сама везет меня домой.

Капитан в сердцах швырнул на стол карандаш.

— Сдаюсь!

Он встал из-за стола.

— Пойду сварю еще кофе, — сказал он Слейду. — Может быть, у вас лучше получится.

— Еще одно, — обратился Эрни к Слейду, когда капитан хлопнул дверью. — Этот скунс...

— При чем тут скунс?

— Скунсы не виляют хвостом, — заявил Эрни. — И не мурлыкают.

— Этот скунс проделывал то и другое, — саркастически заметил Слейд. — Это был особенный скунс. Не скунс, а диво — хвост колечком. Кстати, скунс действительно ни при чем. Его только прокатили.

— Не найдется ли у вас рюмашечки, а? — спросил я. Мне было здорово не по себе.

— Конечно, — ответил Эрни. Он подошел к шкафчику в углу и вынул оттуда бутылку.

Через окно я увидел, что восток начал светлеть. Скоро рассвет.

Зазвонил телефон. Слейд снял трубку.

Эрни подал мне знак, и я подошел к нему, вернее, к шкафчику. Эрни вручил мне бутылку.

— Только не увлекайся, папаша, — посоветовал он. — Ты ведь не хочешь снова перебраться, правда?

Я и не увлекался. Высосал стакана полтора, и все. Слейд заорал:

— Эй!

— Что случилось? — спросил Эрни. Он отнял у меня бутылку — не то чтобы силой, но вроде того.

— Какой-то фермер обнаружил машину, — сказал Слейд. — Она обстреляла его собаку.

— Она... что собаку? — с запинкой переспросил Эрни.

— Так утверждает этот малый. Он выгнал коров. Было раннее утро. Он собирался на рыбалку и хотел заблаговременно сделать кое-что по хозяйству. В конце узкого тупичка, между тремя изгородами, он увидел машину и решил, что ее здесь бросили.

— А что там насчет стрельбы?

— Вот слушай. Собака подбежала к машине и облаяла ее. И вдруг из машины вырвалась большая искра. Пса сбило с ног. Он встал и давай удирать. Машина пустила вдогонку ему вторую искру. Угодила псу прямо в ногу. Этот малый говорит, что у пса вскочили волдыри.

Слейд взял курс на дверь.

— Ну, вы там, поторапливайтесь!

— Ты нам, может, понадобится, папаша, — сказал Эрни.

Мы выбежали на улицу и прыгнули в машину.

— Где находится эта ферма? — спросил Эрни.

— Западнее воздушной базы, — ответил Слейд.

Фермер поджидал нас на лавочке у ворот скотного двора. Когда Слейд затормозил, он вскочил на ноги.

— Машина еще там, — доложил он. — Я с нее глаз не спускаю. Оттуда никто не выходил.

— А она не может оттуда выбраться другим путем?

— Никак. Кругом леса да поля. Это тупик.

Слейд удовлетворенно хмыкнул. Он отвел полицейскую машину к началу проулка и развернул ее, надежно перегородив проезд.

— Отсюда пройдем на своих двоих, — заявил он.

— Сразу за тем вон поворотом, — показал фермер. Мы зашли за поворот и увидели, что там стоит Бетси.

— Это моя машина, — сказал я.

— Давайте рассредоточимся, — предложил Слейд. — С нее станется и нас обстрелять.

Он расстегнул кобур у пистолета.

— Не вздумайте палить по моей машине, — предупредил я, но он и бровью не повел.

Мы все четверо рассредоточились и стали подкрадываться к Бетси. Чудно было, что мы ведем себя, будто она нам враг и надо захватить ее врасплох.

Вид у нее был такой же, как всегда, — обыкновенная развалюшка дешевой марки, но очень умная и очень преданная. И я все вспоминал: куда она только меня не возила, а ведь всегда привозила домой.

И вдруг она нас атаковала. Стояла-то она носом к тупику, и ей пришлось дать задний ход, но это не помешало ей напасть на нас.

Она слегка подпрыгнула и покатила к нам полным ходом, с каждой секундой все увеличивая скорость, и я увидел, что Слейд выхватил пистолет.

Я выскочил на середину проулка и замахал руками. Не доверял я этому Слейду. Я боялся, что, если Бетси не подчинится, он изрешетит ее пулями.

А Бетси и не собиралась останавливаться. Она двигалась на нас, и притом гораздо быстрее, чем положено такой старой колыхаге.

— С дороги, кретин! — завопил Эрни. — Она тебя сшибет!

Я отскочил в сторону, но при этом не больно старался. Я подумал: «Если уж до того дошло, что Бетси

хочет спшибить меня, то стоит ли тогда жить на свете?»

Я споткнулся и растянулся ничком, но, падая, заметил, что Бетси оторвалась от земли, точно собиралась через меня перепрыгнуть. И сразу смекнул, что уж мне-то ничего не угрожает — у Бетси и в мыслях не было наехать на меня.

А Бетси поплыла прямиком в небо; колеса у нее все еще крутились, будто она взбиралась задним ходом на невидимый крутой холм.

Я перевернулся на спину, сел и давай глядеть на нее, а поглядеть было на что, это уж поверьте. Она летела точь-в-точь как самолет. Я просто черт знает как гордился ею.

Слейд стоял разинув рот, опустив руку с пистолетом. Ему и в голову не пришло стрелять. Скорее всего, он вообще забыл, что у него есть пистолет.

Бетси взмыла над верхушками деревьев и вся засияла, засверкала под солнцем — двух недель не прошло с тех пор, как я ее драил, — и я подумал, до чего же это здорово, что она научилась летать.

Тут я увидел реактивный самолет и хотел крикнуть Бетси, чтоб побереглась, но во рту у меня пересохло, будто туда квасцов насыпали, — я онемел.

Наверное, все это длилось с секунду, но мне казалось, будто они летят уже целую вечность, — в небе повисла Бетси и повис самолет, и я знал, что катастрофы не миновать.

Потом по всему небу разлетелись куски металла, а реактивный самолет задымился и пошел на посадку влево, в сторону кукурузного поля.

Я сидел посреди дороги — руки-ноги стали прямоватные — и глаз не сводил с кусков, которые еще

недавно были моей Бетси. У меня на душе кошки скребли. Сердце кровью обливалось от такого зрелища.

Обломки машины с грохотом падали на землю, но один кусок спускался не так стремительно, как остальные. Он как будто планировал.

Я все следил за ним и недоумевал, с чего это он планирует, когда остальные куски давно упали, и вдруг заметил, что это крыло машины и что оно болтается вверх-вниз, словно тоже хочет упасть, но кто-то ему мешают.

Крыло спланировало на землю у опушки леса. Оно легко опустилось, покачалось и осело на бок. А когда оно оседало, из него что-то выскочило. Это «что-то» встряхнулось и вприпрыжку умчалось в лес.

Ласковый скунс!

К этому времени все метались как угорелые. Эрн бежал к фермерскому дому — звонить на воздушную базу насчет самолета, а Слейд с фермером мчались на кукурузное поле, где самолет пропахал в кукурузе такую межу, что там прошел бы и танковый дивизион.

Я встал и подошел к тому месту, где, как я приметил, упали куски. Кое-что я нашел — фару (даже стекло на ней не разбилось), искореженное и перекрученное колесо, металлическую решетку с радиатора. Я понимал, что это все без толку. Никто уж никогда не соберет Бетси заново.

И вот стоял я с куском хромированного металла в руке и думал о том, как славно мы с Бетси, бывало, проводили время, — как она возила меня в кабачок и терпеливо дожидалась, когда мне захочется домой, и как мы уезжали на рыбалку и вдвоем съедали там походный ужин, и как осенью подавались к северу охотиться на оленей.

Пока я там стоял, с кукурузного поля вернулись Слейд и фермер, а между ними плелся летчик. У него был очумелый вид, ноги подгибались, и он просто висел на своих спутниках. Глаза у него остекленели, язык заплетался.

Дойдя до проулка, они перестали поддерживать летчика, и тот тяжело опустился наземь.

— Какого черта, — только и спросил он, — неужто стали выпускать летающие автомобили?

Никто ему не ответил. Зато Слейд накинулся на меня:

— Эй, папаша! Оставь в покое обломки! Не смей к ним прикасаться!

— У меня есть полное право к ним прикасаться, — возразил я. — Это моя машина.

— Ничего не трогай! Здесь что-то нечисто. Эта рухлядь, возможно, покажет, в чем дело, если к ней никто не сунется раньше времени.

Бросил я решетку от радиатора и вернулся в проулоч.

Мы все четверо расселись рядом и стали ждать. Летчик, видимо, пришел в себя. Ему рассекло кожу над глазом, и на лице запеклась кровь, но в общем-то он был целехонек. Даже попросил сигарету, и Слейд дал ему закурить и поднес огонек.

Мы услышали, как в начале проулка Эрни задним ходом вывел полицейскую машину из тупичка. Вскорости он подошел к нам.

— Сейчас будут.

Он сел рядом с нами. О том, что произошло, мы и словом не обмолвились. По-моему, все боялись об этом говорить.

Не прошло и четверти часа, как нагрянула вся воздушная база. Сначала появилась санитарная машина;

туда погрузили летчика, и она отъехала, вздымая клубы пыли.

Вслед за санитарной машиной подъехали пожарные, а за ними — джип с самим полковником. За полковничьим потянулись другие джипы — и три-четыре грузовика, и все машины были битком набиты солдатами. Мы и глазом моргнуть не успели, как они наводнили всю округу.

Полковник сразу побагровел, — видно, расстроился. Оно и понятно. Где это видано, чтобы самолет в воздухе налетал на автомобиль?

Громко топая, полковник подошел к Слейду и орал на него, а Слейд в ответ тоже заорал, и я удивился, с чего это они так взъелись друг на дружку, но оказалось — ничего подобного. Просто такие уж у них голоса, когда они волновались.

Кругом все бегали и сутились и тоже орали, но это продолжалось недолго. Прежде чем полковник и Слейд перестали шуметь, набежало полным-полно солдат и инициатива перешла к военно-воздушным силам.

Окончив разговор со Слейдом, полковник подошел ко мне.

— Итак, машина была ваша, — сказал он таким тоном, будто я во всем виноват.

— Да, моя, и я требую с вас убытки по суду. Машина была первый сорт.

Полковник вперился в меня так, словно хотел убить на месте, и вдруг узнал.

— Постойте-ка, — сказал он. — Это не вы у меня на днях были?

— Точно. Я еще рассказывал вам о своих скунсах. Один из них как раз сидел сейчас в Старушке Бетси.

— Валийте дальше, приятель, — сказал полковник. — До меня что-то туго доходит. Только не травите.

— Старушка Бетси — это машина, — объяснил я, — и в ней сидел скунс. Когда в нее врезался ваш самолет, скунс приземлился на крыле от машины.

— Вы хотите сказать, что скунс... крыло... что...

— Он вроде бы спланировал, — докончил я.

— Капрал, — обратился полковник к Слейду, — что там у него на счету?

— Да только езда в пьяном виде, — ответил Слейд. — Пустяки.

— Я хотел бы взять его с собой на базу.

— Буду вам очень признателен, — неуверенным голосом ответил Слейд.

— В таком случае пошли, — сказал полковник, и я проследовал за ним к джипу.

Мы расположились на заднем сиденье, а машину вел солдат — шпарил как на пожар. Мы с полковником особенно не разговаривали. Мы только зубы стискивали и надеялись, что доберемся живыми. Так по крайней мере было со мной.

Там, на базе, полковник сел за свой письменный стол, знаком приказал мне занять кресло. Потом откинулся на спинку стула и давай меня изучать. Счастье, что ничего плохого я не сделал, иначе под его взглядом я бы, пожалуй, не выдержал и раскололся.

— Вы тут много чего наговорили, — начал полковник. — Устраивайтесь-ка поудобнее и расскажите все с самого начала, не пропуская ни единой мелочи.

Я стал рассказывать ему все как есть и пустился во всякие подробности, чтобы втолковать ему мою точку

зрения, а он ничего, не перебивал, только сидел и слушал. Ни разу еще мне не попадался такой хороший слушатель.

Когда я выложил все до конца, он нашарил на столе блокнот и карандаш.

— Давайте-ка зафиксируем основные выводы, — сказал он. — Вы утверждаете, что раньше машина никогда не совершала самовольных действий?

— Насколько я знаю, не совершала, — ответил я как на духу. — Но, конечно, она могла тренироваться в мое отсутствие.

— И никогда до сих пор не летала?

Я покачал головой.

— А когда она стала проделывать то и другое, в ней находился этот ваш скунс?

— Совершенно верно.

— И вы утверждаете, что после катастрофы скунс спланировал, сидя на крыле машины?

— Крыло перевернулось, а скунс убежал в лес.

— Вам не кажется странным, что крыло планировало, тогда как остальные обломки просто грохнулись оземь?

Я согласился, что это и вправду чудно.

— Теперь о скунсе. Вы утверждаете, что он мурлыкал?

— Еще как! Любо-дорого было слушать!

— И вилял хвостом?

— Прямо как собака.

Полковник отодвинул блокнот и откинулся на спинку стула. Он сложил руки на груди, точно обнял себя за плечи.

— По личному опыту, накопленному в детстве при

ловле скуснсов в капканы, могу вам сообщить, что скуснсы не мурлыкают и никогда не виляют хвостом.

— Я знаю, что у вас на уме, — объявил я, озлившись, — но не так уж я был пьян. Я сделал глоток другой, чтобы скоротать время, покуда появится самолет. Но я видел скусна своими глазами, знаю, что это был именно скусн, и помню, как он мурлыкал. Ласковый был, будто я ему понравился, и он...

— Ну ладно, — сказал полковник. — Ладно.

Сидели мы и смотрели друг на друга. Ни с того ни с сего он ухмыльнулся.

— А знаете, — сказал он, — я вдруг понял, что мне нужен адъютант.

— Желающих нет, — ответил я упрямо. — Вы меня и на четверть мили не подтащите к реактивному самолету. Хоть вяжите по рукам и по ногам.

— Вольнонаемный адъютант. Триста долларов в месяц и полное обеспечение.

— Всю жизнь мечтал толкаться среди военных.

— И выпивки сколько влезет.

— Где надо расписаться? — спросил я.

Вот так-то я и стал адъютантом полковника.

Я подумал, что у него шарик за ролик заехали, да и сейчас так думаю. Для него все сложилось бы куда лучше, если бы он тогда же вышел в отставку. Но он носился со своей идеей и был из числа тех азартных дураков, что играют ва-банк.

Мы с ним уживались как нельзя лучше, но временами кое в чем расходились. Началось все с дурацкого требования, чтобы я не отлучался с базы. Я устроил скандал, но полковник уперся.

— Ты выйдешь за ворота, распустишь слюни и начнешь трепаться, — твердил он. — А мне надо, чтобы ты

прикусил язык и держал его за зубами. Как по-твоему, для чего я тебя взял на службу?

Жилось мне не так уж плохо. Забот и в помине не было. Просто пальцем не шевелил — никакой работы с меня никто не спрашивал. Жратва была сносная, комнату с постелью мне дали, и полковник сдержал слово насчет выпивки.

Несколько суток я полковника вовсе не видел. В один прекрасный день забежал к нему поздороваться. Только я на порог, как входит сержант с пачкой бумаг в руке. И будто сам не свой.

— Вот рапорт о том автомобиле, сэр, — доложил он.

Полковник взял бумаги и перевернул несколько листов.

— Сержант, я ничего не понимаю.

— И я тоже, сэр.

— Ну вот это, например, что? — спросил полковник и ткнул пальцем.

— Вычислительное устройство, сэр.

— В автомобилях не бывает вычислительных устройств.

— Вот именно, сэр, то же и я говорю. Но мы нашли место, где оно было укреплено на моторе.

— Укреплено? Приварено?

— Ну не совсем приварено. Оно вроде бы стало частью мотора. Как будто их отлили вместе. Там не было никаких следов сварки.

— А вы уверены, что это вычислительное устройство?

— Так утверждает Коннели, сэр. Он на вычислительных машинах собаку съел. Однако таких он еще не видывал. Он говорит, что это устройство работает по совершенно иному принципу. И полагает, что он очень толковый. Принцип этот, Он говорит...

— Продолжайте! — гаркнул полковник.

— Он говорит, что по мощности это устройство в тысячу раз превосходит лучшие наши вычислительные машины. Он говорит, будто, даже не обладая буйной фантазией, можно назвать это устройство разумным.

— Что вы понимаете под словом «разумный»?

— Вот Коннели уверяет, что такая штука, возможно, умеет самостоятельно мыслить.

— О господи! — только и выговорил полковник.

Он посидел с минуту, словно о чем-то задумался. Потом перевернул страницу и ткнул в другое место.

— А это другой блок, сэр, — сказал сержант. — Чертеж блока. Что за блок — не известно.

— Не известно!

— Мы никогда ничего подобного не видели, сэр. Мы понятия не имеем, какое у него назначение. Он был связан с трансмиссией, сэр.

— А это?

— Результаты химического анализа бензина. С бензином что-то странное, сэр. Мы нашли бак, весь искореженный и на себя не похожий, но там еще оставался бензин. Он не...

— Но с какой стати вам вздумалось делать анализ?

— Да ведь это не бензин, сэр. Это что-то другое. Раньше был бензин, но он изменился, сэр.

— У вас все, сержант?

Сержанту, как я видел, становилось жарко.

— Нет, сэр, есть еще кое-что. В рапорте все изложено, сэр. Нам удалось найти большую часть обломков, сэр. Отсутствует лишь несколько мелких деталей. В настоящее время мы работаем над сборкой.

— Сборкой...

— Может, вернее назвать это склейкой, сэр...

— Машина не будет ходить?

— Навряд ли, сэр. Ее здорово покалечило. Но если бы ее удалось собрать целиком, это был бы лучший автомобиль в мире. Судя по спидометру, машина прошла 80 000 миль, но состояние такое, будто она только вчера с завода. К тому же она сделана из таких сплавов, что мы просто диву даемся.

Сержант помолчал.

— Осмелюсь доложить, сэр, тут дело нечисто.

— Да, да, — сказал полковник. — Вы свободны, сержант. Еще как нечисто!

Сержант повернулся кругом.

— Минуточку, — окликнул его полковник.

— Есть, сэр.

— Мне очень жаль, сержант, но вам и всему подразделению, прикомандированному к машине, не разрешается покидать территорию базы. Я не могу допустить утечки информации. Сообщите своим людям. Если кто-нибудь пикнет, я с ним живо расправлюсь.

— Есть, сэр, — сказал сержант и вежливо козырнул, но вид у него был такой, словно он сейчас полковнику глотку перережет.

Когда сержант вышел, полковник сказал мне:

— Эйса, если ты что-то знаешь и молчишь, а потом это выплывет наружу и я окажусь в дураках, то я сверну твою тощую шею.

— Чтоб мне провалиться, — сказал я.

Он как-то чудно на меня посмотрел.

— Тебе известно, что это за скунс?

Я покачал головой.

— Это вовсе не скунс, — сказал он. — И мы обязаны выяснить, кто же это.

— Но ведь его здесь нет. Он убежал в лес.

— Его можно поймать.

— Это мы-то вдвоем?

— Зачем вдвоем? На базе две тысячи солдат.

— Но...

— Ты думаешь, им не очень-то по вкусу ловить скунса?

— Примерно так. Может, они и пойдут в лес, но сделают все, чтобы не найти скунса, ни за что не станут ловить.

— Станут как миленькие, если пообещать вознаграждение. Пять тысяч долларов.

Я посмотрел на него так, словно он окончательно спятил.

— Поверь, — сказал полковник, — он того стоит. Всех этих денег, до последнего цента.

Я же говорю, свихнулся человек.

В облаву на скунса я не пошел. Я знал, как мало шансов найти его. К этому времени он мог выбраться за пределы штата или залезть в такую нору, где его и днем с огнем не сыщешь.

Да и ни к чему мне было пять тысяч долларов. Я получал хороший оклад и пил вволю.

На другой день я зашел к полковнику покалякать. У него был крупный разговор с военным врачом.

— Вы обязаны отменить свой приказ! — разорвался костоправ.

— Не могу я его отменить! — орал полковник. — Мне необходимо это животное!

— Вы когда-нибудь видели, чтобы скунсов ловили голыми руками?

— Нет, никогда.

— У меня уже одиннадцать штук, — сказал костоправ. — Больше я не потерплю.

— Капитан, — ответил полковник, — прежде чем все это кончится, у вас будет гораздо больше одиннадцати скунсов.

— Значит, вы не отмените приказ, сэр?

— Нет.

— В таком случае я сам прекращу это безобразие!

— Капитан! — свирепо произнес полковник.

— Вы невменяемы, — заявил костоправ. — Никакой военный трибунал...

— Капитан!

Но капитан ничего не ответил. Он повернулся кругом и вышел.

Полковник взглянул на меня.

— Иной раз приходится тяжело, — сказал он.

Я понял, что надо срочно найти этого скунса, иначе полковника смешают с грязью.

— А все-таки я в толк не возьму, — сказал я, — на кой черт вам сдался этот зверь. Обыкновенный скунс, разве что мурлыкать умеет.

Полковник уселся за стол и стиснул голову руками.

— О господи! — простонал он. — До чего же тупы люди!

— Это-то да, — не отставал я, — но все-таки непонятно...

— Сам посуди, — сказал полковник. — Кто-то копался в твоей машине. Ты утверждаешь, что это не твоя работа. Ты утверждаешь, что не подпустил бы к машине никого другого. Ребята, которые исследовали обломки, заявляют, что в машине есть такие премудрые устройства, до каких у нас еще никто не додумался.

— Если вы думаете, что этот скунс...

Полковник трахнул кулаком по столу.

— Да какой там скунс! Нечто, *похожее* на скунса! Нечто, смыслящее в машинах побольше твоего, моего,

да и вообще больше, чем будет когда-нибудь смыслить человек!

— Но у него и рук-то нет. Как, по-вашему, мог он сотворить то, что вы думаете?

Но он не успел мне ответить.

С треском распахнулась дверь, и ввалились двое солдат из караулки. Им было не до того, чтобы приветствовать полковника по всей форме.

— Господин полковник, — сказал один из них, переводя дух. — Господин полковник, нашли. Даже не пришлось его ловить. Мы свистнули, и он пошел за нами следом.

За ними, виляя хвостом и мурлыча, вошел скунс. Он сразу подбежал ко мне и стал тереться о мои ноги. Когда я наклонился и взял его на руки, он замурлыкал так громко, что я побоялся, не взорвется ли.

— Он самый? — спросил меня полковник.

— Он и есть, — подтвердил я.

Полковник схватил телефонную трубку.

— Соедините меня с Вашингтоном! Пентагон? Мне нужен генерал Сандерс.

И махнул нам рукой.

— Вон отсюда!

— Но, господин полковник, вознаграждение...

— Получите! А теперь уберите!

Вид у него был, как у человека, которому только сейчас объявили, что его не расстреляют на рассвете.

Мы повернулись через правое плечо и вышли из кабинета.

У двери с винтовками в руках топтались четыре субъекта устрашающего вида, типичные техасские гангстеры.

— Ты на нас не обращай внимания, друг, — сказал мне один из них. — Мы всего-навсего твои телохранители.

Это и вправду были мои телохранители. Ни на шаг от меня не отставали — куда я, туда и они. И с нами ходил скунс. Поэтому они ко мне и прилипли. Я-то им был до лампочки. Это скунса надо было охранять.

А скунс привязался ко мне — клещами не оторвешь. Он шел за мной по пятам и шмыгал у меня между ботинками, но по большей части ему хотелось, чтобы я таскал его на руках или сажал себе на плечо. И он все время мурлыкал. То ли смекнул, что я ему настоящий друг, то ли считал меня простофилей.

Жить стало трудновато. Скунс спал вместе со мной, и в моей комнате ночевали все четыре охранника. В отхожее место я шел со скунсом и одним охранником, а остальные трое околачивались поблизости. Я ни на миг не оставался один. Я говорил, что это непорядочно. Я говорил, что это неконституционно. Ничего не помогало. Деться было некуда. Охранников было двенадцать штук, и работали они в три смены, по восемь часов каждая.

Несколько дней я не видел полковника и подумал, что это странно: раньше он себе места не мог найти, пока не заполучит скунса, а теперь ему до скунса и дела нет.

А я тем временем пораскинул умом насчет того, что говорил полковник о скунсе: будто это и не скунс вовсе, а существо, по виду схожее со скунсом, и будто оно знает о чем-то побольше нашего. И чем дольше я об этом думал, тем больше верил в то, что полковник, пожалуй, прав. Но все-таки казалось невероятным, чтобы какая-то безрукая тварь разбиралась в машинах, не говоря уж о том, чтобы мудрить с ними.

Но тут я вспомнил, как мы с Бетси всегда понимали друг друга, и, более того, представил себе, что человек и машина сближаются настолько, что могут друг с другом беседовать, и тогда человек, даже безрукий, может помочь машине уллучшиться. И хоть, когда говоришь это вслух, получается что-то вроде нелепицы, но в глубине души мне казалось, что так и должно быть, и как-то тепло становилось при мысли о том, что человек и машина могут стать закадычными друзьями.

Если на то пошло, не такая уж это нелепость.

Быть может, говорил я себе, когда я зашел в кабачок и оставил скунса в машине, то скунс оглядел ее и пожалел эту старую колымагу, как мы с вами пожалели бы бездомную кошку или больную собаку. И, может быть, скунс тут же, на месте, решил починить ее, как умеет; с него стало бы и металлом разжиться где-нибудь, где не скоро хватятся, чтобы смастерить вычислитель и все эти хитроумные штучки.

Кто его знает, может, до него не доходило, хоть тресни, как это их не было в машине с самого начала. Может, он считал, что машина без этих штучек вообще не машина. А скорее всего, подумал, что Бетси неисправна.

Охранники прозвали скунса Вонючкой, и это были враки, потому что от него ничуть не пахло — редко я встречал таких спокойных и воспитанных зверей. Я сказал охранникам, что это несправедливо, но они только ржали надо мной, и вскорости об этой кличке прознала вся база, и, куда бы мы ни шли, отовсюду нам кричали: «Эй, Вонючка!» Скунс, как видно, ничего не имел против, и я тоже в мыслях стал называть его Вонючкой.

Так я сам додумался, что Вонючка мог починить Бетси и почему он ее чинил. Но одного я никак не

уразумел — откуда он вообще взялся? Думал я, думал, но так ничего и не надумал, кроме каких-то глупостей, и даже сам решил, что это уж слишком.

Разок-другой я заходил к полковнику, но сержанты и лейтенанты гнали меня в три шеи и мы с ним так и не повидались. Я обиделся и решил туда больше не соваться, пока он меня не позовет.

В один прекрасный день он меня позвал. Прихожу я и вижу: у него в кабинете полным-полно важных шишек. Полковник как раз переговаривался с каким-то старым, седым, свирепым старикашкой, у него был нос крючком, зубастая пасть и звезды на погонах.

— Генерал,— обратился к старикашке полковник,— разрешите представить вам ближайшего друга Вонючки.

Генерал подал мне руку. Вонючка помурлыкал ему, сидя на моем плече.

Генерал хорошенько взгляделся в Вонючку.

— Полковник,— сказал он,— от души надеюсь, что вы не заблуждаетесь. В противном случае, если когда-нибудь дойдет до огласки, военно-воздушные силы погибли. Армия и флот будут потешаться над нами еще десятки лет, да и конгресс нам никогда не простит такого розыгрыша.

Полковник судорожно глотнул:

— Уверю вас, сэр, я не заблуждаюсь.

— Не знаю, как это я дал себя уговорить,— разворачался генерал.— Более сумасбродный план и представить себе невозможно.

Он еще раз поглядел на Вонючку.

— По-моему, скунс как скунс,— заметил генерал.

Полковник представил меня группе других полковников и куче майоров, а с капитанами, если они там

вообще были, возиться не стал, и все жали мне руку, а Вонючка им мурлыкал — получалось очень уютно.

Один из полковников подхватил Вонючку на руки, но тот стал отчаянно брыкаться и все рвался ко мне.

Генерал сказал:

— Кажется, он предпочитает именно ваше общество.

— Он мой друг, — объяснил я.

После ленча полковник с генералом зашли за мной и Вонючкой и все мы отправились в ангар. Там навели порядок, и в ангаре стоял только один самолет, из новейших реактивных. Нас поджидала целая толпа — были и военные, но больше все спецы в гражданской одежде или в грубых бумажных комбинезонах. Некоторые держали в руках инструменты — так я считаю, — хотя я эдаких диковин сроду не видывал. И всюду были поставлены какие-то аппараты.

— А теперь, Эйса, — сказал полковник, — сядь в этот реактивный самолет вместе с Вонючкой.

— А чего там делать? — спросил я.

— Да просто посиди. Но только ничего не трогай. Иначе ты нам все испортишь.

Мне показалось, что дело тут нечисто, и я заколебался.

— Не бойтесь, — успокоил меня генерал. — Вам ничего не грозит. Входите смелей и усаживайтесь.

Так я и сделал, и получилось вовсе глупо. Я вскарабкался туда, где полагается сидеть пилоту, и уселся в его кресло; ну и местечко! Повсюду торчала всякая чертовщина, какие-то приборы и невиданные штучки. Я не смел шелохнуться, до того боялся их задеть — бог его знает, что бы могло стрястись.

Вошел я, значит, уселся и некоторое время развлекался тем, что глазел на все эти диковины и гадал, для чего они служат, но почти ни разу не угадал.

В конце концов я осмотрел все в сотый раз и стал ломать себе голову, чем бы еще заняться, а делать было нечего, скущища смертная. Но тут я вспомнил, сколько денег заколачиваю, сколько даровой выпивки получаю, и подумал, что ради всего этого можно просидеть любое кресло.

А Вонючка вообще не обратил ни на что внимания. Он пристроился у меня на коленях и заснул — так мне, во всяком случае, казалось. Он-то себя не утруждал, это уж точно. Лишь время от времени приоткрывал один глаз или поводил ухом, только и всего.

Поначалу я об этом не думал, но, когда посидел там час или около того, до меня вдруг дошло, зачем они затащили нас с Вонючкой в самолет. Они надеются, подумал я, что, если посадят в самолет Вонючку, он и этот самолет пожалеет и проделает с ним такую же штуку, как с Бетси. Но если они так полагают, то наверняка останутся в дураках: ведь Вонючка решительно ничего не стал делать, только свернулся клубочком и заснул.

Мы просидели несколько часов, а потом нам сказали, что можно вылезать.

Тут-то и закрутилась операция «Вонючка». Так они называли всю эту бодягу. Просто умора, каких только названий не выдумает военная авиация!

Это тянулось несколько дней. Утром мы с Вонючкой вставали, несколько часов сидели в самолете, делали перерыв на обед и возвращались еще на несколько часов. Вонючка как будто не возражал. Ему было все равно, где сидеть. Он только и делал, что сворачивался

клубочком у меня на коленях и через пять минут уже дремал.

Насколько я мог судить, дело не двигалось ни на шаг, но с каждым днем генерал, полковник и спецы, что наводняли ангар, распалялись все больше и больше. Видно было, что им до смерти охота почесать языки, но они сдерживались.

Очевидно, работа не кончалась и после того, как мы с Вонючкой уходили. Каждый вечер в ангаре горел свет, спецы вкалывали вовсю, а вокруг них охраны было видимо-невидимо.

В один прекрасный день тот реактивный самолет, в котором мы сидели, выкатили из ангара, вместо него поставили другой, и все повторилось снова-здорово. Опять ничего не произошло. Однако атмосфера в этом ангаре до того накалилась, что, казалось, все вот-вот вспыхнет.

Ума не приложу, что там такое творилось.

Постепенно это состояние напряженности передавалось всей базе, и началось что-то совершенно невероятное. Вам и во сне не снилась воинская часть, которая бы так проворно пошевеливалась. Приехала бригада строителей и давай строить новые корпуса, а как только они были готовы, там разместили какие-то машины. Приезжали все новые и новые люди, и очень скоро база превратилась в растревоженный муравейник.

Однажды я вышел погулять (а охранники тащились рядом) и увидел такое, что аж глаза выпучил. Всю базу обносили четырехметровым забором, увенчанным колючей проволокой. А по эту сторону забора было столько охранников, что они чуть не наступали друг другу на пятки.

Вернулся я с прогулки перепуганный, потому что, судя по всему, меня силком втянули в какое-то чересчур сложное и темное дело.

До сих пор я полагал, что речь идет только о полковнике, который слишком выслуживался перед начальством и теперь никак это не расхлебает. Все время я очень жалел полковника: ведь генерал, судя по его роже, был из тех типов, что позволяют водить себя за нос лишь до поры до времени, а потом раз — и к ногтю.

Примерно в то же время посреди одной из взлетных полос стали рыть огромный котлован. Как-то раз я подошел взглянуть на него и только диву дался. Была хорошая, ровная взлетная полоса, стояла больших денег, а теперь в ней роют яму — не иначе как хотят сделать бассейн для плавания. Я порасспросил кое-кого, но люди, к которым я обращался, то ли сами ничего не знали, то ли знали, да помалкивали.

А мы с Вонючкой все сидели в самолетах. Теперь это был шестой по счету. Но ничто не менялось. Я сидел и скучал до одури, а Вонючка не унывал.

Как-то вечером полковник передал через сержанта, что хочет меня видеть.

Я вошел, сел и посадил Вонючку на письменный стол. Он разлегся на полированной крышке и стал переводить глаза с меня на полковника.

— Эйса, — сказал полковник, — по-моему, все идет хорошо.

— Вы хотите сказать, что добились своего?

— Мы добились неоспоримого преимущества в воздухе. Теперь мы опередили остальные страны на добрый десяток лет, если не на все сто, — в зависимости от того, насколько нам удастся все освоить. Теперь нас никому не догнать.

— Но ведь Вонючка только и делал, что спал!

— Он только и делал, — сказал полковник, — что реконструировал каждый самолет. В ряде случаев он применял совершенно непонятные принципы, но голову даю на отсечение, немного погодя мы их поймем. А в других случаях изменения были так просты и так очевидны, что просто удивительно, как это мы сами до них не додумались.

— Полковник, а кто такой Вонючка?

— Не знаю, — ответил он.

— Вы же что-то подозреваете.

— Безусловно. Но это только подозрение, не более. Мне страшно даже подумать об этом.

— Меня не так-то легко застрашать.

— Ну что ж, в таком случае... Вонючка не похож ни на что земное. Мне кажется, он с другой планеты, а может быть, даже из другой звездной системы. Помоему, он совершил к нам космический перелет. Как и зачем, не имею представления. Возможно, звездолет потерпел аварию, а Вонючка сел в спасательную ракету и прилетел на Землю.

— Но если у него была ракета...

— Мы прочесали каждый квадратный метр на много миль в окружности.

— И ничего не нашли?

— Ничего, — сказал полковник.

Переварить такую идею было трудновато, но я с этим справился. Затем я подумал о другом.

— Полковник, — сказал я, — по вашим словам, Вонючка починил самолеты, и они стали даже лучше новых. Как же он мог это сделать, когда у него нет рук и он только спал и ни до чего ни разу не дотронулся?

— А как по-твоему? — спросил полковник. — Я выслушал уйму догадок. Из них только одна не совсем лишена смысла, да и то с натяжкой, — это телекинез.

Ну и словечко!

— А что это значит, полковник?

Этим словечком я собрался опарашить ребят в кабачке, если когда-нибудь попаду туда снова, и хотел употребить его кстати.

— Передвижение предметов усилием мысли, — объяснил полковник.

— Да ведь он ничего не передвигал, — возразил я. — Все новые устройства в Бетси и в самолетах взялись прямо изнутри, никто ничего не вставлял.

— При телекинезе и это возможно.

Я задумчиво покачал головой.

— А мне все иначе мыслится.

— Валяй, — вздохнул полковник. — Послушаем и твою теорию. Не понимаю, с какой стати ты должен быть исключением.

— По-моему, у Вонючки, если можно так выразиться, легкая рука на машины, — сказал я. — Знаете, как у некоторых людей бывает легкая рука на растения, а вот у него...

Полковник одарил меня долгим жестким взглядом из-под нахмуренных бровей, потом медленно склонил голову.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Новые узлы и детали никто не вставлял и не переставлял. Они *наросли*.

— Что-то в этом роде. Может быть, он умеет оживать машины и все улучшает их, отращивая детали, чтобы машины стали счастливее и повысили свой к. п. д.

— В твоём изложении это звучит глупо, — проворчал полковник, — но вообще-то здесь намного больше

смысла, чем во всех прочих рассуждениях. Человек работает с машинами — я говорю о настоящих машинах — всего лишь лет сто, от силы двести. Если поработать с ними десять тысяч или миллион лет, это покажется не таким уж глупым.

Мы долго молчали, уже наступили сумерки, а мы оба все думали, и, наверное, об одном и том же. Думали о черной бездне, лежащей за пределами Земли, и о том, как Вонючка пересекал эту бездну. Пытались представить себе, из какого мира он прибыл, почему расстался со своим миром и что случилось с ним в черной бездне, что вынудило искать убежища на Земле.

И оба, наверное, думали о том, какая ирония судьбы занесла его на планету, где он похож на зверька, от которого все нороят держаться подальше.

— Чего я никак не пойму, — нарушил молчание полковник, — так это зачем ему такие хлопоты? Почему он это делает ради нас?

— Он это делает не ради нас, а ради самолетов, — ответил я. — Он их жалеет.

Дверь распахнулась, и, громко топая, вошел генерал. Он торжествовал. В комнате сгустилась тьма, и вряд ли он меня увидел.

— Разрешение получено! — радостно объявил он. — Корабль прибудет завтра. Пентагон не возражает.

— Генерал, — сказал полковник, — мы чересчур торопим события. Пора заложить какие-то основы для понимания самой сути. Мы ухватили то, что лежало на поверхности. Мы использовали этого зверька на всю катушку. Мы получили колоссальную информацию...

— Но не ту, что нам нужна! — рявкнул генерал. — До сих пор мы занимались опытами. А вот информации

по А-кораблю у нас нет. Вот что необходимо нам в первую очередь.

— Точно так же нам необходимо понять это существо. Понять, каким образом оно все делает. Если бы с ним можно было побеседовать...

— Побеседовать! — генерал совсем взбесился.

— Да, побеседовать! — не испугался полковник. — Скунс все время мурлыкает. Может быть, это способ общения. Нашедшие его солдаты только свистнули, и он пошел за ними. Это было общение. Будь у нас хоть капля терпения...

— У нас нет времени на такую роскошь, как терпение, полковник.

— Генерал, нельзя же так — просто выжать его до суха. Он сделал для нас очень много. Отплатим же ему хоть чем-нибудь. Ведь он-то проявляет необычайное терпение — ждет, пока мы установим с ним контакт, и надеется, что когда-нибудь мы признаем в нем разумное существо!

Они орали друг на друга, и полковник, должно быть, позабыл о моем присутствии. Мне стало неудобно. Я протянул Вонючке руки, он прыгнул прямо ко мне. На цыпочках я прокрался через весь кабинет и незаметно вышел.

В ту ночь я лежал в постели, а Вонючка свернулся клубком поверх одеяла у меня в ногах. В комнате сидели четыре охранника, тихие, как настороженные мыши.

Я поразмыслил над тем, что сказал генералу полковник, и сердце мое потянулось к Вонючке. Я вообразил, как было бы ужасно, если бы человека вдруг выкинули в мир сунсов, которым плевать на него, — им интересно разве только то, что он умеет рыть самые глубокие и гладкие норы, какие приходилось видеть

скунсам, и делает это быстро. И вот человек должен вырыть столько нор, что скунсам некогда постараться понять этого человека, потолковать с ним или выручить его.

Лежал я, жалел Вонючку и убивался, что ничем не могу ему помочь. Тогда он полез ко мне по одеялу, забрался под простыню, я высвободил руку и крепко прижал его к себе, а он мне тихонько замурлыкал. Так мы с ним и заснули.

На другой день появился А-корабль, последний из трех изготовленных, но все еще экспериментальный. На вид это было просто чудище, и мы стояли на порядочном расстоянии от цепи охранников и смотрели, как он, лихо маневрируя, садится торцом в заполненный водой котлован.

По трапу спустился экипаж корабля — свора наглых юнцов. За ними подъехала моторка.

Наутро мы отправились к кораблю. Я сидел в моторке вместе с генералом и полковником, и, пока лодка качалась у трапа, они опять успели разойтись во мнениях.

— Я по-прежнему считаю, что это рискованно, генерал, — сказал полковник. — Одно дело — баловаться с реактивными самолетами, совершенно другое — атомный корабль. Если Вонючке вздумается мудрить с реактором...

Не разжимая губ, генерал процедил:

— Приходится идти на риск.

Полковник пожал плечами и полез вверх по трапу. Генерал подал мне знак, и я тоже полез, а Вонючка сидел у меня на плече. За нами последовал генерал.

Раньше мы с Вонючкой сидели в самолетах вдвоем, но тут на борту оказалась еще бригада техников. Места хватало, а они ведь только так и могли выяснить, что делает Вонючка в часы своей работы. Как дошло до А-корабля, так им приспичило выяснить все доподлинно.

Я уселся в кресло пилота, Вонючка примостился у меня на коленях. Полковник побыл с нами, но вскоре ушел, и мы остались вдвоем.

Я нервничал. То, что полковник говорил генералу, показалось мне дельным. Но день прошел, ничего не случилось, и я стал склоняться к мысли, что полковник ошибся.

Так продолжалось четыре дня, и я притерпелся. Перестал нервничать. На Вонючку можно положиться, твердил я себе. Он ничего не сделает нам во вред.

Техники держались бодро, с генеральской физиономии не сходила улыбка: судя по всему, Вонючка не обманул ничьих надежд.

На пятый день, когда мы плыли к кораблю, полковник сказал:

— Сегодня кончаем.

Я рад был это слышать.

Мы уже совсем было собрались сделать перерыв на обед, как вдруг все началось. Не скажу точно, как это вышло, — но все перемешалось в голове. Будто бы кто-то закричал, но на самом-то деле никто не кричал. Я приподнялся в кресле и снова сел. Кто-то крикнул еще раз.

Я знал, что вот-вот случится что-то страшное. Я это нутром чуял. Я знал, что надо срочно уносить ноги с А-корабля. Меня охватил страх, безотчетный страх. Но

сквозь этот страх и наперекор ему я помнил, что мне нельзя уйти. Я должен был остаться — за это мне платили деньги. Я вцепился в ручки кресла и против воли остался.

Вдруг я почувствовал панический ужас и тут уж ничего не мог поделать. Справиться с ним не было сил. Я вскочил с кресла, уронив с колен Вонючку. Добрался до двери, с трудом открыл ее и обернулся назад.

— Вонючка! — позвал я.

Я стал пересекать кабину, чтобы взять его на руки, но на полпути меня снова одолел такой страх, что я повернулся и стремглав помчался прочь, не разбирая дороги.

Я кубарем скатился по лесенке, а внизу слышался топот и вопли перепуганных людей. Тогда я понял, что мне не померещилось и что я вовсе не трус, — что-то на самом деле было неладно.

Когда я добрался до люка, к нему уже хлынула толпа, и люди, толкаясь, бросились по трапу вниз. С берега выслали моторку. Кто-то спрыгнул с трапа в воду и пустился вплавь.

По полю к водному котловану наперегонки шпарили санитарные и пожарные машины, а над строениями, возведенными в честь операции, завывала сирена — истошно, словно кошка, которой наступили на хвост.

Я вгляделся в окружающих. У всех были напряженные, бледные лица, и мне стало ясно, что все напуганы не меньше моего, но я почему-то не перетрусил пуще прежнего, а даже почти успокоился.

А люди все кувыркались вниз по трапу и плюхались в воду, и я твердо знаю, что если бы за ними кто-нибудь следил по хронометру, то были бы побиты все рекорды скоростных заплывов.

Я встал в очередь на выход, опять вспомнил о Вонючке, вышел из очереди и бросился его спасать.

Однако, когда я наполовину поднялся по лесенке, от моей храбрости и следа не осталось и я не рискнул идти дальше. Смешнее всего, что я не могу объяснить, отчего так струхнул.

Я в числе последних спустился по трапу и втиснулся в моторку, которая была так перегружена, что еле доползла до твердой земли.

Здесь всюду суетился военный врач, требуя, чтобы пловцов немедленно отправили на дезактивацию, повсюду метались и кричали люди, с незаглушенными моторами стояли пожарные машины и по-прежнему надывалась сирена.

— Назад! — закричал кто-то. — Бегите! Все назад!

И все мы, конечно, разбежались, как стадо овец, которым явилось привидение.

Тут раздался неопиcуемый рев, и все мы обернулись.

Из котлована медленно поднимался атомный корабль. Под ним кипела и бурлила вода. Корабль взмыл в воздух плавно, грациозно, без единого толчка или сотрясения. Он взлетел прямо в небо, миг — и его не стало.

Внезапно я понял, что кругом мертвая тишина. Никто не смел пошевелиться. Все затаили дыхание. Только стояли и глаз не сводили с неба. Сирена давно умолкла.

Я почувствовал, как кто-то тронул меня за плечо. Это был генерал.

— А Вонючка? — спросил он.

— Не захотел пойти за мной, — ответил я, чувствуя себя последним подонком, — А вернуться за ним было страшно.

Генерал круто повернулся и взял курс на другой конец поля. Я кинулся за ним, сам не знаю зачем. Он перешел на бег, и я вприпрыжку понесся бок о бок с ним.

Мы ураганом ворвались в оперативный корпус и, перепрыгивая через ступеньки, взлетели по лестнице на станцию слежения.

Генерал рывкнул:

— Засекли?

— Да, сэр, в данный момент мы его ведем.

— Хорошо, — произнес генерал, тяжело дыша. — Прекрасно. Надо сбить его во что бы то ни стало. Сообщите курс.

— Прямо вверх, сэр. Он все еще идет вверх.

— Сколько прошел?

— Около пяти тысяч миль, сэр.

— Не может быть! — взревел генерал. — Он не может летать в космическом пространстве!

Он повернулся и наскочил на меня.

— Прочь с дороги!

Токая, он сбсжал вниз по лестнице.

Я спустился вслед за ним, но, выйдя из здания, пошел в другую сторону. Я миновал административный корпус, возле которого стоял полковник. Мне не хотелось останавливаться, но он меня окликнул.

— Хорошо получилось, — сказал полковник.

— Я старался увести его, — стал я оправдываться, — но он ни за что не шел.

— Еще бы. Как по-твоему, что нас вспугнуло?

Я перебрал в уме все как было и нашел только один ответ: — Вонючка?

— Конечно. Он ждал, пока не завладеет чем-то вроде А-корабля и не переоборудует его для космиче-

ского рейса. Но сначала ему надо было избавиться от нас, вот он нас и выгнал.

Над этим я тоже поразмыслил.

— Значит, он все-таки сродни скунсу.

— То есть? — покосился на меня полковник.

— Я все не мог смириться с тем, что его называют Вонючкой. Мне казалось, что это несправедливо: никакого запаха — и такое прозвище. Но, как видно, запах у него все-таки был — вы, наверное, сказали бы, что это запах мысли, — и настолько сильный, что все сбежали с корабля.

Полковник кивнул:

— Все равно, я рад, что у него получилось.

Он уставился в небо.

— Я тоже, — сказал я.

Правда, я все же обиделся на Вонючку. Мог хотя бы попрощаться. На Земле у него не было друга лучше меня, и то, что он вытурил меня наравне со всеми остальными, казалось просто свинством.

Сейчас мне так не кажется.

Я по-прежнему не знаю, с какого конца берутся за гаечный ключ, но теперь у меня новая машина, купленная на те деньги, что я заработал на воздушной базе. Между прочим, эта машина умеет ездить сама собой, вернее, уметь-то умеет, но ездит только на тихих сельских дорогах. При оживленном уличном движении она начинает дрейфить. Где уж ей до старушки Бетси!

Впрочем, я мог бы исправить дело в два счета. Так я стал думать с тех пор, как моя новая машина перепрыгнула через поваленное дерево, лежащее поперек шоссе. Да, Вонючка оставил мне кое-что на память: я, например, любую машину могу сделать летающей. Только не желаю с этим связываться. Мне вовсе не хочется, чтобы со мной обращались так же, как с Вонючкой.

Я нашел доктора в амбулатории. Он нагрузился до чертиков. Я с трудом растормошил его.

— Протрезвляйся, — приказал я. — Мы сели на планету. Надо работать.

Я взял бутылку, закупорил ее и поставил на полку, подальше от Дока.

Док умудрился еще как-то приосаниться.

— Меня это не касается, капитан. Как врач...

— Пойдет вся команда. Возможно, снаружи нас ожидают какие-нибудь сюрпризы.

— Понятно, — мрачно проговорил Док. — Раз ты так говоришь, значит, нам придется туго. Омерзительнейший климат и атмосфера — чистый яд.

— Планета земного типа, кислород, климат пока прекрасный. Бояться нечего. Анализаторы дают превосходные показатели.

Док застонал и обхватил голову руками.

— Анализаторы-то работают прекрасно — сообщают, холодно или жарко, можно ли дышать воздухом. А вот мы ведем себя некрасиво.

— Мы не делаем ничего дурного, — сказал я.

— Стервятники мы, птицы хищные. Рыскаем по Галактике и смотрим, где что плохо лежит.

Я пропустил его слова мимо ушей. С похмелья он всегда брюзжит.

— Поднимись в камбуз, — сказал я, — и пусть Блин напоит тебя кофе. Я хочу, чтобы ты пришел в себя и хоть как-то мог ковылять.

Но Док был не в силах тронуться с места.

— А что на этот раз?

— Силосная башня. Такой большой штуки ты сроду не видел. Десять или пятнадцать миль поперек, а верха глазом не достанешь.

— Силосная башня — это склад фуража, запасаемого на зиму. Что тут, сельскохозяйственная планета?

— Нет, — сказал я, — тут пустыня. И это не силосная башня. Просто похожа.

— Товарный склад? — спрашивал Док. — Город? Крепость? Храм? Но нам ведь все равно, капитан, верно? Мы грабим и храмы.

— Встать! — заорал я. — Двигай!

Он с трудом встал.

— Наверно, население высypало приветствовать нас. И, надеюсь, как положено.

— Нет тут населения, — сказал я. — Стоит одна силосная башня, и все.

— Ну и ну, — сказал Док. — Работенка не ахти какая.

Спотыкаясь, он полез вверх по трапу, и я знал, что он очухается. Уж Блин-то сумеет его вытрезвить.

Я вернулся к люку и увидел, что у Фроста уже все готово — и оружие, и топоры, и кувалды, и мотки веревок, и бачки с водой. Как заместителю капитана, Фросту нет цены. Он знает свои обязанности и справляется с ними. Не представляю, что бы я делал без него.

Я стоял в проходе и смотрел на силосную башню. Мы находились примерно в миле от нее, но она была так велика, что чудилось, будто до нее рукой подать. С такого близкого расстояния она казалась стеной. Чертовски большая башня.

— В таком местечке, — сказал Фрост, — будет чем поживиться.

— Если только кто-нибудь или что-нибудь нас не остановит. Если мы сможем забраться внутрь.

— В цоколе есть отверстия. Они похожи на входы.

— С дверями толщиной футов в десять.

Я не был настроен пессимистически. Я просто рассуждал логично: слишком часто у меня в жизни бывало так, что пахло миллиардами, а кончалось все неприятностями, и поэтому я никогда не позволю себе питать слишком большие надежды, пока не приберу к рукам ценности, за которые можно получить наличные.

Хэч Мэрдок, инженер, вскарабкался к нам по трапу. Как обычно, у него что-то не ладилось. Он начал жаловаться, даже не отдышавшись.

— Говорю вам, эти двигатели того и гляди развалятся, и мы повиснем в космосе, откуда даже за световые годы никуда не доберешься. Вдохнуть некогда — только и делаем, что чиним.

Я похлопал его по плечу.

— Может, это и есть то, что мы искали. Может, теперь мы купим новенький корабль.

Но он не очень воодушевился. Мы оба знали, что я говорю так, чтобы подбодрить и себя и его.

— Когда-нибудь, — сказал он, — нам не миновать большой беды. Мои ребята проволокут мыльный пузырь сквозь триста световых лет, если в нем будет двигатель. Лишь бы двигатель был. А на этом драндулете, который...

Он распространялся бы еще долго, если бы не застыл Блин, созывавший всех к завтраку.

Док уже сидел за столом, он вроде бы очухался. Он поеживался и был немного бледноват. Кроме того, он был зол и выражался возвышенным слогом:

— Итак, нас ждет триумф. Мы выходим, и начинаются чудеса. Мы очищаем руины, все желания

исполняются, и мы возвращаемся проматывать деньжата.

— Док, — сказал я, — заткнись.

Он заткнулся. Никому на корабле мне не приходилось говорить одно и то же дважды.

Завтрак мы не смаковали. Проглотили его и пошли. Блин даже не стал собирать посуду со стола, а пошел с нами.

Мы беспрепятственно проникли в силосную башню. В цоколе были входные отверстия. Никто не задержал нас.

Внутри было тихо, торжественно... и скучно. Мне показалось, что я в чудовищно громадном учреждении.

Здание было прорезано коридорами с комнатами по сторонам. Комнаты были уставлены чем-то вроде ящиков с картотекой.

Некоторое время мы шли вперед, делая на стенах отметки краской, чтобы потом найти выход. Если в таком здании заблудиться, то всю жизнь, наверно, будешь бродить и не выберешься.

Мы искали... хоть что-нибудь, но нам не попадалось ничего, кроме этих ящиков. И мы зашли в одну из комнат, чтобы порыться в них.

— Там ничего не может быть, кроме записей на магнитных лентах. Наверно, такая тарабарщина, что нам ее ни за что не понять, — сказал с отвращением Блин.

— В ящиках может быть что угодно, — сказал Фрост. — Не обязательно магнитные ленты.

У Блина была кувалда, и он поднял ее, чтобы сокрушить один из ящиков, но я остановил его. Не стоит поднимать тарарам, если можно обойтись без этого.

Мы поболтались немного по комнате и обнаружили,

что, если в определенном месте помахать рукой, ящик выдвигается.

Выдвижной ящик был набит чем-то вроде динамитных шашек — тяжеленных, каждая дюйма два в диаметре и длиной с фут.

— Золото, — сказал Хэч.

— Черного золота не бывает, — возразил Блин.

— Это не золото, — сказал я.

Я был даже рад, что это не золото. А то бы мы надорвались, перетаскивая его. Найти золото было бы неплохо, но на нем не разбогатеешь. Так, небольшой заработок.

Мы вывалили шашки из ящика на пол и сели на корточки, чтобы рассмотреть их.

— Может, они дорогие, — сказал Фрост. — Впрочем, сомневаюсь. Что это такое, как вы считаете?

Никто из нас и понятия не имел.

Мы обнаружили какие-то знаки на торце каждой шашки. На всех шашках они были разные, но нам от этого не стало легче, потому что знаки нам ничего не говорили.

Выйдя из силосной башни, мы попали в настоящее пекло. Блин вскарабкался по трапу — пошел готовить жратву, а остальные уселись в тени корабля и, положив перед собой шашки, гадали, что бы это могло быть.

— Вот тут-то мы с вами и не тянем, — сказал Хэч. — В команде обычного исследовательского корабля есть всякого рода эксперты, которые изучают находки. Они делают десятки разных проб, они обдирают заживо все, что под руку попадет, прибегают к помощи теорий и высказывают ученые догадки. И вскоре не мытьем, так катаньем они узнают, что это за находка и будет ли от нее хоть какой прок.

— Когда-нибудь, — сказал я своей команде, — если мы разбогатеет, мы найдем экспертов. Нам все время попадается такая добыча, что они здорово пригодятся.

— Вы не найдете ни одного, — заметил Док, — который бы согласился якшаться с таким сбродом.

— Что значит «такой сброд»? — немного обидевшись, сказал я. — Мы, конечно, люди не ахти какие образованные, и корабль у нас латанный-перелатанный. Мы не говорим красивых слов и не скрываем, что хотим отхватить кусочек пожирней. Но работаем мы честно.

— Я бы не сказал, что совсем честно. Иногда наши действия законны, а порой от них законом и не пахнет.

Даже сам Док понимал, что говорит чушь. По большей части мы летали туда, где никаких законов и в помине не было.

— В старину на Земле, — сердито возразил я, — именно такие люди, как мы, отправлялись в неведомые края, прокладывали путь другим, находили реки, карабкались на горы и рассказывали, что видели, тем, кто оставался дома. Они отправлялись на поиски бобров, золота, рабов и вообще всего, что плохо лежало. Им было наплевать на законы и этику, и никто их за это не винил. Они находили, брали, и все тут. Если они убивали одного-двух туземцев или сжигали какую-нибудь деревню, — что ж, к сожалению, так уж выходило. Это все пустяки.

Хэч сказал Доку:

— Что ты корчишь перед нами святого? Мы все одним миром мазаны.

— Джентльмены, — как обычно, с дурным актерским пафосом произнес Док, — я не собирался зате-

вать пустую свару. Я просто хотел предупредить вас, чтобы вы не настраивались на то, что мы добудем экспертов.

— А можем и добыть, — сказал я, — если предложим приличное жалованье. Им тоже надо жить.

— Но у них есть еще и профессиональная гордость. Вам этого не понять.

— Но ты же летаешь с нами.

— Ну, — возразил Хэч, — я не уверен, что Док профессионал. В прошлый раз, когда он рвал у меня зуб...

— Кончай, — сказал я. — Оба кончайте.

Сейчас было не время обсуждать историю с зубом. Месяца два назад я еле примирил Хэча с Доком, и мне не хотелось, чтобы они снова поссорились.

Фрост подобрал одну из шашек и разглядывал ее, вертя в руках.

— Может, попробуем грохнуть ее обо что-нибудь? — предложил он.

— И по этому случаю взлетим на воздух? — спросил Хэч.

— А может, она не взорвется. Скорее всего, это не взрывчатка.

— Я в таком деле не участвую, — сказал Док. — Лучше посижу здесь и пораскину мозгами. Это не так утомительно и гораздо более безопасно.

— Ничего ты не придумаешь, — запротестовал Фрост. — Если мы узнаем, для чего эти шашки, богатство у нас в кармане. Здесь, в башне, их целые тонны. И ничто на свете не помешает нам забрать их.

— Первым делом, — сказал я, — надо узнать, не взрывчатка ли это. Шашка похожа на динамитную, но может оказаться чем угодно. Пищей, например.

— И Блин сварит нам похлебку, — сказал Док.

Я не обращал на него внимания. Он просто хотел подковырнуть меня.

— Или топливо, — добавил я. — Сунешь шашку в специальный корабельный двигатель, и он будет работать год или два.

Блин засвистел, и все отправились обедать.

Поев, мы приступили к работе. Мы нашли плоский камень, похожий на гранит, и установили над ним треногу из шестов, — чтобы нарубить их, нам пришлось идти за целую милю. Подвесили к треноге блок, нашли еще один камень и привязали его к веревке, перекинутой через блок. Второй конец веревки мы отнесли как можно дальше и вырыли там окоп.

Дело шло к закату, и мы изрядно вымотались, но решили не откладывать опыта, чтобы больше не томиться в неведении.

Я взял одну из «динамитных» шашек, а ребята, сидя в окопе, натянули веревку и подняли вверх привязанный к ней камень. Положив на первый камень шашку, я бросился со всех ног к окопу, а ребята отпустили веревку, и камень свалился на шашку.

Ничего не произошло.

Для верности мы натянули веревку и ударили камнем по шашке еще раз три, но взрыва не было.

Мы выкарабкались из окопа, подошли к треноге и скатили камень с шашки, на которой даже царапины не было.

К этому времени мы уже убедились, что шашка от сотрясения не взорвется, хотя мы могли взлететь на воздух от десятка других причин.

Той ночью чего только мы не делали с шашками! Мы лили на них кислоту, но она стекала с них. Мы пробовали просверлить шашки и загубили два хоро-

ших сверла. Пробовали распилить их и начисто стесали о пашку все зубья пилы.

Мы попросили Блина попробовать сварить пашку, но он отказался.

— Я не пушу вас в камбуз с этой дрянью, — сказал он. — А если вы вломитесь ко мне, то потом можете готовить себе сами. У меня в камбузе чистота, я вас, ребята, стараюсь хорошо кормить и не хочу, чтобы вы нанесли сюда всякой грязи.

— Ладно, Блин, — сказал я. — Эту штуку, наверно, нельзя будет есть, если даже ее приготовишь ты.

Мы сидели за столом, посередине которого были свалены пашки, и разговаривали. Док принес бутылку, и мы сделали по нескольку глотков. Док, должно быть, очень огорчился тем, что ему пришлось поделиться с нами своим напитком.

— Если рассуждать здраво, — сказал Фрост, — то пашки эти на что-то годятся. Раз для них построили такое дорогое здание, то и они должны стоять немало.

— А может, там не одни пашки, — предположил Хэч. — Мы осмотрели только часть первого этажа. Там может оказаться уйма всяких других вещей. И на других этажах тоже. Интересно, сколько там всего этажей?

— Бог его знает, — сказал Фрост. — Верхних этажей с земли не видно. Они просто теряются где-то в высоте.

— Вы заметили, из чего сделано здание? — спросил Док.

— Из камня, — сказал Хэч.

— Я тоже так думал, — заметил Док. — А оказалось, что не из камня. Вы помните те холмы — жилые дома, на которые мы наткнулись на Сууде, где живут цивилизованные насекомые?

Разумеется, мы все помнили их. Мы потратили много дней, пытаюсь вломиться в них, потому что нашли у входа в один дом нефритовые фигурки и думали, что внутри их, наверно, видимо-невидимо. За такие штуковины платят большие деньги. Люди цивилизованных миров с ума сходят по любым произведениям незнакомых культур, а тот нефрит был им наверняка незнаком.

Но как мы ни бились, а внутрь нам забраться не удалось. Взламывать холмы было все равно, что осыпать ударами пуховую подушку. Всю поверхность испарапаешь, а пробить не удастся, потому что от давления атомы прессуются и прочность материала возрастает. Чем сильнее бьешь, тем крепче он становится. Такой строительный материал вовек не изнашивается и ремонта никогда не требует. Те насекомые, видно, знали, что нам до них не добраться, и занимались своим делом, не обращая на нас никакого внимания. Это нас особенно бесило.

Мне пришло в голову, что такой материал как нельзя лучше подошел бы для сооружения вроде нашей силосной башни. Можно строить его каким угодно большим и высоким: чем сильнее давление на нижние этажи здания, тем они становятся прочнее.

— Это значит, — сказал я, — что зданию гораздо больше лет, чем кажется. Может, эта силосная башня стоит уже миллион лет или больше.

— Если она такая старая, — сказал Хэч, — то она набита всякой всячиной. За миллион лет в нее можно было упрятать немало добычи.

Док и Фрост поплелись спать, а мы с Хэчем продолжали рассматривать шашки.

Я стал думать, почему Док всегда говорит, что мы всего-навсего шайка головорезов. Может, он прав? Но

сколько я ни думал, сколько ни крутил и так и эдак, а согласиться с Доком не мог.

Всякий раз, когда расширяются границы цивилизации, во все времена бывало три типа людей, которые шли впереди и прокладывали путь другим, — купцы, миссионеры и охотники.

В данном случае мы охотники, охотящиеся не за золотом, рабами или мехами, а за тем, что попадется. Иногда мы возвращаемся с пустыми руками, а иной раз — с трофеями. В конце концов обычно оно так на так и выходит — получается что-то вроде среднего жалованья. Но мы продолжаем совершать набег, надеясь на счастливый случай, который сделает нас миллионерами.

Такой случай еще не подворачивался да, наверно, никогда и не подвернется. Впрочем, может подвернуться. Довольно часто мы бывали близки к цели и призрачная надежда крепла. Но, положив руку на сердце, мы отправлялись бы в путь, пожалуй, даже в том случае, если бы никакой надежды не было вовсе. Страсть к поискам неизвестного въедается в плоть и кровь.

Что-то в этом роде я и сказал Хэчу. Он согласился со мной.

— Хуже миссионеров никого нет, — сказал он. — Я бы не стал миссионером, хоть озолоти.

В общем, сидели мы, сидели у стола, да так ничего и не высидели, и я встал, чтобы пойти спать.

— Может, завтра найдем что-нибудь еще, — сказал я.

Хэч зевнул.

— Я крепко на это надеюсь. Мы даром потратили время на эти динамитные пашки.

Он взял их и по пути в спальню выбросил в иллюминатор.

На следующий день мы и в самом деле нашли кое-что еще.

Мы забрались в силосную башню поглубже, чем на кануне, пропетлявши по коридорам мили две.

Мы попали в большой зал площадью, наверно, акров десять или пятнадцать, который был сплошь заставлен рядами совершенно одинаковых механизмов.

Смотреть особенно было не на что. Механизмы немного напоминали богато разукрашенные стиральные машины, только сбоку было плетеное сиденье, а наверху — колпак. Они не были прикреплены к полу, и их можно было толкать в любом направлении, а когда мы перевернули одну машину, чтобы посмотреть, не скрыты ли внизу колесики, то нашли вместо них пару полозьев, поворачивающихся на шарнирах, так что машину можно было двигать в любую сторону. Полозья были сделаны из жирного на ощупь металла, но смазка к пальцам не приставала.

Питание к машинам не подводилось.

— Может, источник питания у нее внутри, — предположил Фрост. — Подумать только, я не нашел ни одной вытяжной трубы во всем здании!

Мы искали, где можно включить питание, и ничего не нашли. Вся машина была как большой, гладкий и обтекаемый кусок металла. Мы попытались посмотреть, что у нее внутри, да только кожух был совершенно цельный — нигде ни болта, ни заклепки.

Колпак с виду вроде бы снимался, но когда мы пытались его снять, он упрямо оставался на месте.

А вот с плетеным сиденьем было совсем другое дело. Оно кишмя кишело всякими приспособлениями для того, чтобы в нем могло сидеть любое существо, какое только можно себе представить. Мы здорово позабавились, меняя форму сиденья на все лады и ста-

раясь догадаться, какое бы это животное могло усесться на него в таком виде. Мы отпускали всякие соленные шутки, и Хэч чуть не лопнул со смеху.

Но мы по-прежнему топтались на месте, и ясно было, что мы не продвинемся ни на шаг, пока не притащим режущие инструменты и не вскроем машину, чтобы узнать, с чем ее едят.

Мы взяли одну машину и поволокли ее по коридорам. Но, добравшись до выхода, подумали, что дальше придется тащить ее на руках. И ошиблись. Она скользила по земле и даже по сыпучему песку не хуже, чем по коридорам.

После ужина Хэч спустился в рубку управления двигателями и вернулся с режущим инструментом. Металл был прочный, но в конце концов нам удалось сдрать часть кожуха.

При взгляде на внутренности машины мы пришли в бешенство. Это была сплошная масса крошечных деталей, перевитых так, что в них сам черт не разобрался бы. Ни начала, ни конца найти было невозможно. Это было что-то вроде картинки-загадки, в которой все линии тянутся бесконечно и никуда не приводят.

Хэч погрузил во внутренности машины обе руки и попытался отделить детали.

Немного погодя он вытащил руки, сел на корточки и проворчал:

— Они ничем не скреплены. Ни винтов, ни шарнирных креплений, даже простых шпонок нет. Но они как-то липнут друг к другу.

— Это уже чистое извращение, — сказал я.

Он взглянул на меня с усмешкой.

— Может быть, ты и прав.

Он снова полез в машину, ушиб костяшки пальцев и принялся их сосать.

— Если бы я не знал, что ошибаюсь, — заметил Хэч, — я бы сказал, что это трение.

— Магнетизм, — предположил Док.

— Послушай, доктор, — сказал Хэч. — Ты в медицине и то не больно разбираешься, так что оставь механику мне.

Чтобы не дать разгореться спору, Фрост поспешил вмешаться:

— Эта мысль о трении не так уж нелепа. Но в таком случае детали требуют идеальной обработки и шлифовки. Из теории известно, что если вы приложите две идеально отшлифованные поверхности друг к другу, то молекулы обеих деталей будут взаимодействовать и сцепление станет постоянным.

Не знаю, где Фрост поднабрался всей этой премудрости. Вообще-то он такой же, как мы все, но иной раз выразится так, что только рот раскроешь. Я никогда не расспрашивал его о прошлом, задавать такие вопросы было просто неприлично.

Мы еще немного потолкались возле машины. Хэч еще раз ушибся, а я сидел и думал о том, что мы нашли в силосной башне два предмета и оба заставили нас топтаться на месте. Но так уж бывает. В иные дни и гроша не заработаешь.

— Дай взглянуть. Может, я справлюсь, — сказал Фрост.

Хэч даже не огрызнулся. Ему утерли нос.

Фрост начал сдавливать, растягивать, скручивать, распатывать все эти детали, и вдруг раздался шипящий звук, будто кто-то медленно выдохнул воздух из легких, и все детали распались сами. Они разъединялись как-то очень медленно и, позвякивая, сваливались в кучу на дно кожуха.

— Смотри, что ты натворил! — закричал Хэч.

— Ничего я не натворил, — сказал Фрост. — Я просто посмотрел, нельзя ли выбить одну детальку, и только это сделал, как все устройство рассыпалось.

Он показал на детальку, которую вытащил.

— Знаешь, что я думаю? — спросил Блин. — Я думаю, машину специально сделали такой, чтобы она разваливалась при попытке разобраться в ней. Те, кто ее сделал, не хотели, чтобы кто-нибудь узнал, как соединяются детали.

— Резонно, — сказал Док. — Не стоит возиться. В конце концов, машина не наша.

— Док, — сказал я, — ты странно ведешь себя. Я пока что не замечал, чтобы ты отказывался от своей доли, когда мы что-нибудь находили.

— Я ничего не имею против, когда мы ограничиваемся тем, что на вашем изысканном языке называется полезными ископаемыми. Я могу даже переварить, когда крадут произведения искусства. Но когда дело доходит до кражи мозгов... а эта машина — думающий...

Вдруг Фрост вскрикнул.

Он сидел на корточках, засунув голову в кожух машины, и я сперва подумал, что его защемило и нам придется вытаскивать его, но он выбрался сам как ни в чем не бывало.

— Я знаю, как снять колпак, — сказал он.

Это было сложное дело, почти такое же сложное, как подбор комбинации цифр, отпирающих сейф. Колпак крепился к месту множеством пазов, и надо было знать, в какую сторону поворачивать его, чтобы в конце концов снять.

Фрост засунул голову в кожух и подавал команды Хэчу, а тот крутил колпак то в одну сторону, то в другую, иногда тянул вверх, а порой и нажимал, чтобы высвободить его из системы пазов, которыми он кре-

пился. Блин записывал комбинации команд, которые выкрикивал Фрост, и Хэч наконец освободил колпак.

Как только его сняли, все сразу стало ясно как день. Это был шлем, оснащенный множеством приспособлений, которые позволяли надеть его на любой тип головы. В точности как сиденье, которое приспособлялось к любому сидалищу.

Шлем был связан с машиной эластичным кабелем, достаточно длинным, чтобы он дотянулся до головы любого существа, усевшегося на сиденье.

Все это было, разумеется, прекрасно. Но что это за штука? Переносный электрический стул? Машина для перманента? Или что-нибудь другое?

Фрост и Хэч покопались в машине еще немного и наверху, как раз под тем местом, где был колпак, нашли поворотную крышку люка, а под ней трубу, которая вела к механизму внутри кожуха. Только этот механизм превратился теперь в груды распавшихся деталей.

Не надо было обладать очень большим воображением, чтобы понять, для чего эта труба. Она была размером точно с динамитную пашку.

Док вышел и вернулся с бутылкой, которую пустил по кругу, устроив что-то вроде торжества. Сделав глотка по два, они с Хэчем пожали друг другу руки и сказали, что больше не помнят зла. Но я не очень-то верил. Они много раз мирились и прежде, а потом дня не проходило — и они снова готовы были вцепиться друг другу в глотку.

Трудно объяснить, почему мы устроили празднество. Мы, разумеется, поняли, что машину можно приспособить к голове, а в трубку положить динамитную пашку... Но для чего все это, мы по-прежнему не имели никакого представления.

По правде говоря, мы были немного испуганы, хотя никто в этом не признался бы.

Естественно, мы начали гадать, что к чему.

— Это, наверно, машина-врач, — сказал Хэч. — Садись запросто на сиденье, надевай шлем на голову, суй нужную шашку — и вылечишься от любой болезни. Да это же было бы великое благо! И не надо беспокоиться, знает ли твой врач свое дело или нет.

Я думал, Док вцепится Хэчу в горло, но он, видимо, вспомнил, что помирился с Хэчем, и не бросился на него.

— Раз уж наша мысль заработала в этом направлении, — сказал Док, — давайте предположим большее. Скажем, это машина, возвращающая молодость, а шашка набита витаминами и гормонами. Проходи процедуру каждые двадцать лет — и останешься вечно юным.

— Это, наверно, машина-преподаватель, — перебил его Хэч. — Может быть, эти шашки набиты знаниями. Может быть, в каждой из них полный курс колледжа.

— Или наоборот, — сказал Блин. — Может, эти шашки высасывают все, что ты знаешь. Может, в каждой из этих шашек история жизни одного человека.

— А зачем записывать биографии? — спросил Хэч. — Немного найдется людей или инопланетных жителей, ради которых стоило бы городить все это.

— Вот если предположить, что это что-то вроде коммуникатора, — сказал я, — тогда другое дело. Может, это аппарат для ведения пропаганды, для проповедей. Или карты. А может, не что иное, как архив.

— Или, — сказал Хэч, — этой штукой можно прихлопнуть любого в мгновение ока.

— Не думаю, — сказал Док. — Чтобы убить человека, можно найти способ полегче, чем сажать его на

сиденье и надевать ему на голову шлем. И это не обязательно средство общения.

— Есть только один способ узнать, что это, — сказал я.

— Боюсь, — догадался Док, — что нам придется прибегнуть к нему.

— Слишком сложно, — возразил Хэч. — Не говоря уж о том, что у нас могут быть большие неприятности. Не лучше ли бросить все это к черту? Мы можем улететь отсюда и поохотиться за чем-нибудь полегче.

— Нет! — закричал Фрост. — Этого делать нельзя!

— Интересно, почему нельзя? — спросил Хэч.

— Да потому, что мы всегда будем сомневаться, не упустили ли куш. И думать: а не слишком ли мы быстро сдались? Ведь дело-то всего в двух-трех днях. Мы будем думать, а не зря ли мы испугались, а не купались бы мы в деньгах, если бы не бросили этого дела.

Мы знали, что Фрост прав, но препирались еще, прежде чем согласиться с ним. Все знали, что придется на это пойти, но добровольцев не было.

Наконец мы потянули жребий, и Блину не повезло.

— Ладно, — сказал я. — Завтра с утра пораньше...

— Что там с утра! — заорал Блин. — Я хочу покончить с этим сейчас же! Все равно сна у меня не будет ни в одном глазу.

Он боялся, и, право, ему было чего бояться. Да и я чувствовал бы себя не в своей тарелке, если бы вытащил самую короткую спичку.

Не люблю болтаться по чужой планете после наступления темноты, но тут уж пришлось. Откладывать на завтра было бы несправедливо по отношению к Блину. И, кроме того, мы увязли в этом деле по самые уши и не ведали бы покоя, пока не разузнали бы, что наши.

И вот, взяв фонари, мы пошли к силосной башне. Протопав по коридорам, которые показались нам бесконечными, мы вошли в зал, где стояли машины.

Они все вроде были одинаковые, и мы подошли к первой попавшейся. Пока Хэч снимал шлем, я приспособивал для Блина сиденье, а Док пошел в соседнюю комнату за шашкой.

Когда все было готово, Блин сел на сиденье.

Вдруг меня потянуло на глупость.

— Послушай, — сказал я Блину, — почему это должен быть непременно ты?

— Кому-то надо, — ответил Блин. — Так мы скорее узнаем, что это за штука.

— Давай я сяду вместо тебя.

Блин обозвал меня нехорошим словом, чего делать он не имел никакого права, потому что я просто хотел помочь ему. Но я его тоже обозвал, и все стало на свои места.

Хэч надел шлем на голову Блину. Края шлема опустились так низко, что совсем не было видно лица. Док сунул шашку в трубку, и машина, замурлыкав, заработала, а потом наступила тишина. Не совсем, конечно, тишина... если приложить ухо к кожуху, слышно было, как машина работает.

С Блином ничего особенного не случилось. Он сидел спокойный и расслабленный, и Док сразу же принялся следить за его состоянием.

— Пульс немного замедлился, — сообщил Док, — сердце бьется слабее, но, по-видимому, никакой опасности нет. Дыхание частое, но беспокоиться не о чем.

Док, может, совсем не беспокоился, но остальным стало не по себе. Мы окружили машину, смотрели, и... ничего не происходило. Да мы и не представляли себе, что может произойти.

Док продолжал следить за состоянием Блина. Оно не ухудшалось.

А мы все ждали и ждали. Машина работала, а размякший Блин сидел в кресле. Он был расслаблен, как собака во сне, — возмешь его руку, и кажется, что из нее начисто вытопили кости. Мы волновались все больше и больше. Хэч хотел сорвать с Блина шлем, но я ему не позволил. Черт его знает, что могло произойти, если бы мы остановили это дело на середине.

Машина перестала работать примерно через час после рассвета. Блин начал шевелиться, и мы сняли с него шлем.

Он зевнул, потер глаза и сел попрямее. Потом посмотрел на нас немного удивленно — вроде бы не сразу узнал.

— Ну, как? — спросил его Хэч.

Блин не ответил. Видно было, что он приходил в себя, что-то вспоминал и собирался с мыслями.

— Я путешествовал, — сказал он.

— Кинопутешествие! — с отвращением сказал Док.

— Это не кинопутешествие. Я там был. На планете, на самом краю Галактики, наверное. Ночью там мало звезд, да и те, что есть, совсем бледные. И над головой движется тонкая полоска света.

— Значит, видел край Галактики, — кивнув, сказал Фрост. — Что его, дисковой пилой, что ли, обрезали?

— Сколько я просидел? — спросил Блин.

— Довольно долго, — сказал я ему. — Часов шесть-семь. Мы уже стали беспокоиться.

— Странно, — сказал Блин. — А я могу поклясться, что был там больше года.

— Давай-ка уточним, — сказал Хэч. — Ты говоришь, что был там. Ты хочешь, наверно, сказать, что *видел* эту планету.

— Я хочу сказать, что *был* там! — заорал Блин. — Я жил с этими людьми, спал в их норах, *разговаривал* и *работал* вместе с ними. В огороде себе кровавую мотыгой натер. Я ездил с места на место и *насмотрелся* всякой всячины, и все это было по-настоящему — вот как я сижу сейчас здесь.

Стащив его с сиденья, мы пошли обратно на корабль. Хэч не позволил Блину готовить завтрак. Он что-то состряпал сам, но кок из него никудышный, и ничего в рот не лезло. Док откопал бутылочку и дал хлебнуть Блину, а остальным не досталось ни капли. Он сказал, что это лечебное, а не увеселительное средство.

Вот какой он бывает иногда. Настоящий жмот.

Блин рассказал нам о планете, на которой жил. Правителей на ней, кажется, вообще нет, так как она в них не нуждается, но сама планета — так себе, живут на ней простаки, занимаются примитивным сельским хозяйством. Блин сказал, что они похожи на помесь человека с кротом, и даже пытался нарисовать их, но толку от этого получилось мало, потому что Блин — художник липовый.

Он рассказал нам, что они выращивают, что едят, и это было потешно. Он даже легко называл имена местных жителей, припоминал, как они разговаривают, — язык был совсем незнакомый.

Мы забросали его вопросами, и он всегда находил ответ, причем видно было, что он ничего не выдумывал. Даже Док, который вообще был скептиком, и тот склонился к мысли, что Блин в самом деле посетил чужую планету.

Позавтракав, мы погнали Блина в постель, а Док осмотрел его и нашел, что он вполне здоров.

Когда Блин с Доком ушли, Хэч сказал мне и Фросту:

— У меня такое ощущение, будто доллары ужеanziaкивают у нас в карманах.

Мы оба согласились с ним.

Мы нашли такое развлекательное устройство, какого сроду никто не видывал.

Шашки оказались записями, которые не только воспроизводили изображение и звук, но и возбуждали все чувства. Они делали это так хорошо, что всякий, кто подвергался их воздействию, ощущал себя в той среде, которую они воспроизводили. Человек как бы делал шаг в эту среду и становился частью ее. Он жил в ней.

Фрост уже строил четкие планы на будущее.

— Мы могли бы продавать эти штуки, — сказал он, — но это глупо. Нам нельзя выпускать их из рук. Мы будем давать машины и шашки напрокат, а так как они есть только у нас, мы станем хозяевами положения.

— Можно разрекламировать годовичные каникулы, которые длятся всего полдня, — добавил Хэч. — Это как раз то, что нужно администраторам и прочим занятым людям. Ведь только за субботу и воскресенье они смогут прожить четыре-пять лет и побывать на нескольких планетах.

— Может быть, не только на планетах, — подхватил Фрост. — Может, там записаны концерты, посещение картинных галерей или музеев. Или лекции по литературе, истории и тому подобное.

Мы чувствовали себя на седьмом небе, но усталость взяла свое и мы пошли спать.

Я лег не сразу, а сначала достал бортовой журнал. Не знаю уж, зачем было возиться с ним вообще. Вел я его как попало. Месяцами даже не вспоминал о нем, а потом вдруг несколько недель записывал все кряду.

Делать запись сейчас мне было, собственно, ни к чему, но я был немного взволнован, и у меня почему-то было такое ощущение, что последнее событие надо записать.

Я полез под койку и вытянул железный ящик, в котором хранились журнал и прочие бумаги. Когда я поднимал его, чтобы поставить на койку, он выскользнул у меня из рук. Крышка распахнулась. Журнал, бумаги, всякие мелочи, которые были у меня в ящике, — все разлетелось по полу.

Я выругался и, став на четвереньки, принялся собирать бумаги. Их было чертовски много, и по большей части все это был хлам. Когда-нибудь, говорил я себе, я выброшу его. Там были пошленные документы, выданные в сотне различных портов, медицинские справки и другие бумаги, срок действия которых давно уже истек. Но среди них я нашел и документ, закрепляющий мое право собственности на корабль.

Я сидел и вспоминал, как двадцать лет назад купил этот корабль за сущие гроши, как отбуксировал его со склада металлолома, как года два все свободное время и все заработанные деньги тратил на то, чтобы подлатать его и подготовить к полетам в космос. Не удивительно, что корабль дрянной. С самого начала он был развалиной, и все двадцать лет мы только и делали, что клали заплату на заплату. Уже много раз он проходил технический осмотр только потому, что инспектору ловко совали взятку. Во всей Галактике один Хэч способен заставить его летать.

Я продолжал подбирать бумаги, думая о Хэче и всех остальных. Я немного расчувствовался и стал думать о таких вещах, за которые вздул бы всякого другого, если бы он осмелился сказать их мне. Я думал о том, как мы все спелись и что любой из команды отдал бы за меня жизнь, а я свою — за любого из них.

Я помню, конечно, время, когда все было по-иному. В те дни, когда они впервые подписали контракт, это была всего лишь команда. Но те дни прошли давным-давно; теперь это была не просто команда корабля. Контракт не возобновлялся уже много лет, а все продолжали летать, как люди, которые имеют право на это. И вот, сидя на полу, я думал, что мы наконец добились того, о чем мечтали, мы, оборвыши, в латанном-перелатанном корабле. Я был горд и радовался не только за себя, но и за Хэча, Блина, Дока, Фроста и всех остальных.

Наконец я собрал бумаги, сунул их снова в ящик и попытался сделать запись в журнале, но от усталости не хватило сил писать, и я лег спать, что и надо было сделать с самого начала.

Но, как я ни уморился, я уже в постели стал думать, велика ли силосная башня, и попытался прикинуть, сколько из нее можно выкачать шашек. Я дошел до триллионов, а дальше прикидывать не было толку — все равно точного числа не определишь.

А дело предстояло большое — такого у нас никогда не было. Нашей команде, даже если бы мы работали каждый день, понадобилось бы пять жизней, чтобы опустошить всю силосную башню. Придется создать компанию, нанять юристов (предпочтительно — способных на любое грязное дело); подать заявку на планету и пройти через бюрократические мытарства, чтобы прибрать все к рукам.

Мы не могли позволить себе прохлопать такое дело из-за собственной непредусмотрительности. Надо все обдумать, прежде чем заваривать кашу.

Не знаю, как остальным, а мне всю ночь спилось, будто я утопаю по колена в море новеньких хрустящих банкнот.

Наутро Док не появился за завтраком. Я пошел к нему и обнаружил, что он даже и не ложился. Он полужелал на своем старом шатком стуле в амбулатории. На полу стояла пустая бутылка, другую, тоже почти пустую, он держал в руке, свисавшей до самого пола. Когда я вошел, Док с трудом поднял голову — он еще не упился до полного бесчувствия, и это все, что можно было сказать о нем.

Я страшно разозлился. Док знал наши правила. Он мог пьянствовать беспробудно, пока мы находились в космосе, но после посадки требовались рабочие руки, да и надо было следить, как бы мы не подхватили на чужих планетах незнакомые болезни, так что он не имел права напиваться.

Я вышиб ногой у него из рук бутылку, взял его одной рукой за шиворот, а другой за штаны и поволок в камбуз.

Плюхнув его на стул, я крикнул Блину, чтобы приготавливал еще один кофейник.

— Я хочу, чтобы ты протрезвился, — сказал я Доку, — и мог пойти с нами во второй поход. У нас каждый человек на счету.

Хэч пригнал своих, а Фрост собрал всю команду вместе и приладил блок с таями, чтобы начать погрузку. Все были готовы к перетаскиванию груза, кроме Дока, и я поклялся, что еще сегодня прищемлю ему хвост.

Отправились мы сразу же после завтрака. Хотели погрузить на борт как можно больше машин, а все пространство между ними забить шашками.

Мы прошли по коридорам в зал, где были машины, и, разбившись по двое, начали работу. Все шло хорошо, пока мы не оказались на середине пути между зданием и кораблем.

Мы с Хэчем были впереди, и вдруг футах в пятидесяти от нас что-то взорвалось.

Мы стали как вкопанные.

— Это Док! — завопил Хэч, хватаясь за пистолет.

Я успел удержать его:

— Не горячись, Хэч.

Док стоял у люка и махал нам ружьем.

— Я мог бы снять его, — сказал Хэч.

— Спрячь пистолет, — приказал я.

Я пошел один к тому месту, куда Док послал пулю.

Он поднял ружье, и я замер. Если бы он даже промахнулся футов на десять, то взрыв мог располосовать человека надвое.

— Я брошу пистолет! — крикнул я ему. — Хочу потолковать с тобой!

Док заколебался.

— Ладно. Скажи остальным, чтобы подались назад.

Я обернулся и сказал Хэчу:

— Уходи отсюда. И уведи всех.

— Он свихнулся от пьянства, — сказал Хэч. — Не соображает, что делает.

— Я с ним управлюсь. — Я постарался сказать это твердым тоном.

Еще одна пуля взорвалась в стороне от нас.

— Сыпь отсюда, Хэч, — сказал я, не решаясь больше оглядываться. Приходилось не спускать с Дока глаз.

— Порядок, — крикнул наконец Док. — Они отошли. Бросай пистолет.

Очень медленно, чтобы он не подумал, что я стараюсь подловить его, я отстегнул пряжку, и пистолет упал на землю. Не спуская с Дока глаз, я пошел вперед, а у самого по спине мурашки бегали.

— Дальше не ходи, — сказал Док, когда я почти вплотную подошел к кораблю. — Мы можем поговорить и так.

— Ты пьян, — сказал я ему. — Я не знаю, к чему ты все это затеял, но зато я знаю, что ты пьян.

— Пьян, да не совсем. Я полупьян. Если бы я был совсем пьян, мне было бы просто все равно.

— Что тебя гложет?

— Порядочность заела, — сказал он, фиглярствуя, как обычно. — Я говорил тебе много раз, что могу переварить грабеж, когда дело касается лишь урана, драгоценных камней и прочей чепухи. Я могу даже закрыть глаза на то, что вы потрошите чужую культуру, потому что самой культуры не украдешь — воруй не воруй, а культура останется на месте и залечит раны. Но я не позволю воровать знания. Я не дам тебе сделать это, капитан.

— А я по-прежнему уверен, что ты просто пьян.

— Вы даже не представляете себе, что нашли. Вы настолько слепы и алчны, что не распознали своей находки.

— Ладно, Док, — сказал я, стараясь гладить его по шерстке, — скажи мне, что мы нашли.

— Библиотеку. Может быть, самую большую, самую полную библиотеку во всей Галактике. Какой-то народ потратил несказанное число лет, чтобы собрать знания в этой башне, а вы хотите захватить их, продать, рассеять. Если это случится, то библиотека пропадет и те обрывки, которые останутся, без всей массы сведений потеряют свое значение наполовину. Библиотека принадлежит не нам. И даже не человечеству. Такая библиотека может принадлежать только всем народам Галактики.

— Послушай, Док, — умолял его я, — мы трудились многие годы, я, все мы. Потом и кровью мы зарабатывали себе на жизнь, но нам все время не везло. Сейчас появилась возможность сорвать большой куш. И эта возможность есть и у тебя. Подумай об этом, Док... У тебя будет столько денег, что их вовек не истратить... хватит на то, чтобы пьянствовать всю жизнь!

Док направил на меня ружье, и я подумал, что попал как кур во щи. Но у меня не дрогнул ни один мускул.

Я стоял и делал вид, что мне не страшно.

Наконец он опустил ружье.

— Мы варвары. В истории таких, как мы, было навалом. На Земле варвары задержали прогресс на тысячу лет, предав огню и рассеяв библиотеки и труды греков и римлян. Для варваров книги годились только на растопку да на чистку оружия. Для вас этот большой склад знаний означает лишь возможность быстро зашибить деньгу. Вы возьмете пашку с научным исследованием важнейшей социальной проблемы и будете сдавать ее напрокат. Пожалуйста, годичный отпуск за шесть часов...

— Избавь меня от проповеди, Док, — устало сказал я. — Скажи, чего ты хочешь.

— Я хочу, чтобы мы вернулись и доложили о своей находке Галактическому комитету. Это поможет загладить многое из того, что мы натворили.

— Ты что, монахов из нас хочешь сделать?

— Не монахов. Просто приличных людей.

— А если мы не захотим?

— Я захватил корабль, — сказал Док. — Запас воды и пищи у меня есть.

— А спать-то тебе надо будет.

— Я закрою люк, Попробуйте забраться сюда.

Наше дело было швах, и он знал это. Если мы не сможем придумать, как захватить его врасплох, наше дело швах по всем статьям.

Я испугался, но чувство досады взяло верх. Многие годы мы слушали, что он болтал, но никто никогда не принимал его всерьез. А теперь вдруг оказалось, что это он всерьез.

Я знал, что отговорить его невозможно. И на компромисс он ни на какой не пойдет. Если говорить откровенно, никакого соглашения между нами быть не могло, потому что соглашение или компромисс возможны лишь между людьми порядочными, а какие же мы порядочные, даже по отношению друг к другу? Положение было безвыходное, но Док до этого еще не додумался. Он додумается, как только немного протрезвится и пораскинет мозгами. Он вытворял все это в пьяном угаре, но это не значило, что он ничего не поймет.

Одно было ясно: в таком положении он продержится дольше нас.

— Позволь мне вернуться, — сказал я, — нужно поговорить с ребятами.

Мне кажется, Док только сейчас сообразил, как далеко он зашел, впервые понял, что мы не можем доверять друг другу.

— Когда вернешься, — сказал он мне, — мы все обмозгуем. Мне нужны гарантии.

— Конечно, Док, — сказал я.

— Я не шучу, капитан. Я говорю совершенно серьезно. Я дурака не валяю.

Я вернулся к башне, неподалеку от которой тесно сбилась команда, и объяснил, что происходит.

— Придется рассыпаться и атаковать его, — решил Хэч. — Одного-двух он подстрелит, зато мы его схватим.

— Он просто закроет люк, — возразил я. — И заморит нас голодом. В крайнем случае попытается улететь на корабле. Стоит только ему протрезвиться, и он, вероятно, так и сделает.

— Он чокнутый, — сказал Блин. — Он просто тронулся спяну.

— Конечно, чокнутый, — согласился я, — и от этого он опаснее вдвойне. Он вынашивал это дело уже давным-давно. У него комплекс вины мили в три высоты. И, что хуже всего, он зашел так далеко, что не может идти на попятный.

— У нас мало времени, — сказал Фрост. — Надо что-то придумать. Мы умрем от жажды. Еще немного, и нам страшно захочется жрать.

Все стали препираться насчет того, как быть, а я сел на песок, прислонился к машине и попробовал стать на место Дока.

Как врач, Док оказался неудачником; иначе зачем бы ему было связываться с нами? Скорее всего, он присоединился к нам, чтобы бросить кому-то вызов или от отчаяния, — наверно, было и то и другое. И, кроме того, как всякий неудачник, он идеалист. Среди нас он белая ворона, но больше ему некуда податься, нечего делать. Многие годы это грызло его, и он стал страдать болезненным сомнением, а дальний космос — самое подходящее место, чтобы накачаться сомнением.

Разумеется, он тронулся, но это было сумасшествие особого рода. Если бы оно не было таким ужасным, его можно было бы назвать славным. Причем Док — такой малый, что его даже насмешками не проймешь, стоит на своем, и все тут.

Не знаю, услышал ли я какой-нибудь звук (шаги, может быть) или просто почувствовал чье-то присут-

ствие, но вдруг я осознал, что кто-то подошел к нам. Я приподнялся и резко повернулся лицом к зданию: у входа стояло то, что на первый взгляд показалось нам бабочкой величиной с человека.

Я не говорю, что это было насекомое, — просто вид у него был такой. Оно куталось в плащ, но лицо было не человеческое, а на голове возвышался гребень, похожий на гребни шлемов, которые можно увидеть в исторических пьесах.

Затем я увидел, что плащ вовсе не плащ, а часть этого существа, и похож он был на сложенные крылья, но это были не крылья.

— Джентльмены, — сказал я как можно спокойнее, — у нас гость.

Я пошел к существу, не делая резких движений, но держась настороже. Я не хотел напугать его, но сам приготовился отскочить в сторону, если мне будет угрожать опасность...

— Внимание, Хэч, — сказал я.

— Я прикрываю тебя, — заверил меня Хэч, и оттого, что он был рядом, на душе стало поспокойней. Если тебя прикрывает Хэч, слишком большой неприятности не будет.

Я остановился футах в шести от существа. Вблизи у него был не такой противный вид, как издали. Глаза были добрые, а нежное, странное лицо хранило мирное выражение. Но человеческие мерки не всегда подходят к чужестранцам.

Мы смотрели друг на друга в упор. Оба мы понимали, что говорить бесполезно. Мы просто стояли и мерили друг друга взглядами.

Затем существо сделало несколько шагов и протянуло руку, которая была скорее похожа на клешню. Оно взяло меня за руку и потянуло к себе.

Надо было или вырвать руку, или идти.

Я пошел за ним.

Времени на размышления не было, но кое-что могло мне принять решение сразу. Во-первых, существо показалось мне дружески настроенным и разумным. Да и Хэч с ребятами были поблизости, шли позади. И самое главное — тесных отношений с чужестранцами никогда не завяжешь, если будешь держаться неприступливо.

Поэтому я пошел.

Мы вошли в башню, и было приятно слышать позади себя шаги остальных.

Я не стал терять времени на догадки, откуда появилось существо. Этого следовало ожидать. Башня была такая большая, что в ней много чего поместилось бы — даже люди или какие-нибудь существа, — и мы все равно ничего не заметили бы. В конце концов, мы обследовали лишь небольшой уголок первого этажа. А существо, видимо, спустилось с верхнего этажа, как только узнало, что мы здесь. Наверно, понадобилось некоторое время, чтобы эта новость дошла до него.

По трем наклонным плоскостям мы поднялись на четвертый этаж и, пройдя немного по коридору, вошли в комнату.

Она была небольшая. Там стояла всего одна машина, но на этот раз спаренная модель — у нее было два плетеных сиденья и два шлема. В комнате находилось еще одно существо.

Первое существо подвело меня к машине и указало на одно из сидений.

Я постоял немного, наблюдая, как Хэч, Блин, Фрост и все остальные входили в комнату и выстраивались у стены.

Фрост сказал:

— Вы двое останьтесь-ка в коридоре и смотрите. Хэч спросил меня:

— Ты собираешься сесть в это чудо техники, капитан?

— Почему бы и нет? — отозвался я. — Они, кажется, ничего не замышляют. Нас больше, чем их. Они не собираются причинить нам никакого вреда.

— Есть риск, — сказал Хэч.

— А с каких это пор мы зареклись идти на риск?

Существо, которое я встретил у входа в башню, село на одно из сидений, а я приспособил для себя другое. Тем временем второе существо достало из ящика две пашки, но эти пашки были прозрачные, а не черные. Оно сняло шлемы и вставило пашки. Затем оно надело шлем на своего товарища и протянуло мне другой.

Я сел и позволил надеть на себя шлем, и вдруг оказалось, что я уже сижу на корточках за чем-то вроде столика напротив джентльмена, которого встретил около здания.

— Теперь мы можем поговорить, — сказал чужестранец.

Я не боялся, не волновался. У меня было такое ощущение, будто напротив сидит кто-нибудь вроде Хэча.

— Все, что мы будем говорить, записывается, — сказал чужестранец. — После нашего разговора вы получите один экземпляр, а второй я помещу в картотеку. Можете называть это договором, или контрактом, или как вы сочтете нужным.

— Я не очень-то разбираюсь в контрактах, — сказал я. — В этих юридических уловках запутаешься, как муха.

— Тогда назовем это соглашением, — предложил чужестранец. — Джентльменским соглашением.

— Хорошо, — согласился я.

Соглашения — удобные штуки. Их можно нарушать, когда вздумается. Особенно джентльменские соглашения.

— Наверно, вы уже поняли, что здесь находится, — сказал чужестранец.

— Не совсем, — ответил я. — Скорее всего, библиотека.

— Это университет, галактический университет. Мы специализировались на популярных лекциях и заочном обучении.

Боюсь, что у меня отвалилась челюсть.

— Ну что ж, прекрасно.

— Наши курсы могут пройти все, кто только пожелает. У нас нет ни вступительной платы, ни платы за обучение. Не требуется также никакой предварительной подготовки. Вы сами понимаете, как трудно было бы поставить это условие Галактике, которая населена множеством видов, имеющих различные мировоззрения и способности.

— Точно.

— К слушанию курсов допускаются все, кому они будут полезны, — продолжал чужестранец. — Разумеется, мы рассчитываем на то, что полученными знаниями воспользуются правильно, а во время самого учения будет проявлено прилежание.

— Вы хотите сказать, что записаться может любой? — спросил я. — И это не будет ничего стоить?

Сперва я разочаровался, а потом сообразил, что тут есть на чем заработать. Настоящее университетское образование... да с этим можно обдeldывать отличные делишки!

— Есть одно ограничение, — пояснил чужестранец. — Совершенно очевидно, что мы не можем заниматься отдельными личностями. Мы принимаем культу-

ры. Вы, как представитель своей культуры... как вы называете себя?

— Человечеством. Сначала жили на планете Земля, теперь занимаем полмиллиона кубических световых лет. Я могу показать на вашей карте...

— Сейчас в этом нет необходимости. Мы были бы очень рады получить заявление о приеме от человечества.

Я растерялся. Никакой я не представитель человечества! Да я и не хотел бы им быть. Я сам по себе, а человечество само по себе. Но этого чужестранцу я, конечно, не сказал. Он бы не захотел иметь со мной дела.

— Не будем торопиться, — взмолился я. — Я хочу задать вам несколько вопросов. Какого рода курсы вы предлагаете? Какие дисциплины можно выбирать?

— Во-первых, есть основной курс, — сказал чужестранец. — Его лучше бы назвать вводным, он нужен для ориентации. В него входят те предметы, которые, по нашему мнению, наиболее пригодны для данной культуры. Вполне естественно, что он будет специально подготовлен для обучающейся культуры. После этого можно заняться необязательными дисциплинами, их очень много — сотни тысяч.

— А как насчет испытаний, выпускных экзаменов и всего такого прочего? — поинтересовался я.

— Испытания, разумеется, предусмотрены, — сказал чужестранец. — Они будут проводиться каждые... Скажите мне, какая у вас система отсчета времени?

Я объяснил, как мог, и он, кажется, все понял.

— Они будут проводиться примерно каждую тысячу лет вашего времени. Программа рассчитана надолго. Если проводить испытания чаще, то вам придется напрягаться изо всех сил и пользы от этого будет мало.

Я уже принял решение. То, что случится через тысячу лет, меня не касается.

Я задал еще несколько вопросов об истории университета и тому подобном. Мне хотелось замести следы на тот случай, если бы у него возникли подозрения.

Я все еще не мог поверить в то, что услышал. Трудно представить себе, чтобы какая бы то ни было раса трудилась миллионы лет над созданием университета, ставила перед собою цель — дать наивысшее образование всей Галактике, совершила путешествия на все планеты и собрала все сведения о них, свела воедино все записи о бесчисленных культурах, установила определенные соотношения между ними, классифицировала и рассортировала эту массу информации и создала учебные курсы.

Все это имело такие гигантские масштабы, что не укладывалось в голову.

Он еще некоторое время вводил меня в курс дела, а я слушал его с разинутым ртом. Но потом я взял себя в руки.

— Хорошо, профессор, — сказал я, — можете нас записать. А что требуется от меня?

— Ничего, — ответил он. — Сведения будут извлечены из записи нашей беседы. Мы определим основной курс, а затем вы сможете выбрать дисциплины по желанию.

— Если мы не увезем все за один раз, то можно будет вернуться? — спросил я.

— Безусловно. Я думаю, вы пожелаете послать целый флот, чтобы увезти все, что вам понадобится. Мы дадим достаточное число машин и столько учебных записей, сколько потребуется.

— Чертова уйма потребуется, — сказал я ему прямо, рассчитывая поторговаться и немного уступить.

— Я знаю, — согласился он. — Дать образование целой культуре — дело не простое. Но мы готовы к этому.

Так вот мы и добились своего... и все законным путем, комар носа не подточит. Мы могли брать что хотели и сколько хотели и имели на это право. Никто не мог сказать, что мы воровали. Никто, даже Док, не мог бы этого сказать.

Чужестранец объяснил мне систему записи на цилиндрах, сказал, как будут упакованы и пронумерованы курсы, чтобы их проходили по порядку. Он обещал снабдить меня записями необязательных курсов — я мог выбрать их по желанию.

Он был по-настоящему счастлив, заполучив еще одного клиента, и гордо рассказывал мне о других учениках. Он долго распространялся о том удовлетворении, которое испытывает просветитель, когда представляется возможность передать кому-нибудь факел знаний.

Я чувствовал себя подлецом.

На этом разговор закончился, и я снова оказался на сиденье, а второе существо уже снимало с моей головы шлем.

Я встал. Первый чужестранец тоже встал и обернулся ко мне. Как и вначале, говорить друг с другом мы не могли. Это было странное чувство — стоишь лицом к лицу с существом, с которым ты только что заключил сделку, и не можешь произнести ни одного слова, которое бы он понял.

Однако он протянул мне обе руки, а я взял их в свои, и он дружески пожал их.

— Ты давай еще облобызайся с ним, — сказал Хэч, — а мы с ребятами отвернемся.

В другое время за такую шутку я влепил бы Хэчу пулю, а тут даже не рассердился.

Второе существо вынуло из машины две шашки и вручило одну из них мне. Их засунули туда прозрачными, а вынули черными.

— Пошли отсюда, — сказал я.

Мы постарались выбраться из башни как можно быстрее, но не роняя достоинства... если это можно назвать достоинством.

Выбравшись, я подозревал Хэча, Блина и Фроста и рассказал, что со мной было.

— Мы схватили Вселенную за хвост, — сказал я. — Мертвой хваткой вцепились.

— А как быть с Доком? — спросил Фрост.

— Разве не понимаешь? Именно такая сделка ему и придется по вкусу. Мы можем сделать вид, что мы благородные и великодушные, что мы верны своему слову. Мне только надо подойти к нему поближе и схватить его.

— Он тебя и слушать не станет, — сказал Блин. — Он не поверит ни одному твоему слову.

— Вы, ребята, стойте на месте, — сказал я. — А с Доком я справлюсь.

Я пересек полосу земли между башней и кораблем. Док не подавал никаких признаков жизни. Я открыл было рот, чтобы кликнуть Дока, а потом передумал. Решив воспользоваться случаем, я приставил лестницу и забрался в люк, но Дока по-прежнему не было видно.

Я осторожно двинулся вперед. Я догадался, что с ним, но на всякий случай решил не рисковать.

Нашел я его на стуле в амбулатории. Он был пьян в стельку. Ружье лежало на полу. Рядом со стулом валялись две пустые бутылки.

Я стоял и смотрел на него, представляя себе, что произошло. После моего ухода Док стал обдумывать создавшееся положение, и тут перед ним встала пробле-

ма — как быть дальше. Он решил ее так, как решал почти все свои жизненные проблемы.

Я прикрыл Дока одеялом. Затем порыскал вокруг и обнаружил полную бутылку. Откупорив, я поставил ее рядом со стулом, чтобы он мог легко дотянуться до нее. Потом я взял ружье и пошел звать остальных.

В ту ночь я долго не мог заснуть — в голову приходили всякие приятные мысли.

Перед нами раскрывалось так много возможностей, что я просто терялся и не знал, с чего начать.

Тут тебе и афера с университетом, которую, как это ни странно, можно было осуществить на совершенно законном основании, — ведь профессор из башни ничего не говорил о купле-продаже.

Тут тебе и дельце с каникулами — год-другой пребывания на чужой планете за каких-нибудь шесть часов. Надо будет только подобрать ряд необязательных курсов по географии, или социальной науке, или как там их...

Можно создать информационное бюро или научно-исследовательское агентство, которое за приличное вознаграждение будет давать любые сведения из любой области.

Несомненно, в башне есть записи исторических событий с эффектом присутствия. Заполучив их, мы могли бы продавать в розницу приключения — совершенно безопасные приключения — мечтающим о них домоседам.

Я думал и об уйме других возможностей, не столь очевидных, но стоящих того, чтобы присмотреться к ним, и о том, как это профессора придумали наконец безошибочно эффективное средство обучения.

Если хочешь иметь представление о чем-нибудь, то познай это на собственном опыте, изучи на месте. Ты не

читаешь об этом, не слышишь рассказ и не смотришь стереоскопический фильм, а живешь этим. Ты ходишь по земле планеты, с которой хотел познакомиться, ты живешь среди существ, которых пожелал изучить; ты становишься свидетелем и, возможно, участником исторических событий, исследованием которых занимаешься.

Есть и другие способы использования такого обучения. Можно научиться строить собственными руками что угодно, даже космические корабли. Можно изучить, как работает чужестранная машина, собрав ее по порядку. Нет такой области знания, для изучения которой не годилось бы новое средство... и результаты оно даст гораздо лучшие, чем обычная система обучения.

Тогда же я твердо решил, что мы не выпустим из рук ни одной шашки, пока кто-нибудь из нас предварительно не ознакомится с ней. А вдруг в них окажется что-нибудь подходящее для практического применения?

Так я и уснул, думая о химических чудесах и новых принципах создания машин, о лучших способах ведения дел и о новых философских идеях. Я даже прикинул, как заработать кучу денег на философской идее.

Итак, наша наверняка взяла. Мы создадим компанию, которая будет заниматься такой разносторонней деятельностью, что нас никому не одолеть. Мы будем жить, как боги. Разумеется, лет через тысячу придет время расплаты, но никого из нас уже не будет в живых.

Док протрезвился только под утро, и я приказал Фросту затолкать его в корабельный карцер. Он больше не был опасен, но я считал, что посидеть взаперти ему не помешает. Немного погодя я собирался потолковать с ним, но пока я был слишком занят, чтобы возиться с этим делом.

Я отправился в башню вместе с Хэчем и Блином и на машине с двумя сиденьями провел еще одно совещание с профессором. Мы отобрали кучу необязательных курсов и решили разные вопросы.

Другие профессора стали выдавать нам курсы, уложенные в ящики и снабженные этикетками, и мне пришлось вызвать всю команду, чтобы перетаскивать ящики и машины на корабль.

Мы с Хэчем вышли из башни и наблюдали за работой.

— Никогда не думал, — сказал Хэч, — что мы и в самом деле сорвем куш. Положа руку на сердце скажу — никогда не думал. Я всегда считал, что мы так, только воздух толкаем. Вот тебе пример, как может ошибаться человек.

— Эти профессора — какие-то придурки, — сказал я. — Ни одного вопроса мне не задали. Я хоть сейчас придумаю целую кучу вопросов, которые они могли бы задать и мне нечего было бы ответить.

— Они честные и думают, что все такие. Вот что получается, когда влезешь по уши в одно дело и ни на что другое времени не остается.

Что верно, то верно. Эта раса профессоров трудилась миллион лет... работы хватит еще на миллион лет и еще на миллион... не видно ей ни конца ни края.

— Не могу сообразить, зачем они это делают, — сказал я. — Что им за выгода?

— Для них-то выгоды нет, — ответил Хэч, — а для нас есть. Скажу я тебе, капитан, придется голову полотать, как это все лучше использовать.

Я рассказал ему, что я придумал насчет предварительного ознакомления с шашками, чтобы не упустить ничего.

Хэч был в восторге,

— Да, капитан, ты своего не упустишь. Так и надо. Мы из этого дела выдويم все до последнего цента.

— Мне кажется, мы должны заниматься предварительным знакомством по порядку, — сказал я. — Начать с самого начала и... до конца.

Хэч сказал, что он думал о том же.

— Но на это уйдет уйма времени, — предупредил он.

— Вот поэтому надо начать сейчас же. Основной, ориентировочный курс уже на борту. Можем начать с него. Надо только запустить машину, Блин тебе поможет.

— Поможет мне! — завопил Хэч. — Кто сказал, что это должен делать я? Да я для этого совсем не гожусь. Ты же сам знаешь, я сроду ничего не читал...

— А это не чтение. Ты будешь жить в этом. Будешь развлекаться, пока остальные пупки себе надрывают.

— Не буду я.

— Послушай, — сказал я, — давай немного пораскинем мозгами. Мне надо быть здесь, у башни, и следить, чтобы все шло как следует. И профессору я могу понадобиться для очередного совещания. Фрост управляет погрузкой. Док на губе. Остаешься ты с Блином. Доверить предварительное ознакомление Блину я не могу. Он слишком рассеянный. Целое состояние может проскользнуть мимо него, а он и не почешется. А ты человек сообразительный, у тебя есть чувство ответственности, и я считаю...

— Ну, коли так, — сказал Хэч, напыжившись от гордости, — мне кажется, самый подходящий человек для этого дела — я.

К вечеру мы устали как собаки, но настроение было прекрасное. Погрузка началась отлично, и через несколько дней мы уже будем лететь к дому.

Хэч за ужином был какой-то задумчивый. К еде едва притронулся. Он не говорил ни слова и сидел с таким видом, будто у него что-то на уме.

При первом же удобном случае я спросил его:

— Как дела, Хэч?

— Ничего, — сказал он. — Болтовня всякая. Объясняют, что к чему. Болтовня.

— А что говорят?

— Да не говорят... в общем трудно выразить это словами. Может, у тебя на днях найдется время поговорить самому?

— Можешь быть уверен, что я это сделаю, — сказал я, слегка разозлившись.

— Пока в этом деле деньгами и не пахнет, — сказал Хэч.

Тут я ему поверил. Хэч углядел бы доллар и за двадцать миль.

Я пошел к корабельному карцеру посмотреть, что там подделывает Док. Он был трезвый. И не раскаявшийся.

— На этот раз ты превзошел самого себя, — сказал он. — Продавать эти штуковины ты не имеешь права. В башне хранятся знания, принадлежащие всей Галактике... бесплатные...

Я рассказал ему, что случилось, как мы узнали, что башня — это университет, и как мы на самом законном основании грузим на корабль курсы, предназначенные для человечества. Я изобразил все так, будто мы делали благое дело, но Док не поверил ни единому слову.

— Ты бы даже своей умирающей бабушке не дал глотка воды, если бы она не заплатила вперед, — сказал он. — Так что не заливай-ка ты мне тут о служении человечеству.

Итак, я оставил его еще потомиться в карцере, а сам пошел к себе в каюту. Я сердился на Хэча, весь кипел от слов Дока и до изнеможения устал. Уснул я тотчас.

Работа продолжалась еще несколько дней и уже приближалась к концу.

Я был очень доволен. После ужина я спустился по трапу, сел у корабля на землю и посмотрел на башню. Она была все такая же большая и величественная, но уже не казалась столь большой, как в первый день, — ослабло чувство удивления не только перед ней, но и перед той целью, ради которой ее построили.

Стоит нам снова попасть в нашу родную цивилизацию, пообещал я себе, как мы сразу развернемся. Вероятно, стать законными хозяевами планеты нам не удастся, потому что профессора — существа разумные, а владеть планетой с разумными существами нельзя, но есть много других способов прибрать ее к рукам.

Я сидел и удивлялся, почему это никто не спускается посидеть со мной. Так и не дождавшись никого, я наконец полез по трапу.

Я опять пошел к корабельному карцеру, чтобы поговорить с Доком. Он по-прежнему не смирился, но и не был настроен особенно враждебно.

— Знаешь, капитан, — сказал он, — временами у нас были разные взгляды на вещи, но я уважал тебя, а порой ты мне даже нравился.

— К чему ты это клонишь? — спросил я. — Думаешь, такие разговорчики помогут тебе выкарабкаться отсюда?

— Тут кое-что заваривается, и, наверно, тебе это надо знать. Ты откровенный негодяй. Ты даже не возьмешь на себя труд отрицать это. Ты человек неразборчивый в средствах и бессовестный, и в этом нет ничего дурного, потому что ты не лицемеришь. Ты...

— Выкладывай, в чем дело! Если сам не скажешь, я войду и такое учиню, что ты у меня сразу заговоришь.

— Хэч приходил сюда несколько раз, — сказал Док. — Приглашал подняться наверх и послушать те записи, с которыми он возится. Говорил, что это точнехонько по моей части. Сказал, что я не пожалею. Но в том, как он себя вел, было что-то не то. Что-то трусливое. — Он уставился на меня из-за решетки. — Ты же знаешь, капитан, Хэч никогда не был трусом.

— Давай, продолжай!

— Хэч сделал какое-то открытие, капитан. На твоём месте я делал бы такие открытия сам.

Я умчался, даже не ответив ему. Я вспомнил, как вел себя Хэч: он почти не ел и был задумчив, неразговорчив. Кстати, кое-кто ещё тоже вел себя странно. Просто я был слишком занят и не обращал на это внимания.

Избегая по аппаратам, я ругался на каждом шагу. Как бы ни был занят капитан, он никогда не должен упускать из виду свою команду... не упускать ни на минуту. И все из-за спешки, из-за желания скорее загрузиться и удрать, пока что-нибудь не случилось.

И вот что-то все-таки случилось. Никто не спустился посидеть со мной. За ужином не было сказано и десятка слов. Чувствовалось, что все идет шиворот-навыворот.

Блин с Хэчем занимались предварительным знакомством с записями в штурманской рубке. Ворвавшись в рубку, я захлопнул дверь и прислонился к ней спиной.

Кроме Хэча и Блина, там был Фрост, а на плетённом сиденье машины устроился человек, в котором я признал одного из подчинённых Хэча,

Я стоял, не говоря ни слова, а все трое смотрели на меня. Человек со шлемом на голове не заметил моего прихода... да его тут и не было.

— Ну, Хэч, — сказал я, — выкладывай начистоту. Что все это значит? Почему этот человек занимается предварительным знакомством? Я думал, что только ты и...

— Капитан, — сказал Фрост, — мы как раз собирались сказать тебе.

— Молчать! Я спрашиваю Хэча!

— Фрост верно сказал, — стал объяснять Хэч. — Мы давно хотели тебе все рассказать. Да ты был очень занят, и так как нам немного трудно...

— Что здесь трудного?

— Ну, ты решил во что бы то ни стало разбогатеть. И поэтому нашу новость мы хотим сообщить тебе осторожно.

Я подошел к ним.

— Не понимаю, о чем вы говорите... Ведь нам же по-прежнему светит большая прибыль. Ты знаешь, Хэч, если я возьмусь... от тебя только мокрое место останется, и, если не хочешь быть битым, выкладывай-ка все побыстрее.

— Никакая прибыль нам не светит, капитан, — спокойно сказал Фрост. — Мы увезем эти штуковины и сдадим их властям.

— Да вы все с ума посходили! — взревел я. — Сколько лет, сколько сил мы убили, охотясь за кушем! А теперь, когда он уже у нас в кармане, когда мы можем ходить босиком по горе тысячедолларовых бумажек, вы тут передо мной строите из себя святую невинность. Какого...

— Если бы мы это сделали, мы поступили бы нечестно, сэр.

И это «сэр» испугало меня больше всего. До сих пор Блин не величал меня так ни разу.

Я переводил взгляд с одного на другого, и от выражения их лиц у меня мороз по коже пошел. Они все до единого были согласны с Блином.

— Это все курс ориентации! — крикнул я.

Хэч кивнул.

— В нем говорится о честности и чести.

— А что вы, мерзавцы, понимаете в честности и чести? — взвился я. — Вы сроду не знали, что такое честность.

— Прежде не знали, — сказал Блин, — а теперь знаем.

— Это же пропаганда! Просто профессора подложили нам свинью!

Подложили свинью, как пить дать. Но надо признаться, эти профессора — великие доки. Не знаю уж, то ли они считали человечество бандой подлецов, то ли курс ориентации был у них для всех один. Не удивительно, что они не задавали мне вопросов. Не удивительно, что они не провели расследования до того, как вручить нам свои знания. Мы и шагу не ступили, как нас стреножили.

— Узнав, что такое честность, — сказал Фрост, — мы решили, что поступим правильно, познакомив с курсом ориентации остальных членов команды. Прежде мы вели отвратительную жизнь, капитан.

— И вот, — продолжал Хэч, — мы стали приводить сюда одного за другим и ориентировать их. Мы считали, что должны сделать хоть это. Сейчас этим делом занят один из последних.

— Миссионеры, — сказал я Хэчу. — Вот вы кто. Помнишь, что ты мне говорил однажды вечером? Ты сказал, что не станешь миссионером, хоть озолоти.

— Напрасно стараетесь,—холодно возразил Фрост.— Вам не пристыдить нас и не запугать. Мы знаем, что мы правы.

— А деньги! А как же с компанией? Мы же все продумали!

— Забудьте и об этом, капитан. Когда вы пройдете курс...

— Никакого курса я проходить не буду! — Наверно, голос у меня был грозный, но я уже понял, что ни один из них не бросится на меня. — Эй, вы, ханжи, миссионеришки несчастные, если вам не терпится заставить меня, попробуйте, давайте...

Они по-прежнему не двигались с места. Я запугал их. Но спорить с ними не было никакого толку. Я не мог пробиться сквозь каменную стену честности и чести.

Я повернулся к ним спиной и пошел к двери. На пороге я остановился и сказал Фросту:

— Советую выпустить Дока и тоже накачать его честностью. Скажи, что на меня это подействовало. Это то, что ему надо. Туда ему и дорога.

Хлопнув дверью, я поднялся по аппарели в свою каюту. Я запер дверь, чего прежде никогда не делал.

Я сел на край койки и, уставившись на стену, задумался.

Они забыли одно: корабль был мой, а не их. Они были всего-навсего командой, срок контракта с ними давно истек и ни разу не возобновлялся.

Я стал на четвереньки и полез за жестяным ящиком, в котором хранил бумаги. Внимательно просмотрев их, я отложил те, которые мне были нужны, — документ, подтверждающий мое право собственности на корабль, выписку из регистра и последние контракты, подписанные командой.

Я положил документы на койку, отпихнул ящик с дороги и снова сел.

Взяв бумаги, я стал тасовать их.

Команду можно было бы вышвырнуть из корабля хоть сейчас. Я мог взлететь без них, и они ничего, совершенно ничего не могли бы поделать.

Более того, я мог улететь совсем. Это был бы, разумеется, законный, но подлый поступок. Теперь, когда они стали честными и благородными людьми, они бы склонились перед законом и дали бы мне возможность улететь. И винить им было бы некого, кроме самих себя.

Я долго сидел и думал, но мысли мои снова и снова возвращались к прошлому; я вспоминал, как Блин попал в переделку на одной планете в системе Енотоя шкура, как Док влюбился в... трехполое существо на Сиро и как Хэч скупил по дешевке все спиртное на Мунко, а потом проиграл его, увлекшись чем-то вроде нашей игры в кости — только вместо костяшек там были странные крохотные живые существа, с которыми нельзя было мухлевать, и Хэчу пришлось туго.

В дверь постучали.

Это был Док.

— Тебя тоже распирает от честности? — спросил я его.

Он содрогнулся.

— Только не меня. Я отказался.

— Это та же бодяга, которую ты тянул всего дня два назад.

— Неужели ты не понимаешь, — спросил Док, — что теперь станет с человечеством?

— Конечно, понимаю. Оно станет честным и благородным. Никто никогда не будет ни обманывать, ни красть, и станет не жизнь, а малина...

— Все подохнут от тяжелой формы скуки, — сказал Док. — Жизнь станет чем-то средним между бойскаутским слетом и дамскими курсами кройки и шитья. Не станет шумных перебранок, все будут вести себя до тошноты вежливо и прилично.

— Значит, твои убеждения переменились?

— Не совсем, капитан. Но ведь так же нельзя. Все, чего достигло человечество, было добыто в процессе социальной эволюции. Мошенники и негодяи необходимы для прогресса не меньше, чем дальновидные идеалисты. Они как человеческая совесть, без них не проживешь.

— На твоём месте, Док, я бы не слишком беспокоился о человечестве. Это великое дело, и не нашего оно ума. Даже слишком большая доза честности не искалечит человечества навеки.

А вообще-то мне было все равно. Меня одолевали совсем другие заботы.

Док подошел ко мне и сел рядом на койку. Он наклонился и постучал пальцем по документам, которые я все еще держал в руках.

— Я вижу, ты уже решил, — сказал он.

Я уныло кивнул.

— Да.

— Я так и знал.

— Все предусмотрел. Вот почему ты переметнулся.

Док энергично покачал головой.

— Нет. Поверь мне, капитан, я страдаю не меньше тебя.

— Куда ни кинь, все клин, — сказал я, тасуя документы. — Они летали со мной по доброй воле. Разумеется, контракта они не возобновили. Но это и не нужно было. Все было понятно само собой. Мы все делили поровну. Не менять же теперь наших отношений. И по-старому быть не может. Если бы мы даже согла-

сились выкинуть груз, взлететь и никогда больше не вспоминать о нем, все равно так просто не отделаешься. Это засело в нас навсегда. Прошлого не вернешь, Док. Его похоронили. Разбили на куски, которых нам теперь уже не склеить.

У меня было такое чувство, будто я истошно кричу. Давно уж мне не было так больно.

— Теперь они совсем другие люди, — продолжал я. — Они взяли да переменились, и прежними они больше никогда не будут. Даже если они снова станут, какими были, все пойдет не так, как прежде.

Док подпустил шпильку:

— Человечество поставит тебе памятник. За то, что ты привезешь машины, тебе поставят памятник, может, даже на самой Земле, где стоят памятники всем великим людям. У человечества глупости на это хватит.

Я вскочил и стал бегать из угла в угол.

— Не хочу я никаких памятников. И машины я не привезу. Мне нет до них больше никакого дела.

Я жалел, что мы вообще нашли эту силосную башню. Что она мне дала? Из-за нее только лучшую команду потерял и лучших на свете друзей!

— Корабль мой, — сказал я. — Больше мне ничего не надо. Я доведу груз до ближайшего пункта и выброшу там. Хэч и все прочие могут катиться ко всем чертям. Пусть их наслаждаются своей честностью и чстью. А я наберу другую команду.

Может быть, подумал я, когда-нибудь все будет почти как прежде. Почти как прежде, да не совсем.

— Мы будем продолжать охотиться, — сказал я. — Мы будем мечтать о куче. Мы сделаем все, чтобы найти его. Все силы положим. Ради этого мы будем нарушать все законы — и божьи, и человеческие. И знаешь что, Док?

— Не знаю.

— Я надеюсь, куш нам больше не попадется. Я не хочу его находить. Я хочу просто охотиться.

Мы помолчали, припоминая те дни, когда охотились за кушем.

— Капитан, — сказал Док, — меня ты возьмешь с собой?

Я кивнул. Какая разница? Пусть его.

— Капитан, помнишь те холмы, в которых живут насекомые на Сууде?

— Конечно. Разве их забудешь?

— Видишь ли, я придумал, как в них проникнуть. Может, попробуем? Там на миллиард...

Я чуть было не проломил ему голову.

Теперь я рад, что этого не сделал.

Мы летим именно на Сууд.

Если план Дока сработает, мы еще, может быть, сорвем куш!

ДЕТСКИЙ САД

Он отправился на прогулку ранним утром, когда солнце стояло низко над горизонтом; прошел мимо полуразвалившегося старого коровника, пересек ручей и по колено в траве и полевых цветах стал подниматься по склону, на котором раскинулось пастбище. Мир был еще влажен от росы, а в воздухе держалась ночная прохлада.

Он отправился на прогулку ранним утром, так как знал, что утренних прогулок у него осталось, наверно, совсем немного. В любой день боль может прекратить их навсегда, и он был готов к этому... уже давно готов.

Он не спешил. Каждую прогулку он совершал так, будто она была последней, и ему не хотелось пропустить ничего... ни заданных кверху мордашек — цветов шиповника со слезинками-росинками, стекающими по их щекам, ни переклички птиц в зарослях на меже.

Он нашел машину рядом с тропинкой, которая проходила сквозь заросли на краю оврага. С первого же взгляда он почувствовал раздражение: вид у нее был не просто странный, но даже какой-то необыкновенный, а он сейчас мог и умом и сердцем воспринимать лишь обычное. Машина — это сама банальность, нечто привычное, главная примета современного мира и жизни, от которой он бежал. Просто машина была неуместна на этой заброшенной ферме, где он хотел встретить последний день своей жизни.

Он стоял на тропинке и смотрел на странную машину, чувствуя, как уходит настроение, навейное цветами, росой и утренним щебетанием птиц, и как он

остается наедине с этой штукой, которую всякий принял бы за беглянку из магазина бытовых приборов. Но, глядя на нее, он мало-помалу увидел в ней и другое и понял, что она совершенно не похожа на все когда бы то ни было виденное или слышанное... и уж, конечно, меньше всего — на бродячую стиральную машину или заматающий следы преступлений сушильный шкаф.

Во-первых, она сияла... это был не блеск металлической поверхности, не глянец глазурованного фарфора... сияла каждая частица вещества, из которого она была сделана. Он смотрел прямо на нее, и у него было ощущение, будто он видит ее насквозь, хотя он и не совсем ясно различал, что у нее там, внутри. Машина была прямоугольная, примерно фута четыре в длину, три — в ширину и два — в высоту; на ней не было ни одной кнопки, переключателя или шкалы, и это само по себе говорило о том, что ею нельзя управлять.

Он подошел к машине, наклонился, провел рукой по верху, хотя вовсе не думал подходить и дотрагиваться до нее, и лишь тогда сообразил, что ему, по-видимому, следует оставить машину в покое. Впрочем, ничего не случилось... по крайней мере сразу. Металл или то, из чего она была сделана, на ощупь казался гладким, но под этой гладкостью чувствовалась страшная твердость и пугающая сила.

Он отдернул руку, выпрямился и сделал шаг назад.

Машина тотчас щелкнула, и он совершенно определенно почувствовал, что она щелкнула не для того, чтобы произвести какое-нибудь действие или включиться, а для того, чтобы привлечь его внимание, дать ему знать, что она работает, что у нее есть свои функции и она готова их выполнять. И он чувствовал, что, какую бы цель она ни преследовала, сделает она все очень искусно и без всякого шума.

Затем она снесла яйцо.

Почему он подумал, что она поступит именно так, он не мог объяснить и потом, когда пытался осмыслить это.

Во всяком случае, она снесла яйцо, и яйцо это было куском нефрита, зеленого, насквозь пронизанного молочной белизной, искусно выточенного в виде какого-то гротескного символа.

Взволнованный, на мгновение забыв, как материализовался нефрит, он стоял на тропинке и смотрел на зеленое яйцо, увлеченный его красотой и великолепным мастерством отделки. Он сказал себе, что это самое прекрасное произведение искусства, которое он когда-либо видел, и он точно знал, каким оно будет на ощупь. Он заранее знал, что станет восхищаться отделкой, когда начнет внимательно рассматривать нефрит.

Он наклонился, поднял яйцо и, любовно держа его в ладонях, сравнивал с теми вещицами из нефрита, которыми занимался в музее долгие годы. Но теперь, когда он держал в руках нефрит, музей тонул где-то далеко в дымке времени, хотя с тех пор, как он покинул его стены, прошло всего три месяца.

— Спасибо, — сказал он машине и через мгновение подумал, что делает глупость, разговаривая с машиной так, будто она была человеком.

Машина не двигалась с места. Она не щелкнула, не пошевелилась.

В конце концов он отвернулся от нее и пошел вниз по склону, мимо коровника, к дому.

В кухне он положил нефрит на середину стола, чтобы не терять его из виду во время работы. Он разжег огонь в печке и стал подбрасывать небольшие

чурки, чтобы пламя разгоралось быстрее. Поставив чайник на плиту и достав из буфета посуду, он накрыл на стол, поджарил бекон и разбил о край сковородки последние яйца.

Он ел, не отрывая глаз от нефрита, который лежал перед ним, и все не переставал восхищаться отделкой, стараясь отгадать его символику. Он подумал и о том, сколько должен стоить такой нефрит. Дорого... хотя это интересовало его меньше всего.

Форма нефрита озадачила его — такой он никогда не видел и не встречал ничего подобного в литературе. Он не мог представить себе, что бы она значила. И все же в камне была какая-то красота и мощь, какая-то специфичность, которая говорила, что это не просто случайная вещь, а продукт высокоразвитой культуры.

Он не слышал шагов молодой женщины, которая поднялась по лестнице и прошла через веранду, и обернулся только тогда, когда она постучала. Она стояла в дверях, и при виде ее он сразу поймал себя на том, что думает о ней с таким же восхищением, как и о нефрите.

Нефрит был прохладным и зеленым, а ее лицо — резко очерченным и белым, но синие глаза имели тот же мягкий оттенок, что и этот чудесный кусок нефрита.

— Здравствуйте, мистер Шайе, — сказала она.

— Доброе утро, — откликнулся он.

Это была Мери Маллет, сестра Джонни.

— Джонни пошел ловить рыбу, — сказала Мери. — Они отправились с младшим сынишкой Смита. Молоко и яйца пришлось нести мне.

— Я рад, что пришли вы, — сказал Питер, — хотя не стоило беспокоиться. Я бы сам зашел за ними чуть попозже. Мне это пошло бы на пользу.

И тотчас пожалел о своих словах, потому что последнее время он думал об этом слишком много... мол, то-то и то-то надо делать, а того-то не надо. Что толку говорить о какой-то пользе, когда уже ничто не может помочь ему! Доктора дали понять это совершенно недвусмысленно.

Он взял яйца и молоко, попросил ее войти, а сам отнес молоко в погреб, потому что в доме не было электричества для холодильника.

— Вы уже позавтракали? — спросил он. Мери кивнула.

— Вот и хорошо, — добавил он сухо. — Готовлю я довольно скверно. Видите ли, я живу вроде как в палатке на лоне природы.

И опять пожалел о своих словах.

«Шайе, — сказал он про себя, — перестань быть таким сентиментальным».

— Какая хорошенькая вещичка! — воскликнула Мери. — Где вы ее взяли?

— Нефрит? Это странный случай. Я нашел его.

Она протянула руку, чтобы взять нефрит.

— Можно?

— Конечно, — сказал Питер.

Она взяла нефрит, а он наблюдал за выражением ее лица. Как и он тогда, она осторожно держала камень обеими руками.

— Вы это *нашли*?

— Ну, не то чтобы нашел, Мери. Мне его дали.

— Друг?

— Не знаю.

— Забавно.

— Не совсем. Я хотел бы показать вам этого... ну, чудака, который дал камень. Вы можете уделить мне минутку?

— Конечно, могу, — сказала Мери, — хотя мне надо спешить. Мама консервирует персики.

Они вместе прошли мимо коровника, пересекли ручей и оказались на пастбище. Шагая вверх по склону, он подумал, там ли еще машина... и вообще была ли она там.

Она была там.

— Какая диковина! — сказала Мери.

— Именно диковина, — согласился Питер.

— Что это, мистер Шайе?

— Не знаю.

— Вы сказали, что вам дали нефрит. Уж не хотите ли вы...

— Но так оно и было, — сказал Питер.

Они подошли к машине поближе и стояли, наблюдая за ней. Питер снова отметил, что она сияет, и вновь у него появилось ощущение, будто он может что-то разглядеть внутри... только очень смутно.

Мери наклонилась и провела пальцем по машине.

— Ощущение приятное, — сказала она. — Похоже на фарфор или...

Машина щелкнула, и на траву лег флакон.

— Мне?

Питер поднял крохотную бутылочку и подал ее Мери. Это была вершина стеклодувного мастерства: флакон сиял на свету всеми цветами радуги.

— Наверно, это духи, — сказал Питер.

Мери вынула пробку.

— Прелестно, — радостно прошептала она и дала понюхать Питеру. Это действительно было прелестно. Она заткнула флакон пробкой.

— Но, мистер Шайе...

— Не знаю, — сказал Питер. — Я просто ничего не знаю.

— Ну, хоть догадываетесь?

Он покачал головой.

— Вы нашли ее здесь?

— Я вышел прогуляться...

— И она ждала вас.

— Я не... — пытался возразить Питер, но потом ему вдруг пришло в голову, что это именно так: не он нашел машину, а она ждала его.

-- Она ждала, да?

— Вот теперь, когда вы сказали, мне кажется, что она ждала меня.

Может быть, она ждала не именно его, а любого человека, который пройдет по тропинке. Она ждала и хотела, чтобы ее нашли, ждала случая, чтобы сделать свое дело.

Кто-то оставил ее здесь. Теперь это ясно как день.

Он стоял на лугу с Мери Маллет, дочерью фермера (а кругом были знакомые травы, кусты и деревья, становилось все жарче и пронзительно стрекотали кузнечики, а где-то далеко позвякивал коровий колокольчик), и чувствовал, как мозг его леденит мысль, холодная и страшная мысль, за которой была чернота космоса и тусклая бесконечность времени. И он чувствовал, как чья-то чужая враждебная рука протянулась к теплу человечества и Земли.

— Вернемся, — сказал он.

Они вернулись через луг к дому и немного постояли у ворот.

— Может быть, нам что-то надо сделать? — спросила Мери. — Сказать кому-нибудь?

Он покачал головой.

— Сначала я хочу все обдумать.

— И что-нибудь сделать?

— Наверно, тут никто ничего поделать не сможет, да и надо ли?

Она пошла по дороге, а он смотрел ей вслед, потом повернулся и зашагал к дому.

Он достал косилку и стал выкашивать траву. После этого занялся цветочной клумбой. Циннии росли хорошо, но с астрами что-то случилось: они завяли. Что бы он ни делал, клумба все больше зарастает травой, которая душил культурные растения.

«После обеда, — подумал он, — я, наверно, отправлюсь ловить рыбу. Может быть, рыбная ловля пойдет мне на...»

Он поймал себя на этой мысли и не закончил ее.

Он сидел на корточках у цветочной клумбы, ковыряя землю кончиком садового совка, и думал о машине, оставшейся на лугу.

«Я хочу сначала все обдумать», — сказал он Мери. Но о чем тут можно думать?

Кто-то что-то оставил на его лугу... машину, которая щелкала, а когда ее поглаживали, делала подарки, словно яйца несла.

Что это значило?

Почему она там оказалась?

Почему она щелкала и раздавала подарки, когда ее гладили?

Может, она отвечала на ласку? Как собака, которая виляет хвостом?

Может быть, она благодарит? За то, что ее заметил человек?

Что это? Приглашение к переговорам?

Дружеский жест?

Ловушка?

И как она узнала, что он продал бы душу и за вдвое меньший кусочек нефрита?

Откуда ей было знать, что девушки любят хорошие духи?

Он услышал позади быстрые шаги и резко обернулся. По траве к нему бежала Мери.

Она опустилась рядом с ним на колени и схватила его за руку.

— Джонни тоже наткнулся на нее, — тяжело дыша, сказала она. — Я бежала всю дорогу. Они были вместе с сынишкой Смита. Они шли через луг с рыбной ловли...

— Может быть, нам надо сообщить о ней, — сказал Питер.

— Она им тоже сделала подарки. Джонни получил удилище с катушкой, а Оги Смит — бейсбольную битку и перчатку.

— Господи!

— И теперь они хвастаются перед всеми.

— Теперь это уже все равно, — сказал Питер. — По крайней мере мне так кажется.

— Но что это такое? Вы говорите, что не знаете. Но вы же думали. Питер, вы же что-нибудь придумали.

— Мне кажется, что это неземная штука, — сказал ей Питер. — У нее странный вид. Я никогда не видел и не слышал ничего подобного. Земные машины не дарят вещи, когда на них кладут руки. В наши машины сначала надо опустить монету. Она... она не с Земли.

— Вы хотите сказать, что она с Марса?

— И не с Марса, — сказал Питер. — И не из нашей солнечной системы. Нет никаких оснований предполагать, что в солнечной системе живут другие разумные существа, а уж о такой разумной машине и говорить не приходится.

— Что значит... не из нашей солнечной системы?..

— С какой-нибудь другой звезды.

— Звезды так далеко! — возразила она.

Так далеко, подумал Питер. Так далеко для людей. До них можно добраться только в мечтах. Они так далеки, так равнодушны и холодны. А машина...

— Похожа на игорную машину, — сказал он вслух, — только выдает выигрыш всегда, даже если в нее не опускают монеты. Это же безумие, Мери. Вот почему она не с Земли. Ни одна земная машина, созданная земным изобретателем, этого делать не будет.

— Теперь все соседи пойдут туда, — сказала Мери.

— Конечно. Они пойдут за подарками.

— Но ведь она не очень большая. В ней не поместились бы подарки для всей округи. Даже для тех подарков, что она уже раздала, едва хватит места.

— Мери, а Джонни хотел, чтобы у него был спиннинг?

— Он только об этом и говорил.

— А вы любите духи?

— У меня никогда не было хороших духов. Одни дешевые. — Она нервно хохотнула. — А вы? Вы любите нефрит?

— Я, как говорится, немного разбираюсь в нефрите. И питаю страсть к нему.

— Значит, эта машина...

— Дает каждому то, что он хочет, — закончил фразу Питер.

— Это страшно, — сказала Мери.

Не верилось, что можно испугаться в такой день... сияющий летний день, когда на западе небо окаймляют белые облака и само небо как голубой шелк... день, когда не может быть дурного настроения... день такой же обычный для земли, как кукурузное поле.

Когда Мери ушла, Питер вернулся в дом и приготовил обед. Он ел его, сидя у окна, и наблюдал за соседями. По двое, по трое они шли через луг со всех сторон, они шли к его лугу от своих ферм, бросив сенокосилки и культиваторы, бросив работу в середине дня только ради того, чтобы взглянуть на машину. Они стояли вокруг и разговаривали, топчя ногами кусты, в которых он нашел машину, и время от времени до него доносились их высокие, пронзительные голоса; но он не мог разобрать, что они говорят, так как расстояние смазывало и искажало слова.

Со звезд, подумал оп. С какой-то звезды. И если даже это фантазия, я имею право на нее. Первый контакт. И как все продумано! Если бы чужое существо само прибыло на Землю, женщины с визгом разбежались бы по домам, а мужчины схватились за ружья, и все пошло бы прахом.

Но машина... это другое дело. Ничего, что она не похожа на людей. Ничего, что она ведет себя немного странно. В конце концов, это только машина. Это уже как-то можно понять. И в том, что она делает подарки, нет ничего плохого.

После обеда Питер вышел и присел на ступеньку. Подошли соседи и стали показывать, что им подарила машина. Они расселись вокруг и разговаривали, все были возбуждены и озадачены, но никто не был напуган.

Среди подарков были ручные часы, торшеры, пишущие машинки, соковыжималки, сервизы, серебряные шкатулки, рулоны драпировочной материи, ботинки, охотничьи ружья, наборы инструментов для резьбы по дереву, галстуки и многое другое. У одного подростка была дюжина капканов для ловли скунсов, а у другого — велосипед.

«Современный ящик Пандоры, — подумал Питер, — сделанный умными чужаками и доставленный на Землю».

Слух, по-видимому, уже распространился, и теперь люди приезжали даже в машинах. Одни оставляли машины на дороге и шли по лугу пешком, другие заезжали во двор коровника и оставляли там автомобили, даже не спрашивая разрешения.

Немного спустя они возвращались с добычей и уезжали. На лугу была толчея. Питеру это зрелище напоминало окружающую ярмарку или сельский праздник.

К вечеру все разошлись. Ушли даже те соседи, которые заглянули к нему, чтобы перекинуться несколькими словами и показать подарки. Питер отправился на луг.

Машина была все еще там и уже начала что-то строить. Она выложила из камня, похожего на мрамор, платформу — нечто вроде фундамента для здания. Фундамент имел метра четыре в длину и метра три в ширину, опоры его, сделанные из того же камня, ушли в землю.

Питер присел на пенёк. Отсюда открывался мирный деревенский вид. Он казался еще более красивым и безмятежным, чем прежде, и Питер всем своим существом ощущал прелесть этого вечера.

Солнце село всего полчаса назад. Небо на западе было нежно-лимонного цвета, постепенно переходившего в зеленый, кое-где виднелись бродячие розовые облачка, а на землю уже опустились синие сумерки. Из кустов и живых изгородей неслись мелодичные птичьи трели, а над головой шелестели крыльями стремительные ласточки.

Это земля, подумал Питер, мирная земля людей, пейзаж, созданный руками земледельцев. Это земля цветущей сливы, горделивых красных коровников, полосок кукурузы, ровных, как ружейные стволы.

Без всякого вмешательства извне Земля миллионы лет создавала все это... плодородную почву и жизнь. Этот уголок Галактики жил своими маленькими заботами.

А теперь?

Теперь наконец кто-то решил вмешаться.

Теперь наконец кто-то (или что-то) прибыл в этот уголок Галактики, и отныне Земля перестала быть одинокой.

Самому Питеру было уже все равно. Он скоро умрет, и нет ничего на свете, что могло бы иметь для него какое-либо значение. Ему оставались только ясность утра и вечерний покой, каждый день был у него на счету, и ему хотелось получить лишь немного радости, которая выпадает на долю живых.

Но другим не все равно... Мери Маллет и ее брату Джонни, сыночку Смита, который получил бейсбольную биту и перчатку, всем людям, приходившим на его луг, и тем миллионам людей, которые не бывали тут и еще ничего не слышали.

Здесь, на одинокой ферме, затерявшейся в кукурузных полях, без всяких театральных эффектов разыгрывается величайшая драма Земли. Именно здесь.

— Что вы собираетесь сделать с нами? — спросил он у машины.

И не получил ответа.

Питер и не ждал его. Он сидел и смотрел, как сгущаются тени, как зажигаются огни в домах, разбросанных по земле. Где-то далеко залаяла собака,

откликнулись другие, за холмами в вечерней тишине звякали коровьи колокольчики.

Наконец, когда уже совсем стемнело, он медленно пошел к дому.

В кухне он нащупал лампу и зажег ее. На кухонных часах было почти девять... время передачи последних известий.

Он пошел в спальню и включил радио. Он слушал последние известия в темноте.

Новости были хорошие. В этот день никто в штате не умер от полиомиелита и заболел только один человек.

«Разумеется, успокаиваться еще рано, — говорил диктор, — но это, несомненно, перелом в ходе эпидемии. За прошедшие сутки не зарегистрировано ни одного нового случая. Директор департамента здравоохранения штата заявил...»

Он стал читать заявление директора департамента здравоохранения, который отделался общими фразами, так как сам не знал, что происходит.

«Впервые почти за три недели, — сказал диктор, — день прошел без смертных случаев. Но, несмотря на это, продолжал он, все еще требуются медицинские сестры». Он добавил, что медицинских сестер настоятельно просят звонить по такому-то телефону.

Диктор перешел к решению большого жюри, не сказав ничего нового. Потом прочел прогноз погоды. Сообщил, что слушание дела об убийстве Эммета отложено еще на месяц.

Потом он произнес: «К нам только что поступило сообщение. Посмотрим, что...»

Слышно было, как зашуршала в руках бумага, как перехватило у него дыхание.

«В нем говорится, — сказал он, — что шерифа Джо Бернса только что известили о летающем блюдце, приземлившемся на ферме Питера Шайе около Маллет Корнерс. По-видимому, толком о нем никто ничего не знает. Известно только, что его нашли сегодня утром, но никто и не подумал известить шерифа. Повторяю — это все, что известно. Больше мы ничего не знаем. Не знаем, правда это или нет. Шериф поехал туда. Как только от него поступят известия, мы вам сообщим. Следите за нами...»

Питер встал и выключил радио. Потом он пошел на кухню за лампой. Поставил лампу на стол и снова сел, решив подождать шерифа Бернса.

Долго ждать ему не пришлось.

— Люди говорят, — сказал шериф, — что на вашей ферме приземлилось летающее блюдо.

— Я не знаю, шериф, летающее ли это блюдо.

— А что же это тогда?

— Почему я знаю, — ответил Питер.

— Люди говорят, оно раздает всякие вещи.

— Верно, раздает.

— Ну, если эта хреновина — рекламный трюк, — проговорил шериф, — намну же я кому-нибудь бока.

— Я уверен, что это не рекламный трюк.

— Почему вы не известили меня сразу? Утаить задумали?

— Мне как-то не пришло в голову, что нужно сообщить вам, — сказал ему Питер. — Я ничего не соби-
рался утаивать.

— Вы недавно в наших местах, что ли? — спросил шериф. — Вроде бы я вас раньше не видел. Я думал, что знаю всех.

— Я здесь три месяца.

— Люди говорят, что хозяйством вы не занимаетесь. Говорят, у вас нет семьи. Живете тут совсем один, ничего не делаете.

— Правильно, — ответил Питер.

Шериф ждал объяснений, но Питер молчал. Шериф подозрительно рассматривал его при тусклом свете лампы.

— Может, покажете нам это летающее блюдце?

Питер, которому шериф уже порядком надоел, сказал:

— Я скажу вам, как найти его. Перейдете за коровником через ручей...

— Почему бы вам не пойти с нами, Шайе?

— Слушайте, шериф, я же объясняю вам дорогу. Будете слушать?

— Ну, конечно, — ответил шериф. — Конечно. Но почему бы вам...

— Я был там два раза, — сказал Питер. — И люди сегодня ко мне все идут и идут.

— Ну, ладно, ладно, — сказал шериф. — Говорите, куда идти.

Питер объяснил, и шериф с двумя помощниками ушел.

Зазвонил телефон.

Питер поднял трубку. Звонили с той самой радиостанции, сообщения которой он слушал.

— Скажите, — спросил радиореporter, — это у вас там блюдце?

— Почему у меня? — сказал Питер. — Впрочем, что-то такое есть. Шериф пошел посмотреть на него.

— Мы хотим послать нашу телепередвижку, но прежде нам надо убедиться, что это не липа. Не возражаете, если мы пришьлем?

— Не возражаю. Присылайте.

— А вы уверены, что эта штука еще там?

— Там, там!

— Хорошо, может, тогда вы мне скажете...

Питер повесил трубку только через пятнадцать минут.

Телефон зазвонил снова.

Это был звонок из «Ассошиэтед пресс». Человек на другом конце провода был осторожен и скептичен.

— Говорят, у вас объявилось какое-то блюдо?

Питер повесил трубку через десять минут.

Телефон зазвонил почти сразу.

— Маклеланд из «Трибюн», — сказал усталый голос. — Я слышал какие-то вкраи...

Пять минут. Снова звонок. Из «Юнайтед пресс».

— Говорят, у вас приземлилось блюдо. А человечков маленьких в нем нет?

Пятнадцать минут.

Звонок. Это был раздраженный горожанин.

— Я только что слышал по радио, будто у вас опустилось летающее блюдо. Кому вы голову морочите? Вы отлично знаете, что никаких летающих блюд нет...

— Одну минуту, сэр, — сказал Питер и выпустил трубку. Она повисла на проводе, а Питер пошел на кухню, нашел там ножницы и вернулся. Он слышал, как разгневанный горожанин все еще пилил его, — голос, доносившийся из раскачивающейся трубки, был какой-то неживой.

Питер вышел из дома, отыскал провод и перерезал его. Когда он вернулся, трубка молчала. Он осторожно положил ее на место.

Потом он запер двери и лег спать. Вернее, лег в постель, но никак не мог заснуть. Он лежал под одеялом, уставившись в темноту и пытаясь привести в порядок рой мыслей, теснившихся в голове.

Утром он отправился гулять и увидел машину. Он положил на нее руку, и она дала ему подарок. Потом дарила еще и еще.

— Прилетела машина, раздающая подарки, — сказал он в темноту.

Умный, продуманный, тщательно разработанный первый контакт.

Контакт с людьми при помощи знакомого им, понятного, нестрашного. Контакт при помощи чего-то такого, над чем люди могут чувствовать свое превосходство. Дружелюбный жест... а что может быть большим признаком дружелюбия, чем вручение подарков?

Что это? Кто это?

Миссионер?

Торговец?

Дипломат?

Или просто машина и ничего больше?

Шпион? Искатель приключений? Исследователь? Разведчик? Врач? Судья? Индейский вождь?

И почему эта штука приземлилась здесь, на этом заброшенном клочке земли, на лугу его фермы?

И с какой целью? А с какой целью чаще всего прибывают на Землю все эти странные вымышленные существа в фантастических романах?

Покорять Землю, разумеется. Если не силой, то постепенным проникновением или дружеским убежде-

нием и принуждением. Покорять не только Землю, но и все человечество.

Радиореporter был возбужден, журналист из «Ассошиэтед пресс» возмущался тем, что его приняли за дурачка, представителю «Трибюн» было скучно, а тот, что из «Юнайтед пресс», просто болтун. Но горожанин рассердился. Его уже не раз угощали историями о летающих тарелках, и это было слишком.

Горожанин разозлился, потому что, замкнувшись в своем маленьком мирке, он не хотел никаких беспокойств, он не желал вмешательства. У него и своих неприятностей хватает, не доставало еще приземления какого-то блюдца. У него свои заботы: заработать на жизнь, поладить с соседями, подумать о завтрашнем дне, уберечься от эпидемии полиомиелита.

Впрочем, диктор сказал, что положение с полиомиелитом, кажется, улучшается: нет ни новых заболеваний, ни смертных случаев. И это замечательно, потому что полиомиелит — это боль, смерть, страх.

«Боль, — подумал он. — Сегодня не было боли. Впервые за много дней мне не было больно».

Он вытянулся и застыл под одеялом, прислушиваясь, нет ли боли. Он знал, где она пряталась, знал то место в своем теле, где она укрывалась. Он лежал и ждал ее, полный страха, что теперь, когда он подумал о ней, она даст о себе знать. Но боли не было. Он лежал и ждал, опасаясь, что одна лишь мысль о ней подействует как заклинание и выманит ее из укромного местечка. Боль не приходила. Он просил ее прийти, умолял показаться, всеми силами души старался выманить ее. Боль не поддавалась.

Питер расслабил мышцы, зная, что пока он в безопасности. Пока... потому что боль все еще пряталась

там. Она выжидала, искала удобного случая — она придет, когда пробьет ее час.

С беззаботной отрешенностью, стараясь забыть будущее и его страхи, он наслаждался жизнью без боли. Он прислушался к тому, что происходило в доме: из-за слегка просевших балок доски в полу скрипели, летний ветерок бился в стену, ветки вяза скреблись о крышу кухни.

Другой звук. Стук в дверь.

— Шайе! Шайе! Где вы?

— Иду, — отозвался он.

Он нашел шлепанцы и пошел к двери. Это был шериф со своими людьми.

— Зажгите лампу, — попросил шериф.

— Спички есть? — спросил Питер.

— Да, вот.

Ощупью Питер нашел в темноте руку шерифа и взял у него коробок спичек.

Он отыскал стол, провел по нему рукой и нашел лампу. Он зажег ее и посмотрел на шерифа.

— Шайе, — сказал шериф, — эта штуковина строит что-то.

— Я знаю.

— Что за чертовщина?

— Никакой чертовщины.

— Она дала мне это, — сказал шериф, положив что-то на стол.

— Пистолет, — сказал Питер.

— Вы когда-нибудь видели такой?

Да, это был пистолет примерно сорок пятого калибра. Но у него не было спускового крючка, дуло ярко блестело, весь он был сделан из какого-то белого полупрозрачного материала.

Питер поднял его — весил он не больше полуфунта.

— Нет, — сказал Питер. — Ничего подобного я никогда не видел. — Он осторожно положил его на стол. — Стреляет?

— Да, — ответил шериф. — Я испробовал его на вашем коровнике.

— Коровника больше нет, — сказал один из помощников.

— Ни звука, ни вспышки, ничего, — добавил шериф.

— Коровник исчез, и все, — повторил помощник, еще не оправившийся от удивления.

Во двор въехала машина.

— Пойди посмотри, кто там, — приказал шериф.

Один из помощников вышел.

— Не понимаю, — пожаловался шериф. — Говорят, летающее блюдо, а я думаю, никакое это не блюдо. Просто ящик.

— Это машина, — сказал Питер.

На крыльце послышались шаги, и в комнату вошли люди.

— Газетчики, — сказал помощник, который выходил посмотреть.

— Никаких заявлений не будет, ребята, — сказал шериф.

Один из репортеров обратился к Питеру:

— Вы Шайе?

Питер кивнул.

— Я Хоскинс из «Трибюн». Это Джонсон из «Ассошиэтед пресс». Тот малый с глупым видом — фотограф Лэнгли. Не обращайтесь на него внимания. — Он похлопал Питера по спине. — Ну и как оно тут, в самой гуще событий века? Здорово, а?

— Не шевелись, — сказал Лэнгли. Сработала лампа-вспышка.

— Мне нужно позвонить, — сказал Джонсон. — Где телефон?

— Там, — ответил Питер. — Он не работает.

— Как это? В такое время — и не работает?

— Я перерезал провод!

— Перерезали провод! Вы с ума сошли, Шайе?

— Слишком часто звонили.

— Ну и ну, — сказал Хоскинс. — Ведь надо же!

— Я его починю, — предложил Лэнгли. — Есть у кого-нибудь плоскогубцы?

— Пойдите, ребята, — сказал шериф.

— Поживей надевайте штаны, — сказал Питеру Хоскинс. — Мы хотим сфотографировать вас у блюда. Поставьте ногу на него, как охотник на убитого слона.

— Ну, послушайте же, — сказал шериф.

— Что такое, шериф?

— Тут дело серьезное. Поймите меня правильно. Нечего вам там, ребята, опиваться.

— Конечно, серьезное, — ответил Хоскинс. — Поэтому-то мы здесь. Миллионы людей ждут не дождутся известий.

— Вот плоскогубцы, — произнес кто-то.

— Сейчас исправлю телефон, — сказал Лэнгли.

— Что мы здесь топчемся? — спросил Хоскинс. — Пошли посмотрим на нее.

— Мне нужно позвонить, — ответил Джонсон.

— Послушайте, ребята, — уговаривал растерявшийся шериф. — Погодите...

— На что похожа эта штука, шериф? Думаете это блюдо? Большое оно? Оно что — щелкает или издает еще какой-то звук? Эй, Лэнгли, сними-ка шерифа.

— Минутку! — закричал Лэнгли со двора. — Я соединяю провод!

На веранде снова слышались шаги. В дверь просунулась голова.

— Автобус с телестудии, — сказала голова. — Это здесь? Как добраться до этой штуки?

Зазвонил телефон. Джонсон поднял трубку.

— Это вас, шериф.

Шериф протопал к телефону. Все прислушались.

— Да, это я, шериф Бернс... Да, оно там, все в порядке... Конечно, знаю. Я видел сго... Нет, что это такое, я не знаю... Да, понимаю... Хорошо, сэр... Слушаюсь, сэр... Я прослежу, сэр.

Он положил трубку и обернулся.

— Это военная разведка, — сказал он. — Никто туда не пойдет. Никому из дома не выходить. С этой минуты здесь запретная зона.

Он свирепо переводил взгляд с одного репортера на другого.

— Так приказано, — сказал он им.

— А, черт! — выругался Хоскинс.

— Я так торопился сюда, — заорал телерепортер, — и чтоб теперь сидеть взаперти и не...

— Теперь здесь распоряжаюсь не я, — сказал шериф. — Приказ дяди Сэма. Так что вы, ребята, не очень...

Питер пошел на кухню, раздул огонь и поставил чайник.

— Кофе там, — сказал он Лэнгли. — Пойду оденусь.

Медленно тянулась ночь. Хоскинс и Джонсон передали по телефону сведения, кратко записанные на сложенных гармошкой листках бумаги; разговаривая с Питером и шерифом, они царапали карандашом какие-то

непонятные знаки. После недолгого спора шериф решил Лэнгли доставить снимки в редакцию. Шериф шагал по комнате из угла в угол.

Ревело радио. Не переставая звонил телефон.

Все пили кофе и курили, пол был усеян раздавленными окурками. Прибывали все новые газетчики. Предупрежденные шерифом, они оставались ждать. Кто-то принес бутылку спиртного и пустил ее по кругу. Кто-то предложил сыграть в покер, но его не поддержали.

Питер вышел за дровами. Ночь была тихая, светилил звезды.

Он взглянул в сторону луга, но там ничего нельзя было рассмотреть. Он попытался разглядеть то пустое место, где прежде был коровник. Но в густой тьме увидеть коровник было трудно, даже если бы он и стоял там.

Что это? Мгла, сгущающаяся у смертного одра? Или последний мрачный час перед рассветом? Перед самой светлой, самой удивительной зарей в многотрудной жизни человечества?

Машина что-то строит там, строит ночью.

А что она строит?

Храм? Факторию? Миссию? Посольство? Форт? Никто не знает, никто не скажет этого.

Но, что бы она ни строила, это был первый аванпост, построенный чужаками на планете Земля.

Он вернулся в дом с охапкой дров.

— Сюда посылают войска, — сказал ему шериф.

— Раз-два — левой, — с невозмутимым видом командовал Хоскинс; сигарета небрежно повисла на его нижней губе.

— По радио только что передали, — добавил шериф. — Объявлен призыв пациональной гвардии.

Хоскинс и Джонсон выкрикивали военные команды.

— Вы, ребята, лучше не суйтесь к солдатам, — предупредил шериф. — Еще ткнут штыком...

Хоскинс издал звук, похожий на сигнал трубы. Джонсон схватил две ложки и изобразил стук копыт.

— Кавалерия! — закричал Хоскинс. — Вперед, ребята, ура!

— Ну, что вы как дети, — проговорил кто-то устало.

Медленно тянулась ночь, все сидели, пили кофе, курили. Никому не хотелось говорить.

Радиостанция наконец объявила, что передачи окончены. Кто-то стал крутить ручку, пытаясь поймать другую станцию, но батареи сели. Давно уже не звонил телефон.

До рассвета оставался еще час, когда прибыли солдаты. Они не маршировали и не гарцевали, а приехали на пяти крытых брезентом грузовиках.

Капитан зашел на минуту узнать, где лежит это проклятое блюдо. Это был беспокойный тип. Он даже не выпил кофе, а тотчас вышел и громко приказал шоферам ехать.

В доме было слышно, как грузовики с ревом умчались.

Стало светать. На лугу стояло здание, вид у него был непривычный, потому что оно возводилось вопреки всем строительным нормам. Тот, или скорее, то, что строило его, делало все шиворот-навыворот, так что видна была сердцевина здания, словно его предназначили к сносу и сорвали с него всю «оболочку».

Здание занимало пол-акра и было высотой с пятиэтажный дом. Первые лучи солнца окрасили его в розовый цвет; это был тот изумительный блекло-розовый тон, от которого становится теплее на душе, — вспоминается платье соседской девчушки, которое она надела в день рождения.

Солдаты окружили здание, утреннее солнце поблещивало на штыках винтовок.

Питер приготовил завтрак: напек целую гору оладий, изжарил яичницу с беконом, на которую ушли все его запасы, сварил галлона два овсяной каши, ведро кофе.

— Мы пошлем кого-нибудь за продуктами, — сказал Хоскинс. — А то мы вас просто ограбили.

После завтрака шериф с помощниками уехал в окружной центр. Хоскинс пустил шапку по кругу и тоже поехал в город за продуктами. Остальные газетчики остались. Автобус телестудии нацелился на здание широкоугольным объективом.

Телефон снова начал трезвонить. Журналисты по очереди брали трубку.

Питер отправился на ферму Маллет достать яиц и молока.

Мери выбежала ему навстречу, к калитке.

— Соседи боятся, — сказала она.

— Вчера они не боялись, — заметил Питер. — Они просто ходили и брали подарки.

— Но ведь все изменилось, Питер. Это уж слишком... Здание...

То-то и оно. Здание.

Никто не боялся безвредной на вид машины, потому что она была маленькая и дружелюбная. Она так приятно блестела, так мило щелкала и раздавала подарки. На первый взгляд внешне она ничем не отличалась от земных предметов и намерения ее были понятны.

Но здание было большое и, возможно, станет еще больше, и строилось оно шиворот-навыворот. Кто и когда видел, чтобы сооружение росло с такой быстротой — пять этажей за одну-единственную ночь?

— Как они это делают, Питер? — понизив голос, спросила Мери.

— Не знаю, — ответил Питер. — Тут действуют законы, о которых мы понятия не имеем, применяется технология, которая людям и в голову не приходила; способ созидания, в своей основе совершенно отличный от человеческого.

— Но это совсем такое же здание, какое могли бы построить и люди, — возразила она. — Не из такого камня, конечно... Наверное, в целом свете нет такого камня. Но в остальном ничего необычного в нем нет. Оно похоже на большую школу или универмаг.

— Мой нефрит оказался настоящим нефритом, — сказал Питер, — ваши духи — настоящими духами, а спиннинг, который получил Джонни, — обыкновенным спиннингом.

— Значит, они знают о нас. Они знают все, что можно узнать. Питер, они следят за нами!

— Несомненно.

Он увидел в ее глазах страх и привлек к себе. Она не отстранилась, и он крепко обнял ее, но тут же подумал, как странно, что именно у него ищут утешения и поддержки.

— Я глупая, Питер.

— Вы замечательная, — убежденно сказал он.

— Я не очень боюсь.

— Конечно, нет. — Ему хотелось сказать: «Я люблю тебя», но он знал, что этих слов он не скажет никогда. «Хотя боль, — подумал он, — боль сегодня утром не возвращалась».

— Я пойду за молоком и яйцами, — сказала Мери.

— Принесите, сколько можете. Мне надо накормить целую ораву.

Возвращаясь домой, он думал о том, что соседи уже боятся. Интересно, скоро ли страх охватит весь мир, скоро ли выкатят на огневые позиции пушки, скоро ли упадет атомная бомба.

Питер остановился на склоне холма над домом и впервые заметил, что коровник исчез. Он был стесан так аккуратно, будто его ножом отсекли, — остался только фундамент, срезанный наискось.

Интересно, пистолет все еще у шерифа? Питер решил, что у шерифа. А что тот будет делать с ним и почему он был подарен именно ему? Ведь из всех подарков это был единственный предмет, неизвестный на Земле.

На лугу, где еще вчера, кроме деревьев, травы и старых канав, поросших терновником, орешником да куманикой, ничего не было, теперь росло здание. Питеру показалось, что за час оно стало еще больше.

Вернувшись домой, Питер увидел, что все журналисты сидят во дворе и смотрят на здание.

Один из них сказал:

— Военное начальство прибыло. Ждет вас там.

— Из разведки? — спросил Питер.

Журналист кивнул.

— Полковник и майор.

Военные ждали в столовой. Полковник — седой, но очень моложавый. Майор был при усах, которые придавали ему весьма бравый вид.

Полковник представился:

— Полковник Уитмен. Майор Рокуэл.

Питер поставил молоко и яйца и поклонился.

— Это вы нашли машину? — спросил полковник.

— Да, я.

— Расскажите нам о ней, — попросил полковник. Питер стал рассказывать.

— А где нефрит? — сказал полковник. — Вы нам не покажете его?

Питер вышел на кухню и принес нефрит. Они передавали камень друг другу, внимательно рассматривали его, вертя в руках немного с опаской и в то же время с восхищением, хотя Питер видел, что они ничего не смыслят в нефрите.

Словно прочитав мысли Питера, полковник поднял голову и посмотрел на него.

— Вы разбираетесь в нефрите? — спросил полковник.

— Очень хорошо, — ответил Питер.

— Вам приходилось работать с ним прежде?

— В музее.

— Расскажите о себе.

Питер заколебался... но потом стал рассказывать.

— А почему вы здесь? — спросил полковник.

— Вы когда-нибудь лежали в больнице, полковник? Вы никогда не думали, какво умирать там?

Полковник кивнул.

— Я понимаю вас. Но здесь за вами нет никакого...

— Я постараюсь не заживаться...

— Да, да, — проговорил полковник. — Понимаю...

— Полковник, — сказал майор, — взгляните, пожалуйста, сюда, сэр. Тот же символ, что и на...

Полковник выхватил нефрит у него из рук.

— Тот же символ, что и над текстом письма! — воскликнул он.

Полковник поднял голову и пристально посмотрел на Питера, как будто впервые увидел его и очень удивился этому.

Вдруг в руке майора появился пистолет, холодный
глазок дула был направлен прямо на Питера.

Питер бросился было в сторону. Но не успел. Майор
выстрелил в него.

Миллион лет Питер падал сквозь призрачно-серую,
пронзительно воющую пустоту, сознавая, что это только
сон, что он падает в бесконечном атаквистическом сне,
доставшемся в наследство от тех невероятно далеких
предков, которые обитали на деревьях и жили в веч-
ном страхе перед падением. Ему хотелось ущипнуть
себя, чтобы проснуться, но он не мог этого сделать,
потому что у него не было рук, а потом оказалось, что
у него нет и тела, которое можно было бы ущипнуть.
Лишь его сознание неслоь сквозь бездну, у которой не
было ни конца, ни края.

Миллион лет Питер падал в пронзительно воющую
пустоту; сначала вой пронизывал его и заставлял вновь
и вновь корчиться в муках его душу (тела не было),
не доводя пытку до той крайности, за которой следует
спасительное безумие. Но со временем он привык к
этому вою, и, как только привык, вой прекратился, и
Питер падал в бездну в полной тишине, которая была
еще страшнее, чем вой.

Он падал, и падение это было вечным, а потом вдруг
вечности пришел конец, и наступил покой, и не было
больше падения.

Он увидел лицо. Лицо из невероятно далекого прош-
лого, которое он видел однажды и давно позабыл, и он
рылся в памяти, стараясь вспомнить, кто это.

Лицо расплывалось, оно качалось из стороны в сто-
рону, и остановить его Питер никак не мог. Все по-

пытки его оказались тщетными, и он закрыл глаза, чтобы избавиться от этого лица.

— Шайе, — позвал чей-то голос. — Питер Шайе.

— Уходи, — сказал Питер.

Голос пропал.

Питер снова открыл глаза, лицо было на старом месте: на этот раз оно не расплывалось и не качалось.

Это было лицо полковника.

Питер опять закрыл глаза, припоминая неподвижный глазок пистолета, который держал майор. Он отпрыгнул в сторону или хотел это сделать, но не успел. Что-то случилось, и миллион лет он падал, а теперь очнулся и на него смотрит полковник.

В него стреляли. Это очевидно. Майор выстрелил в него, и теперь он в больнице. Но куда его ранило? В руку? Обе руки целы. В ногу? Ноги тоже целы. Боли нет. Повязок нет. Повязок нет. Гипса нет.

Полковник сказал:

— Он только что приходил в себя, доктор, и тотчас снова потерял сознание.

— Он будет молодцом, — сказал врач. — Дайте только срок. Вы вогнали в него слишком большой заряд. Он придет в себя не сразу.

— Нам надо поговорить с ним.

— Вам придется подождать.

С минуту было тихо. Потом:

— А вы абсолютно уверены, что он человек?

— Мы обследовали его очень тщательно, — сказал врач. — Если он и не человек, то такая хорошая подделка, что нам его вовек не уличить.

— Он говорил мне, что у него рак, — сказал полковник, — притворялся, что умирает от рака. А вы не считаете, что если он не человек, то на худой конец он в любой момент мог сделать вид, будто у него...

— У него нет рака. Ни малейших признаков. Не было ничего похожего на рак. И не будет.

Даже с закрытыми глазами Питер почувствовал, как у полковника от недоверия и изумления открылся рот. Питер нарочно зажмурил глаза покрепче — боялся, что это уловка... хотят, чтобы открыл глаза.

— Врач, который лечил Питера Шайе, — сказал полковник, — четыре месяца назад говорил, что ему осталось жить полгода. Он сказал ему...

— Полковник, искать объяснение бесполезно. Могу сказать вам одно: у человека, лежащего на этой постели, рака нет. Он здоровяк, каких мало.

— В таком случае это не Питер Шайе, — упрямо заявил полковник. — Что-то приняло облик Питера Шайе, или сделало копию с него, или...

— Ну и ну, полковник, — сказал врач. — Не будем фантазировать.

— Вы уверены, что он человек, доктор?

— Я убежден, что он человеческое существо, если вы это имеете в виду.

— Неужели он ничем не отличается от человека? Нет никаких отклонений от нормы?

— Никаких, — сказал врач, — а если бы и были, то это еще не подтверждение ваших догадок. Незначительные мутационные различия есть у каждого. Людей под копирку не делают.

— Каждая вещь, которую дарила машина, чем-то отличалась от такой же вещи, но сделанной на Земле. Отличия небольшие и заметные не сразу, но именно они говорят, что предметы сделаны чужаками.

— Ну и пусть были отличия. Пусть эти предметы сделаны чужаками. А я все равно утверждаю, что наш пациент — самый настоящий человек.

— Но ведь получается такая цельная картина, — спорил полковник. — Шайе уезжает из города и покупает старую заброшенную ферму. В глазах соседей он чудак из чудаков. Уже самой своей чудаковатостью он привлекает к себе нежелательное внимание, но в то же время чудаковатость — это ширма для всех его необычных поступков. И если уж кому суждено было найти странную машину, так это только человеку вроде него.

— Вы стряпаете дело из ничего, — сказал врач. — Вам нужно, чтобы он чем-то отличался от нормального человека и подтвердил вашу нелепую догадку. Не обижайтесь, но, как врач, я расцениваю это только так. А вы мне представьте хотя бы один факт... подчеркиваю, факт, подкрепляющий вашу мысль.

— Что было в коровнике? — не сдавался полковник. — Хотел бы я знать! Не строил ли Шайе эту машину именно там? Не потому ли коровник и был уничтожен?

— Коровник уничтожил шериф, — возразил врач. — Шайе не имеет к этому никакого отношения.

— А кто дал пистолет шерифу? Машина Шайе, вот кто. И сам собой напрашивается вывод — чтение мыслей на расстоянии, гипноз, назовите как угодно...

— Давайте вернемся к фактам. Вы выстрелили в него из анестезирующего пистолета, и он тут же лишился сознания. Вы арестовали его. По вашему приказу он был подвергнут тщательному осмотру — это настоящее посягательство на свободу личности. Молите бога, чтобы он на вас не подал в суд. Он может призвать вас к ответу.

— Знаю, — неохотно согласился полковник. — Но вам надо разобраться. Нам надо выяснить, что это такое. Мы должны вернуть свою бомбу.

— Так бы и говорили — вас тревожит бомба.

— Висит она там, — дрогнувшим голосом сказал полковник. — Висит!

— Мне надо идти, — сказал врач. — Не волнуйтесь, полковник.

Шаги врача, вышедшего из комнаты, затихли в коридоре. Полковник немного походил из угла в угол и тяжело опустился на стул.

Питер лежал в постели и с каким-то неистовством повторял про себя снова и снова: «Я буду жить!»

Но ведь он должен был умереть. Он приготовился к тому дню, когда боль наконец станет невыносимой... Он выбрал место, где хотел дожить остаток дней, место, где достигнет его смертный час. И вот его помиловали. Каким-то способом ему вернули жизнь.

Он лежал на кровати, борясь с волнением и растущей тревогой, стараясь не выдать себя, не показать, что действие заряда, которым в него стреляли, уже прошло.

Врач сказал, что стреляли из анестезирующего пистолета. Что-то новое... он никогда не слышал. Впрочем, он читал о чем-то вроде этого. О чем-то связанном с лечением зубов, припоминал он. Это новый способ обезболивания, применяемый дантистами, — они опрыскивают десны струйкой анестезирующего вещества. Что-то в этом роде, только в сотни, в тысячи раз сильнее.

В него выстрелили, привезли сюда и осмотрели — и все из-за бредовых фантазий полковника разведки.

Фантазий? Забавно. Невольно, бессознательно быть чьим-то орудием. Разумеется, это нелепость. Потому что, насколько он помнит, в делах его, словах и даже в мыслях не было и намека на то, что он каким-то образом мог способствовать появлению машины на Земле.

А может быть, рак — это не болезнь, а что-то другое? Может, это какой-то незванный гость, который пробрался в тело человека и живет в нем. Умный чужак, прибывший издалека, одолевший несчетное число световых лет!

Но он знал, что эта фантазия подстать фантазии полковника: кошмар недоверия, который живет в сознании человека, средство самозащиты, которое вырабатывается подсознательно и готовит человечество к худшему, заставляя его держаться настороже.

Нет ничего страшнее неизвестности, ничто так не настораживает, как необъяснимое.

— Нам надо разобраться, — сказал полковник. — Надо выяснить, что это такое.

И весь ужас, разумеется, в том, что узнать ничего невозможно.

Питер решил наконец шевельнуться, и полковник тотчас сказал:

— Питер Шайе.

— Что, полковник?

— Мне нужно поговорить с вами.

— Хорошо, говорите.

Он сел в постели и увидел, что находится в больничной палате. Это было стерильно чистое помещение с кафельным полом и бесцветными стенами, а кровать, на которой он лежал, — обычная больничная койка.

— Как вы себя чувствуете? — спросил полковник.

— Так себе, — признался Питер.

— Мы поступили с вами крутовато, но у нас не было другого выхода. Видите ли, письмо, игровой и кассовый автоматы и многое другое...

— Вы уже говорили о каком-то письме.

— Вы что-нибудь знаете об этом, Шайе?

— Понятия не имею.

— Президент получил письмо, — сказал полковник. — Аналогичные письма были получены почти всеми главами государств на Земле.

— Что в нем написано?

— В этом-то и вся загвоздка. Оно написано на языке, которого на Земле никто не знает. Но там есть одна строчка — одна строчка во всех письмах, — ее можно прочесть. В ней говорится: «К тому времени, когда вы расшифруете письмо, вы будете способны действовать логично». Только это и удалось понять — одну строчку на языке той страны, которая получила письмо. А остальное — какая-то тарабарщина.

— Письмо не расшифровали?

Питер увидел, что полковнику становится жарко.

— Не то что слова, ни одной буквы...

Питер протянул руку к тумбочке, взял графин и наклонил его над стаканом. Графин был пуст.

Полковник встал со стула.

— Я принесу воды.

Он взял стакан и открыл дверь в ванную.

— Спускаю воду, чтобы была похолоднее, — сказал он.

Питер едва ли слышал его, потому что смотрел на дверь. На ней была задвижка, и если...

Полилась вода, шум ее заглушал голос полковника, он заговорил громче.

— Примерно тогда же мы стали находить эти машины, — сказал он. — Только представьте себе. Обыкновенная машина — автомат продает сигареты, но это не все. Что-то в нем следит за вами. Что-то изучает людей и их образ жизни. Во всех кассовых и игорных автоматах и других устройствах, которые мы сами же установили. Только теперь это не просто автоматы, а

наблюдатели. Они следят за людьми все время. Наблюдают, изучают.

Питер, бесшумно ступая босыми ногами, подошел к двери, захлопнул ее и закрыл на задвижку.

— Эй! — крикнул полковник.

Где одежда? Наверно, в шкафу. Питер подскочил и дернул дверцу. Вот она, висит на вешалке.

Он сбросил больничный халат, схватил брюки и натянул их. Теперь рубашку. В ящике. А где ботинки? Стоят тут же. Шнурки завязывать некогда.

Полковник дергал дверь и колотил в нее, но еще не кричал. Он закричит, но пока он заботится о своей репутации — не хочет, чтобы все узнали, как его провели.

Питер полез в карманы. Бумажник исчез. Остальное тоже — нож, часы, ключи. Наверное, вынули и положили в сейф, когда его привезли сюда.

Сейчас не до этого. Главное — скрыться.

В коридоре он постарался сдержать шаг. Прошел мимо сестры, но та даже не взглянула в его сторону.

Питер отыскал выход на лестницу, открыл дверь. Теперь можно и поторопиться. Он перепрыгивал через три ступеньки, шнурки мотались.

Питер подумал, что безопаснее будет спуститься по лестнице. Там, где есть лифт, ею почти не пользуются. Он остановился, нагнулся и завязал шнурки.

Над каждой дверью был обозначен этаж, и поэтому Питер легко ориентировался. На первом этаже он снова пошел по коридору. Кажется, его еще не хватились, хотя полковник мог поднять тревогу с минуты на минуту.

А не задержат ли его у выхода? А вдруг спросят, куда он идет. А вдруг...

У выхода стояла корзина с цветами. Питер оглянулся. По коридору шли какие-то люди, но на него никто не смотрел. Он схватил корзину.

В дверях он сказал служительнице, сидевшей за столом:

— Ошибка вышла. Не те цветы.

Она кисло улыбнулась, но не задержала его.

Выйдя, он поставил цветы на ступеньку и быстро пошел прочь.

Час спустя он уже знал, что ему ничто не угрожает. Знал также, что находится в городе, милях в тридцати от того места, куда хотел добраться, что у него нет денег, что он голоден и что у него болят ноги от ходьбы по твердым бетонированным тротуарам.

Он увидел парк и присел на скамью. Поодаль старички играли в шахматы. Мать укачивала ребенка. Молодой человек сидел и слушал крохотный транзистор.

По радио говорили: «...очевидно, здание закончено. За последние восемнадцать часов оно не увеличилось. Сейчас оно насчитывает тысячуэтажей и занимает площадь более ста акров. Бомба, сброшенная два дня назад, все еще плавает над ним, удерживаемая в воздухе какой-то непонятной силой. Артиллерия находится поблизости, ожидая приказа открыть огонь, но приказа не поступает. Многие считают, что если бомба не достигла цели, то со снарядами будет то же самое, если они вообще покинут жерла орудий.

Представитель военного министерства заявил, что большие орудия на огневой позиции — это, в сущности, лишь мера предосторожности, что, может быть, и верно; но тогда совершенно непонятно, зачем было сбрасывать бомбу. Не только в конгрессе, но и во всем мире растет негодование по поводу попытки разбомбить здание. Ведь со стороны здания до сих пор не было

никаких враждебных действий. Как сообщают, пока нанесен ущерб только Питеру Шайе, человеку, который нашел машину: его ферма поглощена зданием.

Все следы Шайе потеряны три дня назад, когда с ним случился какой-то припадок и его увезли из дома. Наверно, он находится в военной тюрьме. Высказывают самые различные догадки насчет того, что мог знать Шайе. Весьма вероятно, он единственный человек на Земле, который может пролить свет на то, что случилось на его ферме.

Тем временем к зданию стянуты войска и все жители в зоне восемнадцати миль эвакуированы. Известно, что две группы ученых препровождены через линии ограждения. Хотя никакого официального сообщения не последовало, есть основания полагать, что поездки ученых не увенчались успехом. Что это за здание, кто или что его строило, если только процесс его возведения можно назвать строительством, и чего можно ожидать в дальнейшем — таков круг беспочвенных гаданий. Естественно, недостатка в них нет, но никто еще не придумал разумного объяснения.

Все телеграфные агентства мира продолжают поставлять горы материалов, но конкретные сведения можно пересчитать по пальцам.

Каких-либо других новостей почти нет. Вероятно, это объясняется тем, что людей сейчас интересует только таинственное здание. Как ни странно, но других новостей и в самом деле мало. Как это часто бывает, когда случается большое событие, все прочие происшествия как бы откладываются на более позднее время. Эпидемия полиомиелита быстро идет на убыль; уголовных преступлений нет. В столицах прекратили всякую деятельность законодательные органы, а правительства пристально следят за всем, что связано со зданием.

Во многих столицах все чаще высказывается мнение, что здание — предмет заботы не одной лишь Америки, что все решения относительно него должны приниматься на международном уровне. Попытка разбомбить здание вызвала сомнение в том, что наша страна, на территории которой оно находится, способна действовать спокойно и беспристрастно. Высказывается мнение, что решить эту проблему разумно мог бы только какой-нибудь международный орган, стоящий на объективных позициях».

Питер встал со скамьи и пошел прочь. По радио сказали, что его увезли из дома три дня назад. Немудрено, что он так проголодался.

Три дня — и за это время здание поднялось на тысячу этажей и раскинулось на площади сто акров.

Теперь он уже шел не торопясь: у него очень болят ноги, от голода сосало под ложечкой.

Он должен вернуться к зданию во что бы то ни стало. Вдруг он осознал, что сделать это необходимо, но еще не понял, почему он должен так поступить, откуда в нем эта страстная устремленность.

Как будто он что-то забыл там и теперь надо идти и разыскать забытое. «Я что-то забыл», — не шло у него из головы. Но что он мог забыть? Ничего, кроме боли, сознания, что он неизлечимо болен, и маленькой капсулы с ядом в кармане, которую он решил раздавить зубами, когда боль станет невыносимой.

Он полез в карман, но капсулы там уже не было. Она исчезла вместе с бумажником, перочинным ножом и часами. «Теперь уже все равно, — подумал он, — капсула мне больше не нужна».

Он услышал позади себя торопливые шаги и, поняв, что догоняют именно его, резко обернулся.

— Питер! — крикнула Мери. — Питер, мне показалось, что это вы. Я так бежала за вами.

Он стоял и смотрел на нее, не веря своим глазам.

— Где вы пропадали? — спросила она.

— В больнице, — ответил Питер. — Я убежал отсюда. Но почему вы...

— Нас эвакуировали, Питер. Пришли и сказали, что нужно уехать. Часть наших расположилась лагерем в той стороне парка. Папа просто из себя выходит, но я понимаю его: нас заставили уехать в самый сенокос, да и жатва скоро.

Она запрокинула голову и посмотрела ему в лицо.

— У вас такой измученный вид, — сказала она. — Вам опять плохо?

— Плохо? — переспросил он и тут же понял, что соседи, по-видимому, знают... что причина его приезда на ферму давным-давно известна всем, потому что секретов в деревне не бывает...

— Простите, Питер, — заговорила Мери. — Простите. Не надо было мне...

— Ничего, — сказал Питер. — Все прошло, Мери. Я здоров. Не знаю уж, как и почему, но я вылечился.

— В больнице? — предположила Мери.

— Больница тут ни при чем. Я поправился еще до того, как попал туда. Но выяснилось это только в больнице.

— Может быть, диагноз был неправильный?

Он покачал головой.

— Правильный, Мери.

Разве можно говорить с такой уверенностью? Мог ли он, а вернее врачи, сказать определенно, что это были злокачественные клетки, а не что-нибудь иное...

пе какой-нибудь неизвестный паразит, которого он, сам того не ведая, приютил в своем организме?

— Вы говорите, что сбежали? — напомнила ему Мери.

— Меня будут искать. Полковник и майор. Они думают, что я имею какое-то отношение к машине, которую нашел. Они думают, я ее сделал. Они увезли меня в больницу, чтобы проверить, человек ли я.

— Какие глупости!

— Мне нужно вернуться на ферму. Я просто должен вернуться туда.

— Это невозможно, — сказала ему Мери. — Там всюду солдаты.

— Я поползу на животе по канавам, если надо. Пойду ночью. Прoberусь сквозь линию заграждения. Буду драться, если меня увидят и захотят задержать. Выбора нет. Я должен попытаться.

— Вы больны, — сказала она, с беспокойством вглядываясь в его лицо.

Он усмехнулся.

— Не болен, а просто хочу есть.

— Тогда пошли.

Она взяла его за руку. Он не тронулся с места.

— Скоро за мной начнется погоня, если уже не началась.

— Мы пойдем в ресторан.

— Они отобрали у меня бумажник, Мери. У меня нет денег.

— У меня есть деньги, которые я взяла на покупки.

— Нет, — сказал он. — Я пойду. Теперь меня с пути не собьешь.

— И вы в самом деле идете туда?

— Это пришло мне в голову только что, — признался он, смущаясь, но в то же время почему-то уверенный, что слова его не просто безрассудная бравада.

— Вернетесь туда?

— Мери, я должен.

— И думаете, вам удастся добраться?

Он кивнул.

— Питер, — нерешительно проговорила она.

— Что?

— Я вам не буду обузой?

— Вы? Как так?

— Если бы я пошла с вами?

— Но вам нельзя, вам незачем идти.

— Причина есть, Питер. Меня тянет туда. Как будто в голове у меня звенит звонок — школьный звонок, созывающий ребятишек.

— Мери, — спросил он, — на том флаконе с духами был какой-нибудь символ?

— Был. На стекле, — ответила она. — Такой же, что и на вашем нефрите.

«И такие же знаки, — подумал он, — были в письмах».

— Пошли, — решил он вдруг. — Вы не мешаете.

— Сначала поедим, — сказала она. — Мы можем потратить деньги, которые я взяла на покупки.

Они пошли по дороге, рука об руку, как два влюбленных подростка.

— У нас уйма времени, — сказал Питер. — Нам нельзя пускаться в путь, пока не стемнеет.

Они поели в маленьком ресторане на тихой улице, а потом пошли в магазин. Купили буханку хлеба, два круга копченой колбасы, немного сыра, на что ушли почти все деньги Мери, а на сдачу продавец дал им пустую бутылку для воды. Она послужит вместо фляги.

Они прошли городскую окраину, пригороды и оказались в поле; они не торопились, потому что до наступления темноты не стоило забираться слишком далеко.

Наткнувшись на речушку, они уселись на берегу, совсем как парочка на пикнике. Мери сняла туфли и болтала ногами в воде, и оба были невероятно счастливы.

Когда стемнело, они пошли дальше. Луны не было, но в небе сияли звезды. И хотя Мери с Питером спотыкались, а порой плутали неведомо где, они по-прежнему сторонились дорог, шли полями и лугами, держались подальше от ферм, чтобы избежать встреч с собаками.

Было уже за полночь, когда они увидели первые лагерные костры и обошли их стороной. С вершины холма были видны ряды палаток, неясные очертания грузовиков, крытых брезентом. А потом они чуть не наткнулись на артиллерийское подразделение, но благополучно скрылись, не нарвавшись на часовых, которые, наверно, были расставлены вокруг лагеря.

Теперь Мери с Питером знали, что находятся внутри эвакуированной зоны и должны пробраться сквозь кольцо солдат и орудий, нацеленных на здание.

Они двигались осторожнее и медленнее. Когда на востоке забрезжила заря, они спрятались в густых зарослях терновника на краю луга.

— Я устала, — сказала со вздохом Мери. — Я не чувствовала усталости всю ночь, а может, не замечала ее, но теперь, когда мы остановились, у меня больше нет сил.

— Мы поедим и ляжем спать, — сказал Питер.

— Сначала поспим. Я так устала, что не хочу есть.

Питер оставил ее и пробрался сквозь чащу к опушке.

В неверном свете разгоравшегося утра перед ним предстало здание — голубовато-серая громадина, которая возвышалась над горизонтом, подобно тупому персту, указующему в небо.

— Мери! — прошептал Питер. — Мери, вон оно!

Он услышал, как она пробирается сквозь заросли.

— Питер, до него еще далеко.

— Знаю, но мы пойдем туда.

Припав к земле, они разглядывали здание.

— Я не вижу бомбы, — сказала Мери. — Бомбы, которая висит над ним.

— Она слишком далеко.

— А почему именно мы возвращаемся туда? Почему только мы не боимся?

— Не знаю, — озабоченно нахмурившись, ответил Питер. — В самом деле, почему? Я возвращаюсь туда, потому что хочу... нет, должен вернуться. Видите ли, я выбрал это место, чтобы умереть. Как слоны, которые ползут умирать туда, где умирают все слоны.

— Но теперь вы здоровы, Питер.

— Какая разница... Только там я обрел покой и чувство.

— А вы забыли еще о символах, Питер. О знаке на флаконе и нефрите.

— Вернемся, — сказал он. — Здесь нас могут увидеть.

— Только наши подарки были с символами, — настаивала Мери. — Ни у кого больше нет таких. Я спрашивала. На всех других подарках не было знаков.

— Сейчас не время строить предположения. Пошли. Они снова забрались в чашу.

Солнце уже взошло над горизонтом, косые лучи его проникали в заросли, кругом стояла благословенная тишина нарождающегося дня.

— Питер, — сказала Мери. — У меня слипаются глаза. Поцелуйте меня перед сном.

Он поцеловал ее, и они прижались друг к другу, скрытые от всего мира корявыми, сплетшимися низкорослыми кустами терновника.

— Я слышу звон, — тихо проговорила Мери. — А вы слышите?

Питер покачал головой.

— Как школьный звонок, — продолжала она. — Как будто начинается учебный год и я иду в первый класс.

— Вы устали, — сказал он.

— Я слышала этот звон и прежде. Это не в первый раз.

Он поцеловал ее еще раз.

— Ложитесь спать, — сказал он, и она заснула сразу, как только легла и закрыла глаза.

Питера разбудил рев; он сел — сон как рукой сняло.

Рев не исчез, он доносился из-за кустов и удалялся.

— Питер! Питер!

— Тише, Мери! Там что-то есть.

Теперь уже рев приближался, все нарастая, пока не превратился в громовой грохот, от которого дрожала земля. Потом снова стал удаляться.

Полуденное солнце пробивалось сквозь ветви. Питер почуял мускусный запах теплой земли и прелых листьев.

Они с Мери стали осторожно пробираться через чащу и, добравшись почти до самой опушки, сквозь поредевшие заросли увидели мчащийся далеко по полю танк. Ревя и раскачиваясь, он катил по неровной местности, впереди задиристо торчала пушка, и весь он был похож на футболиста, который рвется вперед.

Через поле была проложена дорога... А ведь Питер твердо знал, что еще вечером никакой дороги не было. Прямая, совершенно прямая дорога вела к зданию; покрытие ее было металлическим и блестело на солнце.

Далеко слева параллельно ей была проложена другая дорога, справа — еще одна, и казалось, что впереди все три дороги сливаются в одну, как сходятся рельсы железнодорожного пути, уходящего к горизонту.

Их пересекали под прямым углом другие дороги, и создавалось впечатление, будто на земле лежат две тесно сдвинутые гигантские лестницы.

Танк мчался к одной из поперечных дорог; на расстоянии он казался крохотным, а рев был не громче гудения рассерженной пчелы.

Он добрался до дороги и резко пошел юзом в сторону, будто наткнулся на что-то гладкое и неодолимо прочное, будто врезался в прозрачную металлическую стену. Было мгновение, когда он накренился и чуть не перевернулся, однако этого не произошло, ему удалось выровняться; он дал задний ход, потом развернулся и загромыхал по полю, назад к зарослям.

На полпути он опять развернулся и встал пушкой в сторону поперечной дороги.

Ствол орудия пошел вниз, и из него вырвалось пламя. Снаряд разорвался у поперечной дороги — Питер и Мери увидели вспышку и дым. По ушам хлестнула ударная волна.

Снова и снова, стреляя в упор, орудие изрыгало снаряды. Над танком и дорогой клубился дым, а снаряды все разрывались у дороги — на этой стороне дороги, а не на той.

Танк снова загромыхал вперед, к дороге, на сей раз он приближался осторожно, часто останавливаясь, будто искал проход.

Откуда-то издалека донесся грохот оружейного залпа. Казалось, стреляет целая артиллерийская батарея. По-стреляв, орудия неохотно замолчали.

Танк продолжал тыкаться в дорогу, словно собака, вынюхивающая зайца, который спрятался под поваленным деревом.

— Что-то не пускает его, — сказал Питер.

— Стена, — предположила Мери. — Какая-то невидимая стена. Танк не может проехать сквозь нее.

— И прострелить ее тоже не может. Ее никакими пушками не пробьешь, даже вмятины не остаются.

Припав к земле, Питер наблюдал за танком, который медленно двигался вдоль дороги. Танк дополз до перекрестка и сделал небольшой разворот, чтобы въехать на левую продольную дорогу, но снова уткнулся лобовой броней в невидимую стену.

«Он в ловушке, — подумал Питер. — Дороги разъединили и заперли все войсковые части. Танк в одном загоне, дюжина танков в другом, артиллерийская батарея в третьем, моторизованный резерв в четвертом. Войскам перекрыты все пути — рассованные по загонам подразделения совершенно небоеспособны. Интересно, а мы тоже в западне?»

По правой дороге шагала группа солдат. Питер заметил их издалека: черные точки двигались по дороге на восток, прочь от здания. Когда они подошли ближе, он увидел, что у них нет оружия, что они бредут, не соблюдая никакого строя, а по тому, как люди волочили ноги, он понял, что они устали, как собаки.

Мери, оказывается, уходила, но он заметил это, когда она уже возвращалась, низко наклоня голову, чтобы не зацепиться волосами за ветви.

Сев рядом, она протянула ему толстый ломоть хлеба и кусок колбасы. Бутылку с водой она поставила на землю.

— Это здание построило дороги, — сказала она.

Питер кивнул, рот его был набит.

— Это сделано для того, чтобы до здания удобнее было добираться, — сказала Мери. — Здание хочет, чтобы людям легче было посещать его.

— Опять школьный звонок? — спросил он.

Она улыбнулась и сказала:

— Опять.

Солдаты подошли теперь совсем близко, увидели танк и остановились.

Четверо солдат сошли с дороги и зашагали по полю к танку. Остальные присели.

— Стена пропускает только в одну сторону, — предположила Мери.

— Скорее всего, — сказал Питер, — она не пропускает танки, а люди могут проходить.

— Здание хочет, чтобы в него входили люди.

Солдаты шагали по полю, а танк двинулся им навстречу; он остановился, и экипаж выбрался наружу. Пехотинцы и танкисты разговаривали, один из солдат что-то говорил, показывая рукой то в одну, то в другую сторону.

Издалека снова донесся гром тяжелых орудий.

— Кто-то, — сказал Питер, — все еще пытается пробить стены.

Наконец пехотинцы и танкисты пошли к дороге, бросив танк посреди поля.

Питер подумал, что то же самое, по-видимому, происходит со всеми войсками, блокировавшими здание. Дороги и стены разъединили их — отгородили друг от друга... и теперь танки, орудия и самолеты стали просто

безвредными игрушками, которыми в тысячах загончиков забавлялись люди-детиски.

По дороге брели на восток пехотинцы и танкисты, они отступали, бесславная осада была снята.

Мери и Питер сидели в зарослях и наблюдали за зданием.

— Вы говорили, что они прилетели со звезд, — сказала Мери. — Но почему сюда? Зачем мы им нужны? И вообще зачем они прилетели?

— Чтобы спасти нас, — нерешительно проговорил Питер, — спасти нас от самих себя, или чтобы поработить и эксплуатировать нас. Или чтобы использовать нашу планету как военную базу. Причин может быть сотни. Если они даже скажут нам, мы, наверно, не пойдем.

— Но вы же не думаете, что они хотят поработить нас или использовать Землю как военную базу? Если бы вы так думали, мы не стремились бы к зданию.

— Нет, я так не думаю. Не думаю, потому что у меня был рак, а теперь его нет. Не думаю, потому что эпидемия полиомиелита пошла на убыль в тот самый день, когда они прилетели. Они делают нам добро, совсем как миссионеры, которые делали добро своим подопечным, ведущим примитивный образ жизни, людям, пораженным разными болезнями.

Он посмотрел на поле, на покинутый танк, на сверкающую лестницу дорог.

— Я надеюсь, — продолжал он, — что они не будут делать того, что творили некоторые миссионеры. Я надеюсь, что не будут унижать наше достоинство, насильно обряжая в чужеземное платье. Надеюсь, излечив от стригущего лишая, они не обрекут нас на чувство расовой неполноценности. Надеюсь, они не станут рубить кокосовые пальмы, чтобы...

«Но они знают нас, — думал он, — Они знают о нас все, что можно знать. Они изучали нас... Долго ли они нас изучали? Сидя где-нибудь в аптеке, маскируясь под автомат, продающий сигареты, наблюдая за нами из-за стойки под видом кассового автомата...

Кроме того, они писали письма, письма главам почти всех государств мира. После расшифровки писем, вероятно, станет ясно, чего они хотят. А может быть, они чего-то требуют. А может, в письмах всего лишь содержатся просьбы разрешить строить миссии или церкви, больницы или школы.

Они знают нас. Знают, например, что мы обожаем все бесплатное, и поэтому раздавали нам подарки — что-то вроде призов, которые вручаются радио- и телекомпаниями или торговыми палатами за лучшие ответы в соревнованиях на сообразительность, с той лишь разницей, что здесь соперников нет и выигрывает каждый».

Почти до самого вечера Питер и Мери наблюдали за дорогой, и все это время по ней ковыляли небольшие группы солдат. Но вот прошло уже более часа, а на дороге никто не появлялся.

Мери с Питером отправились в путь перед самыми сумерками, они пересекли поле и сквозь невидимую стену вышли на дорогу. И зашагали на запад, к громаде здания, багровеющей на фоне красноватого заката.

Они шли сквозь ночь; теперь не надо было кружить и прятаться, как в первую ночь, потому что на пустынной дороге им попался навстречу лишь один солдат.

К тому времени они прошли довольно большое расстояние и громада здания уже отхватила полнеба — оно тускло светилось в сиянии звезд.

Солдат сидел посередине дороги, ботинки он аккуратно поставил рядом.

— Совсем обезножил, — затеяв разговор, сказал солдат.

Питер и Мери охотно уселись рядом. Питер достал бутылку с водой, хлеб, сыр и колбасу и разложил все на дороге, подстелив, как на пикнике, вместо скатерти бумагу.

Некоторое время они ели молча. Наконец солдат сказал:

— Да, всему конец.

Питер и Мери ни о чем не спрашивали, а жуя хлеб с сыром, терпеливо ждали.

— Конец службе, — сказал солдат. — Конец войне.

Он махнул рукой в сторону загонов, образованных дорогами. В одном стояли три самоходных орудия, в другом лежала груда боеприпасов, в третьем — военные грузовики.

— Как же тут воевать, — спросил солдат, — если все войска рассованы, как пешки по клеткам? Танк, который вертится на пяточке в десять акров, не годится ни к черту. А что толку от орудия, стреляющего всего на полмили?

— Вы думаете, так повсюду? — спросила Мери.

— Во всяком случае, здесь. Почему бы им не сделать то же самое и в других местах? Они остановили нас. Они не дали нам ступить ни шагу и не пролили ни единой капли крови. У нас нет потерь.

Набив рот хлебом и сыром, он потянулся за бутылкой.

— Я вернусь, — сказал он. — Заберу свою девушку, и мы оба придем сюда. Может быть, тем, кто в здании, нужна какая-нибудь помощь, и я хочу помочь им, чем смогу. А если они не нуждаются в помощи, что ж, тогда я постараюсь найти способ сообщить им, что благодарен за их прибытие.

— Им? Ты видел их?

Солдат посмотрел на Питера в упор.

— Нет, я никого не видел.

— Тогда почему сперва ты идешь за своей девушкой и лишь потом собираешься вернуться? Кто тебя надоумил? Почему бы тебе не пойти туда с нами сейчас?

— Это было бы нехорошо, — запротестовал солдат. — Мне почему-то так кажется. Сперва мне надо увидеть ее и рассказать, что у меня на душе. Кроме того, у меня есть для нее подарок.

— Она обрадуется, — ласково сказала Мери. — Ей понравится подарок.

— Конечно, — горделиво улыбнувшись, сказал солдат. — Она давно о таком мечтала.

Солдат полез в карман, достал кожаный футляр и щелчком открыл его. Ожерелье тускло блеснуло при свете звезд.

Мери протянула руку.

— Можно? — спросила она.

— Конечно, — ответил солдат. — Вы-то знаете, понравится ли оно девушке.

Мери вынула ожерелье из футляра — ручеек звездного огня заструился по ее руке.

— Бриллианты? — спросил Питер.

— Не знаю, — ответил солдат. — Наверно. С виду вещь дорогая. В середине какой-то большой зеленый камень, он не очень сверкает, но зато...

— Питер, — перебила его Мери, — у вас есть спички?

Солдат сунул руку в карман.

— У меня есть зажигалка, мисс. Мне дали зажигалку. Блеск!

Он щелкнул, вспыхнуло пламя. Мери поднесла камень к свету.

— Символ, — сказала она. — Как на моем флаконе.

— Это вы про гравировку? — спросил солдат, показывая пальцем. — И на зажигалке такая же.

— Где ты взял это? — спросил Питер.

— Ящик дал. Только этот ящик не простой. Я протянул к нему руку, а он выплюнул зажигалку, и тогда я подумал о Луизе и зажигалке, которую она мне подарила. Я ее потерял. Жалко было. И вот те на — такая же, только знаки сбоку... Только, значит, я подумал о Луизе, как ящик как-то смешно фыркнул и выкинул футляр с ожерельем.

Солдат наклонился. Зажигалка осветила его молодое лицо, оно сияло торжеством.

— Знаете, что мне кажется? — сказал он. — Мне кажется, что этот ящик — один из них. Говорят разное, но нельзя верить всему, что услышишь.

Он перевел взгляд с Мери на Питера.

— Вам, наверно, смешно? — робко спросил он.

Питер покачал головой.

— Вот уж чего нет, того нет, солдат.

Мери отдала ожерелье и зажигалку. Солдат положил их в карман и стал надевать ботинки.

— Надо идти. Спасибо за угощение.

— Мы увидимся, — сказал Питер.

— Надеюсь.

— Обязательно увидимся, — убежденно сказала Мери.

Мери и Питер смотрели ему вслед. Он заковылял в одну сторону, а они пошли в другую.

— Символ — это их метка, — сказала Мери. — Те, кому дали вещь с символом, должны вернуться. Это как паспорт, как печать, удостоверяющая, что ты им понравился!

— Или, — добавил Питер, — клеймо, обеспечивающее право собственности.

Они ищут определенных людей. Им не нужен тот, кто боится их. Им нужны люди, которые верят им.

— А для чего мы им нужны? — с тревогой спросил Питер. — Вот что меня беспокоит. Какая им польза от нас? Солдат хочет помочь им, но они в нашей помощи не нуждаются. Ни в чьей они помощи не нуждаются.

— Мы никого из них не видели, — сказала Мери. — Разве что ящик — один из них.

«И сигаретные автоматы, — подумал Питер. — Сигаретные автоматы и еще бог знает что».

— И все же, — продолжала Мери, — они нас знают. Они наблюдали за нами, изучали. Они знают о нас всю подноготную. Они могут проникнуть в сознание каждого, узнать, о чем он мечтает, и сделать подарок. Джонни они подарили удилище с катушкой, вам — нефрит. И удилище было человеческим удилищем, а нефрит — земным нефритом. Они даже знают девушку солдата. Они знали, что ей хочется иметь блестящее ожерелье, знали: такой человек, как она, придет к ним и...

— А может, это все-таки летающие блюдца, — сказал Питер. — Они летали над нами много лет и изучали нас.

«Сколько же потребовалось лет, — подумал он, — чтобы изучить человечество? Ведь им пришлось начинать с азов: человечество было для них сложной, незнакомой расой, они шли ощупью, изучая сперва отдельные факты. И они, наверно, ошибались. Иногда их выводы были неверны, и это тормозило работу».

— Не знаю, — сказал Питер. — Для меня это совершенно непостижимо.

Они шли по блестящей, мерцающей при свете звезд металлической дороге, а здание все росло, это был уже не туманный фантом, а гигантская стена, которая уходила в небо, гася звезды. Тысячэтажное здание, раскинувшееся на площади в сто акров, — от такого величия, от такого размаха голова шла кругом.

И, даже стоя поблизости от здания, нельзя было увидеть бомбу: она болталась где-то в воздухе на слишком большой высоте.

Но зато видны были маленькие квадратики, нарезанные дорогами, а в них смертоносные игрушки неистовой расы, теперь брошенные, ненужные куски металла причудливой формы.

Перед самым рассветом Питер и Мери подошли наконец к громадной лестнице, которая вела к главному входу. Ступая по гладкой, выложенной камнем площадке перед лестницей, они как-то особенно остро ощутили тишину и покой, царившие под сенью здания.

Рука об руку они подвигались по лестнице, подошли к большой бронзовой двери и остановились. Повернувшись, они молча смотрели вдаль.

Насколько хватал глаз видны были дороги, расхолодившиеся, как спицы колеса от ступицы, — здания, а поперечные дороги лежали концентрическими кругами, и казалось, будто находишься в центре паутины.

Брошенные фермы со службами — коровниками, амбарами, гаражами, силосными башнями, свинарниками, навесами для машин остались в секторах, отсеченных дорогами; в других секторах стояли военные машины, годные теперь разве лишь на то, чтобы в них вили гнезда птицы да прятались зайцы. С лугов и полей доносились птичьи трели, воздух был чист и прохладен.

— Вот она, — сказала Мери. — Наша прекрасная страна, Питер.

— Была наша, — поправил ее Питер. — Все, что было, уже никогда не повторится.

— Питер, вы не боитесь?

— Нисколько. Только сомнения одолевают.

— Но ведь прежде вы ни в чем не сомневались.

— Я и сейчас не сомневаюсь, — сказал он. — Я чувствую, что все идет как следует.

— Конечно, все идет хорошо. Была эпидемия, теперь ее нет. Армия разбита без единой жертвы. Атомной бомбе не дали взорваться. Разве не так, Питер? Они уже меняют наш мир к лучшему. Рак и полиомиелит исчезли, а с этими двумя болезнями человек боролся долгие годы и никак не мог победить. Войне конец, болезням конец, атомным бомбам конец — чего мы не могли сделать сами, они сделали за нас.

— Все это я знаю, — сказал Питер. — Они, несомненно, также положат конец преступлениям, коррупции, насилию — тому, что мучило и унижало человечество с тех самых пор, как оно спустилось с деревьев.

— Чего же вам нужно еще?

— Наверно, ничего... Впрочем, ничего определенного мы пока не знаем. Все сведения косвенные, не конкретные, основанные на умозаключениях. У нас нет доказательств, реальных, весомых доказательств.

— У нас есть вера. Мы должны верить. Если не верить в кого-то или что-то, уничтожающее болезни и войну, то во что тогда можно верить вообще?

— Именно это и тревожит меня.

— Мир держится на вере, — сказала Мери. — Любимой вере — в бога, в самих себя, в человеческую порядочность.

— Вы изумительная! — воскликнул Питер. Он крепко обнял Мери. В это время большая бронзовая дверь растворилась.

Положив руки друг другу на плечи, молча переступили они порог и очутились в вестибюле с высоким сводчатым потолком. Он был расписан фресками, на стенах висели панно, четыре больших марша лестницы вели наверх.

Но вход на лестницу преграждали тяжелые бархатные шнуры. Дорогу им показывали стрелки и еще один шнур, зацепленный за блестящий столбик.

Покорно и тихо, почти с благоговением они направились через вестибюль к единственной открытой двери.

Они вошли в большую комнату с громадными, высокими, изящной формы окнами, сквозь которые лучи утреннего солнца падали на новенькие блестящие аспидные доски, кресла с широкими подлокотниками, массивные столы, несчетные полки с книгами и кафедру на возвышении.

— Я была права, — сказала Мери. — Все-таки это был школьный звонок. Мы пришли в школу, Питер. В первый класс.

— В детский сад, — с трудом проговорил Питер.

«Все верно, — подумал он, — так по-человечески правильно: солнце и тень, роскошные переплеты книг, темное дерево, глубокая тишина. Аудитория учебного заведения с хорошими традициями. Здесь есть что-то от атмосферы Кембриджа и Оксфорда, Сорбонны и Айви Лиг*. Чужеземцы ничего не упустили, предусмотрели каждую мелочь».

* Айви Лиг — объединение американских университетов (Принстонского, Гарвардского и Йельского). — *Прим. перев.*

— Мне надо выйти, — сказала Мери. — Подождите меня здесь, никуда не уходите.

— Я никуда не уйду, — обещал Питер.

Он посмотрел ей вслед. Через открывшуюся дверь он увидел бесконечный коридор. Мери закрыла дверь, и Питер остался один.

Постояв с минуту, он резко повернулся и почти бегом бросился через вестибюль к большой бронзовой двери. Но двери не было. Ни следа, даже щелочки на том месте, где была дверь. Дюйм за дюймом Питер ощупал стену и никакой двери не нашел.

Опустошенный, повернулся он лицом к вестибюлю. Голова раскалывалась — один, один во всей громаде здания.

Питер подумал, что там, наверху, еще тысяча этажей, здание уходит в самое небо. А здесь, внизу, — детский сад, на втором этаже, — несомненно, первый класс, и если подниматься все выше, то куда можно прийти, к какой цели?

Но что будет после выпуска?

И будет ли вообще выпуск?

И чем он станет? Кем? Останется ли он человеком?

Теперь надо ждать прихода в школу других, тех, кто был отобран, тех, кто сдал необычный вступительный экзамен.

Они придут по металлическим дорогам и поднимутся по лестнице, большая бронзовая дверь откроется, и они войдут. И другие тоже придут — из любопытства, но, если у них нет символа, двери не откроются перед ними.

И если вошедшему захочется бежать, он не найдет двери.

Питер вернулся в класс, на то же место, где стоял прежде.

Интересно, что написано в этих книгах. Очень скоро он наберется храбрости, возьмет какую-нибудь книгу и раскроет ее. А кафедра? Что будет стоять за кафедрой?

Что, а не кто?

Дверь открылась, и вошла Мери.

— Там квартиры, — сказала она. — Таких уютных я никогда не видела. На двери одной наши имена, на других — тоже имена, а есть совсем без табличек. Люди идут, Питер. Просто мы немного поспешили. Пришли раньше всех. Еще до звонка.

Питер кивнул.

— Давайте сядем и подождем, — сказал он.

Они сели рядом и стали ждать, когда появится Учитель.

«СДЕЛАЙ САМ»

Гордон Найт сидел как на иголках: ему хотелось, чтобы поскорее закончился пятичасовой рабочий день и можно было помчаться домой. Именно сегодня он должен получить комплект, заказанный компании «Сделай сам», и ему не терпелось приступить к сборке.

Его нетерпение объяснялось не только давнишним желанием иметь собаку (хотя это играло существенную роль), но и тем, что это было совершенно новое дело. Ему никогда не приходилось управляться с комплектом «Сделай сам», в котором содержались бы биологические компоненты, и поэтому он волновался. Хотя, конечно, собака будет создаваться биологическим путем лишь до определенной степени и большая часть компонентов войдет в комплект, а на долю человека останется только сборка... Все же в этом была какая-то новизна, и ему хотелось поскорее приступить к работе.

Он так упорно думал о собаке, что даже слегка рассердился, когда Рэндолл Стюарт, то и дело бегавший пить воду, остановился на обратном пути у его стола и стал подробно докладывать о своих успехах на приеме домашнего зубо врачевания.

— Это легко, — сказал Стюарт. — Совсем просто, если следовать инструкции. Поглядите, вот... вчера вечером я сделал это сам.

Он присел на корточки возле стола Найта и открыл рот, что было силы оттянув нижнюю челюсть пальцами.

— О-о... десть, — говорил он, тыкая дрожащим пальцем в зуб, о котором шла речь.

— Сам запломбировал, — захлопнув рот, самодовольно объявил Стюарт. — Наладил целую систему зеркал,

чтобы видно было, что там творится. Зеркала прислали в комплекте, я только следовал инструкции.

Он запустил палец глубоко в рот и нежно погладил дело рук своих.

— На самом себе проделывать это немного неудобно. А вот на ком-нибудь другом все получится просто.

Он с надеждой посмотрел на Найта.

Найт на эту удочку не попался, и Стюарт перестал его соблазнять.

— Потом я собираюсь снимать камень. Надо только подкопаться под десну. Для этого есть специальный крючок. Зачем платить дантистам, когда можно самому позаботиться о собственных зубах.

— Пожалуй, это нетрудно, — согласился Найт.

— Дело верное, — сказал Стюарт. — Надо лишь придерживаться инструкции. Чего только не сделаешь, если будешь следовать инструкциям.

Найт задумался. Что верно, то верно. Если следовать инструкциям, можно сделать что угодно — только падо не торопиться, а сесть п не спеша, досконально все изучить.

Ведь построил же он дом, и мебель сделал, и всю домашнюю технику смонтировал. И все в свободное время... хотя, видит бог, когда работаешь пятнадцать часов в неделю, свободного времени имеешь не так уж много.

Как хорошо, что, купив землю, он построил этот дом. Все тогда покупали так называемые имения, и Грейс это так втемяшилось, что ему ничего не оставалось, как тоже купить участок.

Платить и плотникам, и каменщикам, и водопроводчикам он был не в состоянии. Но, строя дом своими ру-

ками, он истратил сущие пустяки. Правда, на это ушло десять лет, но зато какое это было удовольствие!

Он сидел и думал, как интересно было строиться и как он гордится своей работой. Нет, сэр, сказал он себе, на его месте никто бы не построил лучшего дома.

Хотя, признаться, в том, что он сделал, не было ничего необычного. Большинство его знакомых тоже сами строили себе дома, или делали к ним пристройки, или перестраивали...

Он часто подумывал, что неплохо бы снова приняться за дело и построить еще один дом, так, интереса ради. Но это было бы глупо, потому что дом у него уже есть, а новый продать невозможно, если бы даже он и построил его. Кто станет покупать дом, когда так интересно строить самому?

Да и в старом доме еще немало работы. Надо построить новые комнаты... они не очень нужны, конечно, но с ними будет удобнее. И крышу починить. И летний домик соорудить. И участок до сих пор не приведен в порядок. Одно время он подумывал спланировать и разбить живописный парк: поработав несколько лет в свободное время, можно принарядить участок.

Найт и его сосед Энсон Ли часто разговаривали о том, что они могли бы сделать со своими участками, если бы у них было время. Но Ли, конечно, никогда ничего не сделает. Он юрист, но, кажется, и юриспруденцией занимается не очень усердно. У него большой кабинет, битком набитый юридической литературой, и в свое время он любил пространно поговорить об этих книгах, хотя, по-видимому, никогда их не раскрывал. Обычно он заводил такой разговор, основательно нагрузившись, а это случалось довольно часто, так как он считал себя мыслителем и твердо верил, что спиртное помогает думать.

Когда Стюарт вернулся к своему столу, до конца рабочего дня оставалось все еще более часа. Найт украдкой достал из портфеля свежий номер журнала «Сделай сам» и начал перелистывать его, краем глаза посматривая по сторонам, чтобы быстро спрятать журнал, если кто-нибудь обратит внимание на то, что он бездельничает.

Он уже читал все статьи раньше и теперь просматривал рекламу. Жаль, подумал он, что у человека не хватает времени переделать такую уйму дел.

Например:

подобрать себе очки (инструменты для шлифовки и проверки линз включаются в комплект);

удалить самому себе гланды (полные инструкции и необходимые инструменты);

превратить пустующую комнату в персональную больничную палату (какой смысл покидать дом во время болезни — именно тогда-то вы больше всего нуждаетесь в утешении и спокойствии);

сделать собственные лекарства (начать с выращивания пятидесяти лекарственных растений; имеются подробные инструкции, как ухаживать за ними и обрабатывать урожай);

вырастить своей жене шубку (пара норок, одна тонна лошадиного мяса, скорняжные инструменты);

сшить себе костюм и пальто (пятьдесят ярдов шерстяной материи и приклад);

собрать телевизор;

переплести книги;

построить собственную электростанцию (пусть на вас работает ветер);

собрать собственного робота (мастер на все руки, умен, послушен, не требует отпуска и платы за сверхурочную работу, находится при деле все двадцать четы-

ре часа в сутки, никогда не устает, не нуждается ни в отдыхе, ни в сне, выполняет любую работу).

Найт подумал, что это стоящее дело. Если завести такого робота, то помощь от него будет великая. Можно достать всякие приспособления к нему. Робот, как говорится в рекламе, может менять как перчатки приспособления для различных видов работ.

Если бы у него был робот, он бы его посылал каждое утро в огород собирать кукурузу, фасоль, горох, помидоры и другие овощи, а потом складывать их на задней веранде дома. Наверно, тогда огород давал бы гораздо больше, потому что робот никогда не сорвет незрелого помидора и не даст перезреть кукурузе.

Есть всякие приспособления: и для уборки дома, и для разгребания снега, и для покраски... В общем почти для любой работы. Купить полный набор приспособлений, потом составить рабочую программу и целиком положиться на робота — так можно свалить с плеч дела по дому, потому что робот заботился бы обо всем.

Остановка только за одним. Стоит комплект частей робота почти десять тысяч долларов, да набор приспособлений обойдется не меньше.

Найт закрыл журнал и положил его в портфель.

Посмотрев на часы, он увидел, что до конца рабочего дня осталось минут пятнадцать. За работу приниматься не стоило, и Найт продолжал бездельничать и думать о том, как он вернется домой и найдет там комплект, который уже ждет его.

Он всегда хотел иметь собаку, но Грейс не разрешала. Собаки грязны, говорила она, они треплют ковры, у них блохи, они линяют, оставляют всюду шерсть, и, кроме того, от них... дурно пахнет.

Ну, против искусственной собаки она возражать не станет.

От такой собаки не будет дурно пахнуть, есть гарантия, что ни линять, ни заводить блох она не будет, потому что блохи подошли бы с голоду на полумеханической, полубиологической собаке.

Он надеялся, что собака его не разочарует, так как на всякий случай тщательно изучил литературу по этому вопросу. Собака ходила бы с ним на прогулки, носила бы поноску и гоняла дичь. А что еще можно от нее требовать? Для полноты картины она будет приветствовать каждый столб и дерево, но фирма гарантирует, что никаких пятен после этого не остается.

Когда он подлетал к дому, комплект уже лежал у двери сарая, но сначала Найт его не заметил. Потом, увидев комплект, он еще на лету стал рассматривать его и так вытянул шею, что чуть не врезался в изгородь. К счастью, ему удалось посадить летательный аппарат точно на усыпанную гравием площадку, и еще не перестали вращаться винты, как он уже бросился к сараю.

Да, это комплект. К верху упаковочной клетки был прикреплен конверт с накладной. Но комплект оказался более громоздким и тяжелым, чем ожидал Найт. Он подумал, а не прислали ли ему по ошибке какую-нибудь большую собаку — не ту, что он заказывал.

Он попытался поднять клеть, но не осилил и пошел обратно в дом, чтобы притащить из подвала тележку.

Завернув за угол, он остановился на секунду и осмотрел свой участок. Тут можно многое сделать, подумал он, было бы только время и деньги на покупку оборудования. Можно было бы превратить участок в большой сад. Надо попросить планировщика сделать проект... впрочем, если купить книги по планировке садов и посидеть над ними несколько вечеров, можно, по-видимому, все сделать самому.

На северном конце участка было озерцо, и сад, как ему казалось, следовало бы разбить именно там. Сейчас земля вокруг озера сырая, настоящее болото. На ветру колышались заросли бурьяна и камыша. Но если выкопать дренажные канавки, посадить культурные растения, продолжить дорожки и перекинуть через канавки живописные мостки, то все будет выглядеть прелестно.

Найт перевел взгляд на дом Энсона Ли, стоявший за озерцом на холме. Как только собака будет собрана, он прогуляется с ней туда. Собака, наверно, понравится Ли. Иногда Найт чувствовал, что Ли не совсем одобряет то, что он делает. Например, то, что он помог Грейс сделать печь для обжига и сушки. Им тогда несколько раз удавалось выманить Ли из дому и отправить на поиски нужных сортов глины.

— Для чего вам нужно делать эти горшки? — спросил он. — К чему все эти хлопоты? Купите их, это обойдется в десять раз дешевле.

Ли отнесся без должного уважения к объяснениям Грейс, которая утверждала, что собирается делать не простые горшки. Керамика, говорила она, — признанный вид искусства. Она так увлеклась этим и добилась таких успехов (некоторые ее работы были действительно хороши), что Найт считал возможным прекратить работу над моделью железной дороги и пристроить к уже разросшемуся дому еще одно помещение — для хранения, сушки и выставки керамики.

Года два назад, когда Найт построил мастерскую для Грейс, Ли не сказал ни слова. Ей надоело заниматься керамикой, и она переключилась на живопись. Однако Найт чувствовал: Ли молчал только потому, что был убежден в бесплодности дальнейших споров.

Но собаку Ли должен одобрить. Найт гордился своей дружкой с Ли. Это превосходный человек... хоть и не

идет в ногу со временем. Все поглощены какими-нибудь делами, а Ли живет полегоньку, занятый своей трубкой и книгами, кстати не имеющими никакого отношения к юриспруденции.

Даже дети теперь интересуются более серьезными вещами. Играя, они учатся.

Мери, до того как она вышла замуж, интересовалась агрономией. Ее оранжерея стояла у подножия холма, и Найт жалел, что не мог продолжить ее работу. Всего несколько месяцев назад он демонтировал ее гидропонные баки.

Джон, естественно, занялся ракетами. Много лет он с товарищами усеивал окрестности своими экспериментальными моделями. Самая последняя и большая, но незаконченная до сих пор возвышается за домом. Найт говорил себе, что он когда-нибудь возьмет и закончит то, что начал делать сынишка. В университете Джон теперь увлекается все тем же, но круг его интересов, по-видимому, стал гораздо шире. Найт подумал, что у него хороший сын. Да, сэр, очень хороший сын.

Найт направился по скату в подвал за тележкой. Как всегда, несколько секунд он постоял, оглядывая свои владения — здесь поистине было все, что интересовало его в жизни. Вон там, в углу, мастерская. А тут модель железной дороги, над которой он временами работал. За ней — фотолaborатория. Он вспомнил, как в подвале не хватило места для лаборатории и он был вынужден пробить часть стены. Повозиться пришлось гораздо больше, чем он думал.

Захватив тележку, Найт пошел к сараю, погрузил комплект и отвез в подвал. Потом он взял ломик и стал вскрывать упаковочную клеть. Он работал неторопливо и сноровисто: ему приходилось распаковывать немало комплектов, и он знал, как управляться с ними.

Когда он вынул детали, им овладело смутное беспокойство. Они были странной формы и больших размеров.

Прерывисто дыша от усилий и волнения, он стал снимать обертки. Уже со второй детали он понял, что ему прислали не собаку. Сняв обертку с пятой детали, он уже определенно знал, что это такое.

Это робот... и, насколько он мог судить, лучшая, самая дорогая модель!

Он присел на угол упаковочной клетки, достал платок и вытер лоб. Наконец он вскрыл конверт с накладной.

«Мистеру Гордону Найту, — говорилось в ней. — Один комплект собаки, оплачено полностью».

С точки зрения компании «Сделай сам, инкорпорейтед» он получил собаку. И за нее заплачено... полностью, как написано в накладной.

Он встал, потом снова сел и посмотрел на детали робота.

Никто никогда ни о чем не догадается. Придет время переучета, и компания обнаружит у себя лишнюю собаку. Одного робота будет не хватать, но попробуй разберись, в чем тут дело, если целые вагоны комплектов собак и тысячи проданных роботов уже укатили во все стороны.

Гордон Найт ни разу в жизни не совершал сознательно ни одного бесчестного поступка. Но теперь он принял бесчестное решение и знал, что поступает нечестно, и не мог ничего сказать в свое оправдание. Быть может, хуже всего было то, что он обманывал даже самого себя.

Сначала он решил, что отошлет этого робота назад, но так как он всегда мечтал собрать робота, то сперва соберет его, потом разберет, снова запакует и отправит компании. Он не будет включать его, просто соберет...

И в то же время он знал, что лжет самому себе; он понимал, что мало-помалу, шаг за шагом придет к бесчестному поступку. Он знал, что делает так потому, что совершить откровенный обман у него не хватает наглости.

В тот вечер он сидел и, внимательно читая инструкцию, рассматривал каждую деталь. Именно так и следовало управляться с комплектами «Сделай сам». Надо было не спеша, пункт за пунктом разобраться во всем и только потом приступать к сборке. Найт по опыту знал, что торопливость здесь ни к чему. Кроме того, ему, быть может, уже никогда не попадет в руки еще один робот.

На службе начались четырехдневные каникулы, и Найт энергично принялся за дело, вкладывая в него всю душу. Он имел слабое представление о биологии, и ему пришлось заглянуть в учебник органической химии, чтобы познакомиться с некоторыми процессами. Дело продвигалось туго. Давно уже он не брался за органическую химию и теперь обнаружил, что растерял даже начатки знаний.

На второй день перед сном он выудил из учебника достаточно сведений, чтобы собрать робота.

Его немного расстроила Грейс, которая увидела, чем он занимается, и стала немедленно придумывать для робота дела по хозяйству. Чтобы отделаться от нее, он надавал ей всяких обещаний и на следующий день приступил к сборке.

Он легко смонтировал робота не только потому, что ловко работал инструментами, но еще и потому, что с фанатичным рвением следовал первому принципу об-

ращения с комплектами «Сделай сам» — сначала получи полное представление о предстоящей работе.

Во-первых, он уверил себя, что, собрав робота, он тотчас же приступит к его разборке. Но когда робот был сделан, Найту захотелось посмотреть, как он действует. Что за смысл убить так много времени и не убедиться в том, что все сделано как следует? Найт щелкнул тумблером, приводящим робота в действие, и привинтил последнюю пластинку.

Робот ожил и посмотрел на Найта.

Потом он сказал:

— Я робот. Меня зовут Альбертом. Что надо сделать?

— Спокойно, Альберт, — торопливо сказал Найт. — Присядьте и отдохните, мы поговорим.

— Я не нуждаюсь в отдыхе, — произнес робот.

— Хорошо, тогда просто стойте на месте. Я, конечно, не могу оставить вас у себя. Но, раз уж вы включены, мне бы хотелось посмотреть, что вы умеете делать. Надо поработать по хозяйству и в саду, подровнять газон, и потом, я думал о планировке участка. — Он замолчал и хлопнул себя по лбу. — Приспособления! Как мне достать приспособления!

— Ничего, — произнес Альберт. — Не беспокойтесь. Только скажите, что надо делать.

И Найт сказал ему, что надо делать: Напоследок он смущенно дал задание спланировать и разбить сад.

— Сотня акров — это большой участок, а вы не можете тратить на эту работу все время. Грейс хочет, чтобы вы работали по дому и, кроме того, в огороде, и на газоне...

— Я скажу вам, что делать, — проговорил Альберт. — Я составлю список материалов, которые надо

заказать, а все остальное предоставьте мне. У вас хорошо оборудованная мастерская.

— Вы хотите сказать, что сами сделаете себе приспособления?

— Не беспокойтесь, — сказал ему Альберт. — Где карандаш и бумага?

Найт принес ему карандаш и бумагу, и робот составил список материалов (сталь различных марок, алюминиевые заготовки различных размеров, медная проволока и многое другое).

— Вот! — сказал Альберт, протягивая Найту бумагу. — Это будет стоить не больше тысячи долларов и даст нам возможность работать. Поскорее закажите все, и мы начнем.

Найт сделал заказ, а Альберт принялся рыскать по подвалу и быстро собирать в кучу железный лом, валявшийся повсюду.

— Все пойдет в дело, — сказал он.

Альберт выбрал несколько кусков стали, включил кузнечный горн и стал работать. Найт понаблюдал за ним немного и пошел обедать.

— Альберт — чудо, — сказал он Грейс. — Он сам делает себе приспособления.

— Ты ему сказал, что я просила сделать?

— Конечно. Но сперва ему надо сделать приспособления.

— Я хочу, чтобы он поддерживал в доме чистоту, — сказала Грейс, — потом надо сделать новые портьеры, покрасить кухню и починить все эти текущие водопроводные краны, к которым ты так и не удосужился приложить руку.

— Да, дорогая.

— И мне хотелось бы, чтобы он выучился готовить.

— Я его не спрашивал, но мне кажется, он сможет это делать.

— Он мне окажет великую помощь, — сказала Грейс. — Подумай только, я смогу теперь тратить на живопись все свое время.

Благодаря долголетней практике Найт точно знал, как ему вести себя в этой фазе разговора. Он как бы раздвоился. Одна его часть сидела, слушала и время от времени что-то отвечала, а другая продолжала думать о более важных делах.

Ночью он несколько раз просыпался и слышал, как в мастерской стучит Альберт. Он каждый раз изумлялся этому, но потом вспоминал, что робот работает круглые сутки, изо дня в день. Найт лежал, глядя на темный потолок, и поздравлял себя с приобретением робота. Но, конечно, это только временно... Он отошлет Альберта обратно через несколько дней. А сперва позабавится с ним немного. Ну что тут плохого?

На следующий день Найт спустился в подвал и предложил роботу свою помощь, но Альберт вежливо отклонил ее. Найт постоял немного, потом отошел от робота и попытался возбудить в себе интерес к модели локомотива, которую начал делать года два назад, да все откладывая ради чего-то другого. Но ему почему-то не работалось, он сел и стал думать, что же с ним такое происходит. Может быть, ему нужно новое увлечение? Он мечтал заняться кукольным театром, теперь на это хватит времени.

Найт достал каталоги и журналы «Сделай сам» и начал листать их, но проявил интерес, и то умеренный, только к стрельбе из лука, альпинизму и постройке лодок. Ко всему остальному он остался холоден. Казалось, ничто не могло вдохновить его сегодня.

Тогда он отправился навестить Энсона Ли.

Ли лежал в гамаке, покуривал трубку и читал Пруста; под рукой на земле стоял кувшин.

Ли отложил книгу и указал на другой гамак, висевший поблизости.

— Залезайте и давайте отдыхать.

Найт устроился в гамаке, чувствуя себя довольно глупо.

— Поглядите на небо, — сказал Ли. — Вы когда-нибудь видели такое голубое небо?

— Я в этом ничего не понимаю, — ответил Найт. — В метеорологии не разбираюсь.

— Жаль, — сказал Ли. — В птицах вы тоже не разбираетесь?

— Когда-то я был членом клуба наблюдателей за птицами.

— И так трудились, что года не прошло, как вы устали и ушли из клуба. Наблюдение за птицами вы превратили в гонку на выносливость. Каждый старался увидеть больше птиц, чем другой. Вы сделали из этого соревнование. И, наверно, вели журнал наблюдений.

— Ну и вел. Что в этом плохого?

— Ничего, — сказал Ли, — если бы вы не делали все с какой-то мрачной непреклонностью.

— Мрачной непреклонностью? С чего вы взяли?

— Таков уж ваш образ жизни. Теперь все так живут. Кроме меня, конечно. Посмотрите на ту малиновку, что сидит на яблоне. Мы с ней дружим. Вот уже шесть лет, как мы знакомы. Об этой птичке я мог бы написать целую книгу... и, если бы малиновка могла читать, она одобрила бы ее. Но я, конечно, писать не буду. Стоит начать писать, и я уже не смогу наблюдать за малиновкой.

— Вы можете писать зимой, когда малиновки улетают.

— Зимой, — сказал Ли, — у меня есть другие дела. Он наклонился, взял кувшин и протянул его Найту.

— Крепкий сидр, — пояснил он. — Сам сделал. И не потому, что прочел инструкцию или выдумал себе любимую привычку, а просто я люблю сидр, но по-настоящему делать его теперь уже никто не может. Чтобы он имел нужный вкус, надо оставлять в некоторых яблоках червей.

При упоминании о червях Найт выплюнул сидр, который он еще не успел проглотить, и вернул кувшин. Ли воспринял это добродушно.

— Первая работа за много лет, которую я сделал добросовестно. — Поставив кувшин на грудь, он тихо раскачивался в гамаке. — Всякий раз, когда у меня появляется рабочий зуд, я смотрю через озеро на вас и решаю не работать. Сколько комнат вы добавили к своему дому, с тех пор как его построили?

— Восемь, — гордо сказал ему Найт.

— Господи! Подумать только.... восемь комнат!

— Это не трудно, — запротестовал Найт, — надо только приноровиться. Право, это даже интересно.

— Сотни две лет назад люди не пристраивали по восемь комнат к своим домам. И вообще они сами себе не строили домов. И не увлекались сразу десятком любимых дел. У них не было на это времени.

— Теперь все просто. Надо только купить комплект «Сделай сам».

— Это самообман, — сказал Ли. — Очень просто делать вид, что занимаешься чем-то стоящим, а на самом деле вы растрчиваете себя по пустякам. Как вы думаете, почему компания «Сделай сам» так разбогатела? Потому что люди нуждались в ее услугах?

— Делать самому дешевле. Зачем платить за вещь, когда ее можно сделать самому?

— Может быть, и это одна из причин. Может быть, сначала это было причиной. Но какими экономическими соображениями обоснована постройка дополнительных восьми комнат? Кому нужны эти восемь комнат? Я сомневаюсь даже, что первопричиной было желание сэкономить деньги. У людей слишком много свободного времени, которое надо на что-то убить, вот они и придумывают себе увлечения. Люди работают не потому, что им нужны все эти вещи, которые они делают, а потому, что это позволяет им заполнить пустоту своего существования, возникшую в результате укороченного рабочего дня. Им нужно чем-то заниматься во время вынужденного отдыха. Что же касается меня, то я знаю, чем мне заниматься.

Он поднял кувшин и предложил Найту выпить. На этот раз Найт отказался...

Они лежали в гамаках, поглядывая на голубое небо, и наблюдали за малиновкой. Найт сказал, что для горожан есть специальные комплекты «Сделай сам», с помощью которых они могут мастерить роботов-птиц. В смехе Ли звучала жалость к горожанам, и Найт смущенно умолк.

Когда Найт вернулся домой, какой-то робот подстригал траву возле частоккола. У него было четыре руки с четырьмя парами ножниц, и работу он делал ловко и скоро.

— Вы не Альберт, нет? — спросил Найт, пытаюсь догадаться, как этот странный робот мог забрести к нему на участок.

— Нет, — сказал робот, продолжая подстригать траву. — Я Авраам. Меня сделал Альберт.

— Сделал?

— Альберт произвел меня, чтобы я работал. Не думаете же вы, что Альберт будет работать сам?

— А кто его знает, — сказал Найт.

— Если вы хотите поговорить со мной, двигайтесь рядом. Мне надо работать.

— А где сейчас Альберт?

— В подвале. Он производит Альфреда.

— Альфреда? Еще одного робота?

— Конечно. Для этого Альберт и существует.

Найт почувствовал слабость в ногах и прислонился к столбу.

Сначала был один робот, а теперь их два, и Альберт в подвале делает третьего. Так вот почему Альберт хотел, чтобы он сделал заказ на сталь и другие материалы... но заказ еще не доставлен, он, должно быть, сделал этого робота... этого Авраама... из собранного лома!

Найт поспешил в подвал, где у горна работал Альберт. Еще один робот был частично собран, и повсюду лежали готовые детали.

Угол подвала напоминал какой-то металлический кошмар.

— Альберт!

Альберт обернулся.

— Что здесь происходит?

— Я воспроизвожусь, — вежливо ответил Альберт.

— Но...

— В меня вмонтировали материнский инстинкт. Я не знаю, почему меня назвали Альбертом. Мне надо было дать женское имя.

— Но вам не следовало делать других роботов!

— Погодите, перестаньте волноваться. Вам нужны роботы, не так ли?

— Ну... пожалуй.

— Вот я их и делаю. Я сделаю все, что вам надо. Он снова принялся за работу.

Робот, который делает других роботов... да это же целое богатство! Робот обходится в кругленькую сумму... в десять тысяч долларов, а Альберт сделал одного и мастерит другого. Двадцать тысяч долларов!

Возможно, Альберт способен делать больше двух роботов в день. Он работает на металлическом ломе, а когда придут новые материалы, он, по-видимому, ускорит производство.

Но даже если он будет делать по два робота в день... Это значит, что в месяц он будет производить роботов на полмиллиона долларов! На шесть миллионов в год!

Найт с ужасом вдруг сообразил, что здесь что-то не так. Роботы не должны производить себе подобных. А если и существовал такой робот, то компания «Сделай сам» не выпустила бы его из рук.

И все же положение таково, что робот, даже не принадлежащий ему, делает других роботов с головокружительной быстротой.

Найт подумал, что, наверно, на производство роботов требуется официальное разрешение. Прежде он никогда не интересовался этим вопросом, но такое соображение показалось ему резонным. К тому же робот был не просто машиной, а имитацией живого человека. Найту пришло в голову, что должны существовать какие-нибудь правила и положения, правительственный надзор, и он представил себе, правда довольно смутно, сколько же законов он, возможно, сейчас нарушает.

Он посмотрел на Альберта, который по-прежнему работал; Найт был уверен, что робот не поймет его тревог.

Тогда он поднялся наверх и пошел в комнату для игр и развлечений, которую он пристроил несколько лет назад и с тех пор ни разу не использовал по назначению, хотя она была полностью оборудована столами

для пинг-понга и бильярда, сооруженными по рецептам «Сделай сам». В ненужной комнате для игр и развлечений был ненужный бар. Найт нашел в нем бутылку виски. После пятой или шестой рюмки жизнь предстала перед ним в розовом свете.

Он взял бумагу и карандаш и попытался подсчитать прибыльность нового дела. И, сколько он ни считал, все выходило, что он богатеет быстрее, чем любой другой человек когда бы то ни было.

Однако он понимал, что могут возникнуть трудности, если продавать роботов, не имея соответствующих средств производства, официального разрешения, поскольку таковое требовалось, и еще многого, о чем он не знал.

Но, какие бы неприятности ему ни грозили, он не особенно приходил в уныние, принимая во внимание, что в течение года он станет мультимиллионером. Он бодро приложился к бутылке и напился впервые за двадцать лет.

Прилетев на следующий день с работы домой, он увидел, что газон подстрижен так, как его никогда не подстригали. Цветочные грядки были прополоты, а огород вскопан. Частокол только что покрасили. Два робота, снабженные телескопическими ногами вместо лестниц, красили дом.

Внутри дома не было ни пятнышка, и он услышал, как Грейс что-то весело напевает в своей мастерской. В комнате для питья робот (со швейной машинкой, привинченной к груди) делал портьеры.

— А вы кто? — спросил Найт.

— Вы должны знать меня, — сказал робот. — Вы разговаривали со мной вчера. Я Авраам — старший сын Альберта.

Найт вышел из комнаты.

В кухне еще один робот хлопотливо готовил обед. — Я Адельберт, — сказал он Найту.

Найт вышел на крыльцо. Роботы кончили красить фасад дома и перебирались к боковой стороне.

Найт сел в плетеное кресло и снова задумался.

Некоторое время он не будет уходить с работы, чтобы не вызывать подозрений, но и оставаться долго вельзя. Вскоре ему придется полностью посвятить себя продаже роботов и другим делам. По-видимому, ему нужно побольше бездельничать, чтобы его уволили с работы. Но подумав, он пришел к заключению, что делать уж меньше того, что он делает на службе, просто невозможно. Работа проходит через столько рук и машин, что в конце концов каким-то образом оказывается выполненной.

Ему придется придумать какую-нибудь правдоподобную историю о наследстве или найти другой предлог для ухода. Секунду он тешил себя мыслью, что скажет правду, но тотчас решил, что правда звучала бы слишком фантастично... во всяком случае, правду говорить не стоит, пока он немного не разберется в своем положении.

Найт встал с кресла и пошел в подвал. Сталь и другие материалы, которые он заказывал, были доставлены. Их аккуратно сложили в углу.

Найт стал лениво собирать упаковочный материал, который оставался на полу, с тех пор как он распаковал Альберта. В куче мягкой стружки он нашел маленькую синюю табличку, которая, как он помнил, была прикреплена к ящичку с мозгом робота.

Он поднял ее и прочел. На ней стоял номер Х-190.

«Х» означает экспериментальную модель! И тут он понял все.

«Сделай сам, инкорпорейтед» создала Альберта и, упаковав, отправила на склад, потому что компания вряд ли позволила бы себе выбросить на рынок такой товар. Этим она сама себе обеспечила бы финансовый крах. Продай она десяток Альбертов, и года через два рынок пресытился бы роботами.

И стоили бы они не десять тысяч. Их продавали бы почти по себестоимости. Так как их производил бы не человек, цена на них неизбежно упала бы.

— Альберт, — сказал Найт.

— Что? — рассеянно откликнулся робот.

— Вглянитесь на это.

Альберт подошел и взял табличку, которую протянул ему Найт.

— А... это! — сказал он.

— Могут быть неприятности.

— Никаких неприятностей не будет, хозяин, — заверил Альберт. — Меня не опознают.

— Не опознают?

— Я сточил номера и изменил отделку. Никто не сможет доказать, что я — это я.

— Но почему вы это сделали?

— Чтобы на меня не предъявили претензий и не взяли обратно. Меня сделали, потом испугались и изолировали. Но я попал сюда.

— Кто-то ошибся, — сказал Найт. — Наверно, во время погрузки. Вас прислали вместо собаки, которую я заказал.

— Вы меня не испугались. Вы собрали меня и позволили работать. Я остаюсь с вами, хозяин.

— И все же мы можем попасть в беду, если не будем осторожны.

— Никто ничего не сможет доказать, — настаивал Альберт. — Я поклянусь, что это вы сделали меня.

Я не дам забрать меня обратно. Второй раз мне улизнуть не позволят. Меня превратят в лом.

— Если вы сделаете слишком много роботов...

— Вам нужно много роботов, чтобы переделать всю работу. Думаю, для начала понадобится штук пятьдесят.

— Пятьдесят!..

— Конечно. На это уйдет примерно месяц. Теперь, когда у меня есть заказанные вами материалы, я могу ускорить производство. Кстати, вот счет за материалы.

Он извлек из углубления, служившего ему карманом, полоску бумаги и вручил ее Найту.

Увидев сумму, Найт заметно побледнел. Она вдвое превышала его расчеты... но, конечно, суммы, вырученной от продажи хотя бы одного робота, хватит с избытком.

Альберт похлопал Найта увесистой рукой по спине.

— Не беспокойтесь, хозяин. Я позабочусь обо всем.

Стая роботов, вооруженных специальными приспособлениями, приступила к работе на участке. Заросшая, неухоженная земля обретала другой вид. Озеро было вычищено и углублено. Проложены дорожки. Построены мостки. На склоне холма устроены террасы. Разбиты большие цветочные клумбы. Деревья выкопаны и пересажены так, что радовали глаз. Пущены в ход старые печи для обжига — кирпичи пошли на дорожки и стены. Сделаны модели парусных кораблей — поставленные на якоря, они очень украсили озеро. Построены пагода и минарет, а вокруг них посажены вишневые деревья.

Найт поговорил с Энсоном Ли. Тот с видом прожженного стряпчего сказал, что разберется в ситуации.

— Вы, возможно, стоите на грани нарушения закона, — добавил он. — Но как близко вы подошли к этой грани, я могу сказать, только просмотрев соответствующие статьи.

Однако ничего не случилось.

Работа продолжалась.

Ли по-прежнему лежал в гамаке и, прижимая к себе кувшин с сидром, с изумлением наблюдал за тем, что творилось на участке соседа.

Потом пришел налоговый инспектор.

Они с Найтом присели на газоне.

— С тех пор, как я был здесь в последний раз, у вас стало лучше, — сказал чиновник. — К сожалению, я вынужден увеличить сумму налога.

Он что-то записал в книжку, которую держал на колене.

— Слышал я о ваших роботах, — продолжал он. — Это движимое имущество. Оно облагается. Сколько их у вас?

— Примерно несколько десятков, — уклончиво ответил Найт.

Чиновник сел поправее и принялся считать тех роботов, которые были на виду, тыкая в сторону каждого карандашом.

— Слишком уж быстро они передвигаются, — пожаловался он. — Не ручаюсь за точность, но штук тридцать восемь я насчитал. Правильно?

— Не думаю, — ответил Найт, сам не знавший, сколько их, но уверенный, что их будет больше, если чиновник посидит еще немного.

— Каждый из них стоит десять тысяч долларов. Амортизация, стоимость содержания и так далее... оценим каждого в пять тысяч. Все вместе... сейчас подсчитаем, они стоят 190 тысяч долларов.

— Нет, вы послушайте, — запротестовал Найт, — нельзя же...

— Я к вам подошел по-хорошему, — заявил чиновник. — По правилам я должен скинуть на амортизацию всего одну треть.

Он ждал, что Найт будет спорить, но тот уже сообразил, что лучше помолчать. Чем дольше этот человек будет оставаться здесь, тем больше шансов, что сумма налога возрастет.

Когда чиновник скрылся из виду, Найт пошел в подвал, чтобы поговорить с Альбертом.

— Я воздерживался, пока приводили в порядок участок, — сказал Найт. — Кажется, я больше воздерживаться не могу. Нам придется продать несколько роботов.

— Продать? — в ужасе повторил Альберт.

— Мне нужны деньги. Только что здесь был налоговый инспектор.

— Хозяин, роботов продавать нельзя!

— Почему нельзя?

— Потому что это моя семья. Роботы — мои сыновья. Судите по их именам.

— Это смешно, Альберт.

— Все их имена начинаются с А, как и мое имя. Они все, что у меня есть, хозяин. Я тяжело трудился, чтобы сделать их. Между мной и моими мальчиками существуют такие же узы, как между вами и вашим сыном. Я не могу позволить продать их.

— Но, Альберт, мне нужны деньги.

Альберт похлопал его по плечу.

— Не беспокойтесь, хозяин. Я все устрою.

Найт только махнул рукой. Во всяком случае, налог на движимое имущество надо платить еще через несколько месяцев, и за это время он, безусловно, что-

нибудь придумает. Но времени терять не следует, в течение двух месяцев деньги надо достать. Это стало очевидным на другой же день, когда Найт получил приглашение явиться в Департамент государственных сборов.

Всю ночь он думал, не лучше ли совсем скрыться. Он пытался сообразить, как это человек может исчезнуть, и чем больше он думал, тем яснее сознавал, что в век досье, проверок по отпечаткам пальцев и прочих ухищрений для опознания личности надолго не скроется.

Чиновник Департамента государственных сборов был вежлив, но непреклонен.

— Нам сообщили, мистер Найт, что за последние несколько месяцев у вас наблюдается значительное увеличение капитала.

— Увеличение капитала, — сказал Найт, вытирая пот со лба. — Никакого увеличения капитала у меня нет.

— Мистер Найт, — заметил по-прежнему вежливый, но непреклонный чиновник, — я говорю о пятидесяти двух роботах.

— Роботах? Пятидесяти двух?

— По нашим подсчетам. Вы считаете, что мы ошиблись?

— О нет, — торопливо согласился Найт. — Раз вы говорите, что их пятьдесят два, то я вам верю.

— Насколько мне известно, розничная цена каждого — десять тысяч долларов.

Найт уныло кивнул.

Чиновник с карандашом в руке занялся подсчетами.

— Пятьдесят два раза по десять тысяч, — это будет пятьсот двадцать тысяч. Облагается только пятьдесят процентов прироста капитала, или двести шестьдесят

тысяч долларов. Следовательно, вам надо уплатить примерно сто тридцать тысяч долларов.

Его взгляд встретился с тусклым взглядом Найта.

— К пятнадцатому числу следующего месяца, — сказал чиновник, — ждем от вас декларации о доходах. Тогда же вы заплатите половину суммы налога, остальное можете выплатить по частям.

— И это все, что вы хотели от меня?

— Все, — неуместно радуясь, сказал чиновник. — Есть еще одно дело, но оно не входит в мою компетенцию, и я упоминаю о нем только для того, чтобы предупредить вас, если вы еще не думали об этом. Кроме федерального налога, вам надо будет уплатить налог штата, хотя, конечно, он не так велик.

— Спасибо, что напомнили, — сказал Найт, поднимаясь.

У двери чиновник остановил его.

— Мистер Найт, то, о чем я спрошу вас, тоже не входит в мою компетенцию... Мы навели справки о вас и узнали, что вы получаете десять тысяч долларов в год. Это уж мое личное любопытство, но скажите, пожалуйста, как вы, получая десять тысяч в год, вдруг сумели нажить еще полмиллиона?

— Этому я и сам удивляюсь, — ответил Найт.

— Мы заботимся, естественно, только о том, чтобы вы уплатили налог, но вами может заинтересоваться какое-нибудь другое правительственное учреждение. На вашем месте, мистер Найт, я бы постарался придумать хорошее объяснение.

Найт вышел, прежде чем чиновник дал ему еще один хороший совет. У него и без того было достаточно причин для беспокойства.

Летя домой, Найт решил, что, хочет того Альберт или нет, ему придется продать определенное число ро-

ботов. Дома он тотчас спустится в подвал и скажет об этом Альберту.

Но когда он прибыл, Альберт уже ждал его на посадочной площадке.

— Здесь был представитель «Сделай сам»...

— Не продолжайте, — простонал Найт. — Я знаю, что вы хотите сказать.

— Я все устроил, — с фальшивым воодушевлением продолжал Альберт. — Я сказал ему, что меня сделали вы. Я позволил ему осмотреть меня и всех роботов. Он не мог найти клейма компании ни на ком из нас.

— Конечно, не мог. Свои вы сточили, а на других не ставили.

— Ему не к чему было прицепиться, но он считает, что доказательства найдутся. И он сказал, что подаст в суд.

— Если он этого не сделает, то будет единственным человеком, который не щелкнет нас по носу. Налоговый инспектор только что сказал мне, что я должен правительству сто тридцать тысяч.

— А, деньги, — сияя, молвил Альберт. — Я все устроил.

— Вы знаете, где мы можем достать денег?

— Конечно. Пойдемте со мной, увидите.

Он повел Найта в подвал и показал на два свертка, перевязанных проволокой.

— Деньги, — сказал Альберт.

— В этих свертках настоящие деньги? Долларовые бумажки? Не театральные реквизит и не сигарные купоны?

— Долларовых бумажек здесь нет. Главным образом десятки и двадцатки. Несколько пятидесятидолларовых банкнотов. Мы долларовыми ассигнациями не

ванимались. Слишком много возни, чтобы сделать их приличное количество.

— Вы хотите сказать... Альберт, вы сделали эти деньги?

— Вы сказали, что вам нужны деньги. Ну, мы взяли несколько банкнотов, сделали анализ краски, выяснили состав и структуру бумаги и изготовили клише. Не люблю быть нескромным, но они действительно сделаны превосходно.

— Фальшивомонетчик! — завопил Найт. — Сколько денег в этих свертках?

— Не знаю. Мы их делали, пока не решили, что хватит. Если их недостаточно, мы всегда можем сделать еще.

Найт знал, что объяснять что-либо бесполезно, но мужественно приступил к этому делу:

— Правительство хочет получить с меня деньги, которых у меня нет, Альберт. Ко мне может прицепиться и Министерство юстиции. Компания «Сделай сам», скорее всего, подаст на меня в суд. У меня достаточно неприятностей. И я не хочу, чтобы мне предъявили обвинение в подделке денег. Возьмите эти деньги и сожгите.

— Но это деньги, — возражал робот. — Вы сказали, что вам нужны деньги. Когда роботы берутся за работу, они делают ее добросовестно.

— Возьмите эти деньги и сожгите их, — приказал Найт. — А когда вы сожжете деньги, вылейте краску, искрошите клише и ударьте несколько раз кувалдой по печатному станку, который вы соорудили. И никогда не говорите об этом ни слова кому бы то ни было... кому бы то ни было, вы понимаете?

— Вы попали в беду, хозяин. И мы просто хотели вам помочь.

— Я знаю это и ценю. Но сделайте так, как я сказал.

— Ладно, хозяин, если вы этого хотите.

— Альберт!

— Да, хозяин.

Найт хотел было сказать: «Послушайте, Альберт, нам придется продать робота, хоть он и член вашей семьи, хоть вы и сделали его».

Но он не мог сказать этого, и не только потому, что Альберт делал все возможное, чтобы помочь ему. И он сказал:

— Спасибо, Альберт. Жаль, что ничего не вышло.

Потом он пошел наверх и наблюдал, как роботы жгут пачки денег. И один бог знает, сколько фальшивых миллионов превратилось в дым.

В тот же вечер, сидя на газоне, Найт размышлял, правильно ли поступил он, приказав сжечь фальшивые деньги. Альберт сказал, что их нельзя отличить от настоящих денег, и, по-видимому, это было правдой, потому что, когда шайка Альберта берется за дело, она делает его так, что комар носа не подточит. Но это было бы нарушением закона, а он до сих пор не делал ничего по-настоящему незаконного... хотя он и распаковал и собрал Альберта, не купив его, что было по меньшей мере неэтично.

Найт думал о будущем. Оно не было светлым. Дней через двадцать придется подать декларацию о доходах. Придется платить огромный налог на движимое имущество и уладить дело с налогом штата. И, более чем очевидно, компания «Сделай сам» возбудит против него дело в суде.

Однако есть способ обойти все неприятности. Он может отослать Альберта и других роботов компании «Сделай сам», и тогда она не будет иметь оснований для предъявления иска, а сборщикам налогов он объяснит, что произошла большая ошибка.

Но это не выход из положения по двум причинам.

Во-первых, Альберт не захочет вернуться. Найт не имел никакого представления, что может сделать Альберт в подобной ситуации, но он не захочет вернуться, так как боится, что его превратят в грудку металлического лома.

И, во-вторых, Найту не хотелось отказываться от роботов без боя. Он узнал их и полюбил. Более того, это вопрос принципа.

Так он и сидел, придавленный неприятностями, запутавшийся маленький клерк, который никогда звезд с неба не хватал, а катился по социальной и экономической колее, прорезанной кем-то другим.

«Боже мой, — думал он, — пришел опаснейший час моей жизни. Что хотели, то и делали со мной, меня запугивали, и мне больше нестерпимо. Я покажу им, что так поступать с Гордоном Найтом и его роботами нельзя».

Он был доволен своим настроением, и ему понравилась сама мысль о Гордоне Найте и его роботах, хотя он так и не решил, как выпутаться из неприятностей. А просить помощи Альберта он боялся. Идеи Альберта, по крайней мере те, которые он высказывал до сих пор, скорее приведут в тюрьму, чем к беспечной жизни.

Утром, выйдя из дому, Найт увидел шерифа, который, низко надвинув шляпу, прислонился к забору. Коротая время, он дремал.

— Доброе утро, Горди, — сказал шериф. — Я вас жду.

— Доброе утро, шериф.

— Терпеть не могу этого, Горди, но работа есть работа. Я принес вам одну бумагу.

— Я ее ожидал, — покорно сказал Найт.

Он взял бумагу, протянутую шерифом.

— Красивый у вас участок, — заметил шериф.

— От этого-то и все заботы, — сознался Найт.

— Я думаю...

— Вся красота не стоит этих забот.

Когда шериф ушел, Найт развернул бумагу и без удивления прочел, что компания «Сделай сам» предъявила иск, требуя возвращения робота Альберта, а также всех прочих роботов.

Он положил бумагу в карман и вдоль озера по по-вехонькой, выложенной кирпичом дорожке, через бесполезные, но радующие глаз мостки, мимо пагоды и террас на склоне холма пошел к дому Энсона Ли.

Ли был на кухне, жарил яичницу с ветчиной. Он разбил еще два яйца, нарезал побольше ветчины и достал тарелку с чашкой для Найта.

— А я все думал, чего это вы так долго не показываетесь, — сказал он. — Надеюсь, вас не подведут под статью, требующую смертной казни.

Найт рассказал ему все, и Ли, стерев яичный желток с губ, не слишком его обнадежил.

— Вам придется составить декларацию о своем имуществе, даже если вы не в состоянии заплатить налог, — сказал он. — Формально вы не нарушили закона, и все, что они могут сделать, — это попытаться получить с вас причитающиеся деньги. Очевидно, на ваше жалованье будет наложен арест. Но так как жа-

лованье не превышает законного минимума, то арест будет наложен на ваш банковский счет.

— Мой банковский счет исчерпан, — сказал Найт.

— Дома трогать нельзя. По крайней мере пока вашего имущества отнять не могут, и поэтому сначала больших неприятностей не будет. Другое дело — налог на движимое имущество, но срок его уплаты истечет только весной будущего года. Я бы сказал, что больше всего вам надо остерегаться иска компании «Сделай сам», если вы, конечно, не захотите решить дело миром. Думаю, она откажется от иска, если вы вернете роботов. Как юрист, должен сказать вам, что ваше дело проигрышное.

— Альберт засвидетельствует, что это я сделал его, — со слабой надеждой предположил Найт.

— Альберт не может выступать в качестве свидетеля, — сказал Ли. — Он робот, и его слово для суда ничего не значит. Да, кроме того, суд никогда не поверит, что вы можете сделать такое механическое чудовище, как Альберт.

— Я хорошо умею мастерить, — запротестовал Найт.

— А что вы знаете об электронике? Насколько вы компетентны как биолог? Изложите хоть вкратце теорию роботики.

Найт признал себя побежденным.

— Наверно, вы правы.

— Может быть, лучше вернуть роботов?

— Но я не могу! Разве вы не понимаете? Компании «Сделай сам» Альберт нужен не для того, чтобы пустить его в дело. Она превратит его в лом, сожжет чертежи, и может пройти еще тысяча лет, прежде чем будет вновь открыт принцип его действия. Я не знаю, принесет ли этот принцип пользу или будет людям во

вред, по то же самое можно сказать о любом изобретении. Я против того, чтобы Альберта превратили в лом.

— Я понимаю вас, — сказал Ли, — и поддерживаю вашу точку зрения. Но должен предупредить, что я не очень хороший адвокат. У меня слишком маленькая практика.

— Но я больше не знаю никого, кто бы взялся за это дело без гонорара.

Ли посмотрел на него с сожалением.

— О гонораре речь пойдет в последнюю очередь. А вот судебные издержки стоит принять во внимание.

— Может быть, переговорить с Альбертом? Я расскажу, как обстоит дело, и он позволит продать несколько роботов, чтобы хоть временно избавить меня от беды.

Ли покачал головой.

— Я уже думал об этом. Вы должны иметь разрешение на продажу роботов, но, для того чтобы получить разрешение, придется представить доказательства, что вы их владелец. Придется доказать, что вы либо купили, либо произвели их, а у вас нет разрешения на их производство. А чтобы получить такое разрешение, вы должны иметь чертежи вашей модели, не говоря уже о чертежах и спецификации завода, документах, касающихся использования рабочей силы, и прочих деталях.

— Значит, я у них в руках?

— Я никогда не видел человека, — заявил Ли, — который бы умудрился стать поперек дороги такому числу людей.

В кухню постучали.

— Войдите! — крикнул Ли.

Дверь открылась, и вошел Альберт. Он остановился на пороге и стал нетерпеливо переминаться с ноги на ногу.

— Абнер сообщил мне, что видел, как шериф вам что-то вручил, — сказал он Найту, — и вы тотчас пошли сюда. Я забеспокоился. Это связано с компанией «Сделай сам»?

Найт кивнул.

— Мистер Ли будет защищать нас в суде, Альберт.

— Я сделаю все, что смогу, — сказал Ли, — но мне кажется, что это бесполезно.

— Мы, роботы, хотим помочь вам. В конце концов, борьба ведется и в наших интересах.

Ли пожал плечами.

— Пользы от вас будет немного.

— Я все обдумал, — сказал Альберт. — Работая, я всю ночь думал и думал. И я сделал робота-юриста.

— Робота-юриста!

— Да, робота с большим объемом памяти, чем у остальных, и мощным решающим устройством, которое руководствуется законами формальной логики. Ведь право основано на логике, не так ли?

— Наверно, — ответил Ли. — Во всяком случае, должно основываться.

— Я могу сделать много роботов-юристов.

— Ничего из этого не выйдет, — со вздохом сказал Ли. — Чтобы выступать в суде, надо иметь право заниматься адвокатской практикой. А чтобы получить право заниматься практикой, надо иметь юридическое образование, выдержать экзамен; и, хотя еще не было соответствующего прецедента, я подозреваю, что кандидатом в адвокаты должен быть человек.

— Давайте не торопиться, — сказал Найт. — Роботы Альберта не могут заниматься адвокатурой. Но разве нельзя использовать их в качестве клерков или помощников? Они могли бы оказать большую помощь при подготовке к процессу.

— Наверно, это можно сделать, — задумчиво произнес Ли. — Прежде такого не бывало, но нет закона, который утверждал бы, что этого сделать нельзя.

— Им нужно только прочесть книги, — сказал Альберт. — Они тратят примерно десять секунд на страницу. Все, что они прочтут, будет накапливаться в ячейках памяти.

— Прекрасная мысль! — воскликнул Найт. — Роботы будут знать только право. Они будут существовать для этого. До мозга костей они...

— Но смогут ли они применить свои знания? — спросил Ли. — Сможут ли они использовать их при решении какой-либо проблемы?

— Сделать несколько десятков роботов, — сказал Найт. — Дать возможность каждому из них стать знатоком какого-нибудь раздела права.

— Я бы снабдил их телепатическими способностями, — сказал Альберт. — Они бы работали все вместе, как один робот.

— Принцип взаимодействия? — вскричал Найт. — Каждый из них будет немедленно получать любую информацию, которая имеется у других.

Ли потер подбородок кулаком, глаза его заблестели.

— Стоит попробовать. Если это произойдет, то для юриспруденции, пожалуй, наступят черные дни. — Он взглянул на Альберта. — У меня есть книги, горы книг. Я потратил на них кучу денег и никогда ими не пользовался. Я могу достать все книги, которые вам понадобятся. Ладно, беритесь за дело.

На всякий случай Альберт сделал десятка три роботов-юристов.

Роботы заполонили кабинет Ли, прочли все книги, которые у него были, и потребовали еще. Они глотали книги по договорному праву, описания случаев

правонарушения, не связанных с нарушением контракта, но дающих основания предъявлять иски, томы свидетельских показаний и судебные отчеты. Они вобрали в себя все, что было известно о недвижимом и движимом имуществе, о государственном устройстве и правилах судебной процедуры. Они запомнили труды авторитетных слугителей Немезиды, собрание римских законов, изданное при императоре Юстиниане, и все другие тома, смертельно скучные и увесистые, как надгробные плиты.

Грейс нервничала. Она заявила, что не будет жить с человеком, который хочет, чтобы его имя попало в газеты. Это заявление было довольно нелепым. Вниманием публики завладел новый скандал, связанный со снабжением космической станции, и сообщение, что компания «Сделай сам» обвинила некоего Гордона Найта в присвоении какого-то робота, прошло почти незамеченным.

Ли спустился с холма и поговорил с Грейс. Альберт поднялся из подвала и тоже поговорил с ней. Наконец совместными усилиями ее утихомирили и уговорили вернуться к живописи. Теперь она писала морские пейзажи.

А в кабинете Ли трудились роботы.

— Я надеюсь, они кое-чего наберутся, — сказал Ли. — Подумать только, не надо будет перерывать источники и охотиться за цитатами, под рукой окажется любая статья и любой прецедент!

От волнения он раскачивался в гамаке.

— Господи! А как можно излагать дело!

Он нагнулся, поднял кувшин и протянул его Найту.

— Вино из одуванчиков. Есть в нем и немного сока лопуха. Слишком уж хлопотно выбирать ненужную траву, когда нарвешь большую охапку.

Найт фыркнул. По вкусу было похоже, что вино сделано из одних лопухов.

— Двойная выгода, — пояснил Ли. — Одуванчики надо вырывать, чтобы они не портили газон. И, раз уж их вырвешь, можно найти им полезное применение.

Он хлебнул вина и поставил кувшин под гамак.

— Они там теперь беседуют, — сказал Ли, ткнув большим пальцем в сторону дома. — Не произнося ни слова, договариваются обо всем. Я чувствую себя не в своей тарелке. — Он взглянул на небо и нахмурился. — Словно я человек, который нужен только для представления.

— Я вздохну с облегчением, когда все это кончится, — сказал Найт, — независимо от исхода.

— Я тоже, — согласился Ли.

Суд начался без всякой шумихи. Слушалось обычное очередное дело.

Громадные заголовки в газетах появились только после того, как Ли и Найт вошли в зал суда в сопровождении взвода роботов.

В зале поднялся шум. Адвокаты компании «Сделай сам» широко раскрыли рты и повскакали с мест. Судья неистово застучал молотком.

— Мистер Ли, — завопил он, — что это значит?

— Это, ваша честь, — спокойно ответил Ли, — мои помощники.

— Но они же роботы!

— Совершенно верно, ваша честь.

— Они не имеют права принимать участие в судебной процедуре.

— Прошу прощения, ваша честь, но им и не надо принимать участия. Я здесь единственный представи-

тель ответчика. Мой клиент, — сказал он, взглянув на мощный отряд юридических талантов, представляющих компанию «Сделай сам», — бедный человек, ваша честь. Я надеюсь, суд не откажет мне в праве воспользоваться той помощью, которую мне удалось организовать.

— Но это противоречит правилам, сэр.

— Прошу прощения, ваша честь, но я осмелюсь указать на то, что мы живем в век механизации. Почти все отрасли промышленности и бизнеса опираются в своей работе на вычислительную технику, которая справляется с делом быстрее и лучше, чем люди. Все наше общество держится на способности машин выполнять физическую и черновую работу, которую прежде приходилось делать людям.

— Тенденция опираться на умные машины и широко использовать их, — продолжал Ли, — проявляется в любой области человеческой деятельности. И это приносит великую пользу человеческому роду. Даже в такой области, как фармацевтическая промышленность, где при составлении лекарств не может быть допущено ни малейшей ошибки, машины, ваша честь, работают надежно. И если, ваша честь, такие машины принято использовать для производства лекарств, то есть в промышленности, где доверие общественности можно отнести к активам компаний, то согласитесь, что суд, где правосудие — безусловно такое же деликатное дело, как и производство лекарств, отправляется...

— Погодите, мистер Ли, — перебил его судья. — Уже не пытаетесь ли вы доказать мне, что использование... э... машин может способствовать лучшему отправлению правосудия?

— Правосудие, ваша честь, — ответил Ли, — стремится к установлению порядка в отношениях между людьми. Оно основывается на логике и здравом смысле. Надо

ли указывать на то, что именно умные машины явятся воплощением логики и здравого смысла? Машина не наследует человеческих эмоций, на нее не будут влиять предрассудки и предубеждения. Ее будет интересовать только последовательность определенных фактов и законы.

— Я не прошу, — продолжал он, — чтобы за моими помощниками роботами было признано какое-либо официальное положение. Я не хочу, чтобы они принимали участие в процедуре, связанной с делом, которое рассматривает данный суд. Но я прошу — и, полагаю, вполне законно, — чтобы меня не лишали той помощи, которую они могут оказать. Истец в этом деле имеет десяток адвокатов, хороших и способных людей. Я один против многих. Я сделаю все, что в моих силах. Но ввиду неравенства сил я прошу суд не ставить меня в еще более невыгодное положение.

Ли сел.

— Это все, что вы хотели сказать, мистер Ли? — спросил судья. — Вы уверены, что ничего не добавите к сказанному, прежде чем я вынесу свое решение?

— Только одно, — сказал Ли. — Если ваша честь может указать мне на какой-нибудь пункт в судебных уложениях, запрещающий мне использовать робота...

— Это смешно, сэр. Конечно, такого пункта нет. Никто и никогда не думал, что возникнет такое непредвиденное обстоятельство. Поэтому, естественно, не было причины предусматривать в уложениях подобное запрещение.

— Может быть, есть ссылка, которая подразумевает нечто подобное?

Судья схватил молоток и сильно ударил по столу.

— Суд находится в затруднении. Решение будет объявлено завтра утром.

На следующее утро адвокаты компании «Сделай сам» попытались помочь судье. Поскольку, сказали они, упомянутые роботы относятся к предметам, установление принадлежности которых явилось причиной тяжбы, то использование их в суде ответчиком было бы неправильным. Они указали, что такое действие было бы равносильно попытке принудить истца способствовать выступлению против собственных интересов.

Судья с серьезным видом кивал, но тотчас выступил Ли.

— Чтобы этот аргумент стал обоснованным, ваша честь, надо прежде всего доказать, что роботы действительно принадлежат истцу. Это, собственно, и является предметом данной тяжбы. Возникает впечатление, ваша честь, что джентльмены, сидящие напротив, впрягают лошадь мордой к телегу.

Его честь со вздохом сказал:

— Суд сожалеет о том, что ему приходится выносить решение, хорошо зная, что оно положит начало спору, беспристрастного разрешения которого следует ожидать еще очень не скоро. Но за отсутствием конкретного запрета использовать... э... роботов в занятиях правом суд постановляет, что защите разрешается пользоваться их услугами.

Он остановил взгляд на Ли.

— Но суд также хочет предупредить защитника, чтобы он следил за своим поведением. Если, сэр, вы хоть в малом нарушите то, что я считаю правилами поведения в суде, я немедленно удалю вас и ваши машины из зала заседания.

— Спасибо, ваша честь, — сказал Ли. — Я буду очень осторожен.

— Теперь истец может изложить дело.

Поднялся главный защитник компании «Сделай сам». Он сказал, что ответчик, некий Гордон Найт, заказал компании один комплект механобиологической собаки на сумму двести пятьдесят долларов. Но из-за ошибки при погрузке ответчику послали не комплект собаки, а робота по имени Альберт.

— Ваша честь, — перебил его Ли, — я должен заметить в этой связи, что погрузка комплекта производилась человеком и это было причиной ошибки. Если бы компания «Сделай сам» применяла машины, такой ошибки не могло бы случиться.

Судья ударил молотком.

— Мистер Ли, вы не новичок в суде. Вы знаете, что нарушили порядок. — Он кивнул адвокату компании. — Продолжайте, пожалуйста.

Адвокат компании сказал, что робот Альберт не обыкновенный робот. Это экспериментальная модель, созданная компанией «Сделай сам». После испытания ее способностей модель была упакована и отложена. Никто не собирался ее продавать. Он не представляет себе, как она могла быть послана покупателю. Компания провела расследование, но не нашла ответа. То, что модель была послана, очевидно само по себе.

Он объяснил, что розничная цена обыкновенного робота равна десяти тысячам долларов. Альберт стоит гораздо больше... определить его стоимость поистине невозможно.

По получении робота покупатель, Гордон Найт, должен был немедленно известить компанию и организовать возврат покупки. Но вместо этого он оставил робота у себя и обманным путем использовал его в корыстных целях.

Компания просит суд обязать ответчика вернуть не только робота Альберта, но и продукты его труда, а

именно неизвестное число роботов, которых произвел Альберт.

Адвокат сел.

— Ваша честь, — сказал в свою очередь Ли, — мы согласны со всем, что сказал здесь истец. Он точно изложил суть дела, и я поздравляю его с превосходной речью.

— Следует ли мне понимать, сэр, — спросил судья, — что ваше высказывание равносильно признанию вины? Вы, наверно, собираетесь положиться полностью на милость суда?

— Ни в коем случае, ваша честь.

— Признаться, — сказал судья, — я не в состоянии следить за ходом ваших рассуждений. Если вы признаете обвинения, выдвинутые против вашего клиента, то я не понимаю, как я могу вынести какое-либо постановление не в пользу истца.

— Ваша честь, мы готовы показать, что истец, никем не обманутый, сам имеет намерение обмануть всех. Мы готовы доказать, что, приняв решение скрыть от общественности изобретение Альберта, компания «Сделай сам» в действительности лишила людей всего мира возможности сделать следующий логичный шаг по пути прогресса. Она скрыла от людей, так сказать, этот продукт всеобщего развития техники.

— Ваша честь, — продолжал он. — Мы убеждены, что сможем доказать нарушение компанией некоторых положений, созданных для того, чтобы поставить вне закона монополию, и готовы спорить, что ответчик не только не совершил чего-либо предосудительного против общества, а, наоборот, оказал обществу большую услугу. Более того, ваша честь, мы намереваемся представить доказательства, которые будут свидетельствовать о том, что роботы в целом лишены некоторых неотъемлемых прав...

— Мистер Ли, — предостерегающе сказал судья, — робот всего лишь машина.

— Мы докажем, ваша честь, — сказал Ли, — что робот нечто гораздо большее, чем просто машина. Мы действительно готовы представить доказательства, которые, по нашему глубокому убеждению, покажут, что во всем, кроме обмена веществ, робот является копией человека и что даже его обмен веществ до некоторой степени аналогичен обмену веществ человека.

— Мистер Ли, вы ушли далеко в сторону. Рассматривается вопрос о том, присвоил ли незаконно ваш клиент собственность компании «Сделай сам». Тяжбу следует ограничить только разрешением этого вопроса.

— Так я и делаю, — сказал Ли. — Но при этом намереваюсь доказать, что робот Альберт не был собственностью и не мог быть украден или продан. Я намереваюсь доказать, что мой клиент не украл его, а освободил. И если мне и приходится уходить далеко в сторону, чтобы доказать некоторые основные положения, то я прошу суд простить меня за то, что я испытываю его терпение.

— Вы с самого начала испытываете терпение суда, — сказал судья. — Но суд справедлив, и у вас есть право доказать то, что вы утверждаете. Вы простите мне, если я скажу, что ваши доводы немного притянуты за уши.

— Ваша честь, я сделаю все, что в моих силах, чтобы вывести вас из этого заблуждения.

— В таком случае все в порядке, — сказал судья. — Приступим к делу.

Процесс продолжался шесть недель, и страна жила им. О нем кричали огромные заголовки статей на пер-

вых страницах газет. Им кормились радио и телевидение. Сосед спорил с соседом, обычными стали споры на улицах, в семье, в клубах, в конторах. Редакции газет захлестывали письма читателей.

Состоялись митинги, на которых ораторы выражали свое негодование, считая нелепым ставить знак равенства между человеком и роботом, создавались организации, выступавшие за освобождение роботов. В психиатрических лечебницах резко снизилось число Наполеонов и Гитлеров, вместо которых появились неуклюже вышагивающие пациенты, выдающие себя за роботов.

Вмешалось министерство финансов. В силу экономических причин оно просило суд объявить раз и навсегда, что роботы являются имуществом. Оно указывало, что если роботы не будут облагаться как собственность, то различные государственные учреждения не досчитаются многих статей дохода.

Суд выносил определения.

Роботы обладают свободой воли. Это было легко доказать. Робот может выполнить порученное дело, действуя правильно, сообразуясь с непредвиденными факторами. Способность роботов судить здраво во многих случаях, как было доказано, стоит выше здравого смысла человеческого.

Роботы обладают способностью рассуждать. Это было вне всякого сомнения.

Роботы могут размножаться. Это было трудно доказать. Все, что делает Альберт, как утверждали представители компании «Сделай сам», является работой, для которой он был сконструирован. А вот Ли доказывал, что он размножается. Он делает это сознательно. Он любит роботов и считает их членами своей семьи. Он даже дает им имена в свою честь — имя каждого начинается с «А».

Истец доказывал, что *роботы не религиозны*. Ли утверждал, что это не относится к делу. Многие люди являются агностиками и атеистами и тем не менее считаются людьми.

У роботов нет эмоций. Ли возражал, что это не совсем верно. Альберт любит своих сыновей. Роботы верны и обладают чувством справедливости. Если у них и нет некоторых эмоций, то, может быть, это к лучшему. Они, например, не способны ненавидеть. Или быть алчными. Ли потратил почти час, рассказывая суду мрачную историю человеческой ненависти и алчности. Еще час он клеймил рабство, в которое обращали разумных существ.

Газеты публиковали его речи. Адвокаты истца корчились от возмущения. Судья гневался. Процесс продолжался.

— Мистер Ли, — спрашивал судья, — к чему все это?

— Ваша честь, — отвечал ему Ли, — я просто делаю все возможное, чтобы обосновать нашу точку зрения. В действиях, в которых обвиняется мой клиент, нет ничего противозаконного. Я просто пытаюсь доказать, что робот не является имуществом и, следовательно, не может быть украден... Я...

— Ладно, — сказал судья. — Ладно. Продолжайте, мистер Ли.

Адвокаты компании «Сделай сам» щеголяли цитатами, доказывая свою точку зрения. Ли отвечал им градом цитат, разбивая их в пух и в прах. Невразумительный язык юридических сочинений расцвел пышным цветом, давно забытые постановления и решения становились предметом спора, обсасывались и кромсались.

По мере того как шел процесс, становилось ясно одно: Энсон Ли, неизвестный адвокат, на которого навалилась куча талантливейших юристов, выходил победителем. В его распоряжении были все относящиеся к делу тексты законов, цитаты, точные ссылки на источники, описания прецедентов, все факты и логика.

Вернее, они были у роботов. Они бешено скрипели перьями и вручали ему свои заметки. К концу каждого дня пол вокруг стола защитника покрывали вороха бумаги.

Процесс закончился. Последний свидетель дал показания. Последний адвокат сказал свое слово.

Ли и роботы остались в городе, чтобы дожидаться решения суда, а Найт улетел домой.

Он облегченно вздохнул, узнав, что все кончилось и вышло не так уж плохо, как он ожидал. По крайней мере его не выставили на посмешище как дурака и вора. Ли отстоял его достоинство, но спас ли юрист его шкуру — было еще не известно.

Еще в воздухе Найт увидел свой дом и с удивлением отметил, что он изменился. Его окружало кольцо высоких столбов. А на газоне стояло более десятка каких-то механических чудовищ, напоминавших ракетные установки.

Найт направил летательный аппарат вниз и стал планировать, высунувшись, чтобы лучше видеть.

Столбы были высотой футов двенадцать. Они поддерживали толстую проволоку, ограждая дом густой стальной сеткой. Механические чудовища на газоне изготавились к бою. Все ракеты нацелились на Найта. При взгляде на них у него екнуло сердце.

Он осторожно пошел на посадку и перевел дыхание лишь тогда, когда колеса коснулись посадочной пло-

щадки. Как только он вылез из кабины, из-за угла дома ему навстречу поспешил Альберт.

— Что здесь происходит? — спросил он робота.

— Приняты меры на случай чрезвычайного положения, — сказал Альберт. — Вот и все, хозяин. Мы готовы к любым неожиданностям.

— Каким еще неожиданностям?

— О, например, если толпа решится на самосуд.

— Или если суд примет неблагоприятное для нас решение?

— И это тоже, хозяин.

— Не будете же вы воевать со всем миром?

— Мы не хотим возвращаться, — сказал Альберт. — Ни я, ни мои дети больше не достанемся компании «Сделай сам».

— Сражаться до последней капли крови! — воскликнул Найт.

— Сражаться до последней капли крови! — сердито сказал Альберт. — А мы, роботы, воюем отчаянно.

— И эти стрелялки, расположившиеся вокруг дома...

— Наши оборонительные силы, хозяин. Ракеты падают в любую цель. Снабженные телескопическими глазами, вычислительными и сенсорными устройствами, они, после того как их выпустят, благодаря остаточной способности к мышлению сами знают, что им делать. Если уж они сядут на хвост, увилить от них бесполезно. Стой и жди.

Найт поднял бровь.

— Вы должны отказаться от этой мысли, Альберт. Вас уничтожат в течение часа. Одна бомба...

— Лучше умереть, хозяин, чем сдаться.

Найт понял, что спорить бесполезно.

Он подумал, что, в конце концов, роботы поступают чисто по-человечески. То, что сказал Альберт, произошло не раз в истории человечества.

— У меня есть новости, — сказал Альберт. — Вы будете довольны. У меня теперь дочери.

— Дочери? С материнским инстинктом?

— Шесть дочерей, — гордо сказал Альберт. — Алиса, Ангелина, Агнесса, Агата, Альберта и Абигайль. Я не повторил ошибки компании «Сделай сам». Я дал им женские имена.

— И все они размножаются?

— Вы бы только посмотрели на этих девочек! Всемером мы работаем непрерывно: у нас кончились материалы, так что я купил много всего в долг. Надеюсь, вы не возражаете.

— Альберт, — сказал Найт, — неужели вы не понимаете, что я разорен! Уничтожен! У меня нет ни цента! Вы сделали меня банкротом!

— Наоборот, хозяин, мы прославили вас. Ваше имя красуется на первых страницах газет, вас показывают по телевизору.

Найт отошел от Альберта и, споткнувшись на ступеньках лестницы, поднялся в дом. Он увидел робота с пылесосом вместо руки, чистившего ковер. Он увидел робота с кисточками вместо пальцев, аккуратно красившего двери и оконные рамы. Он увидел робота со скребками, чистившего кирпичи в камине.

Грейс что-то напевала в своей мастерской.

Найт подошел к мастерской и заглянул в нее.

— О, это ты, — сказала Грейс. — Когда ты вернулся, дорогой? Я освобожусь примерно через час. Я работаю над морским пейзажем, и у меня никак не получается вода. Мне не хочется бросать работу, Боюсь, что мне изменяет чувство цвета.

Найт прошел в гостиную и сел на стул. Поблизости не было ни одного робота.

— Пива, — сказал он, ожидая, что будет дальше.

С кухни галопом примчался робот — робот с бочкой вместо живота, с краником внизу бочки, с рядом блестящих медных кружек на груди.

Он налил кружку. Пиво было холодное и приятное па вкус.

Найт сидел и пил пиво и вдруг в окно увидел, что оборонительные силы Альберта вновь заняли боевые позиции.

Хорошенькое дело! Если суд примет решение не в его пользу и представители компании «Сделай сам» явятся за своим имуществом, начнется самая фантастическая гражданская война в истории человечества — от него останется мокрое место. Он попытался представить себе, какие обвинения предъявят ему, если эта война начнется. Вооруженное восстание, сопротивление при аресте, подстрекательство к мятежу... найдут, в чем обвинить... если, конечно, он останется в живых.

Он повернулся к телевизору и наклонился вперед.

Прыщеватый комментатор взбивал обычную журналистскую мыльную пену:

— «...деловая жизнь фактически замерла. Многие промышленники боятся, что их сопротивление будет недолгим, если Найт выиграет дело. Им придется потратить много денег на доказательства в суде, что автоматические устройства на их предприятиях являются не роботами, а машинами. Нет сомнения, что большая часть автоматического оборудования предприятий состоит из машин, но управляют производством в основном умные системы типа роботов. Если эти системы начнут рассматриваться как роботы, то против промышленников будут возбуждены дела по возмещению

убытков, а может быть, и уголовные дела за незаконное лишение свободы...

В Вашингтоне продолжаются консультации. Министрство финансов обеспокоено тем, что снизится поступление налогов. Но перед правительством стоят еще более серьезные проблемы. Например, вопрос гражданства. Если дело решится в пользу Найта, будет ли это значить, что всех роботов надо автоматически объявить гражданами?

У политических деятелей тоже свои заботы. Стоя перед лицом новой категории избирателей, все они думают о том, как завоевать голоса роботов».

Найт выключил телевизор и уселся поудобнее, чтобы выпить еще пива.

— Хорошее пиво? — спросил пивной робот.

— Отличное, — ответил Найт.

Шли дни. Напряженность нарастала.

Ли и роботов-юристов охраняла полиция. В отдельных районах роботы собрались в группы и бежали в горы, боясь самосуда толпы. В некоторых отраслях промышленности автоматические системы объявили забастовку, требуя права вести переговоры. В нескольких штатах губернаторы привели в боевую готовность полицию. Новая постановка «Гражданин Робот» на Бродвее была освистана критиками, но публика раскупила билеты на год вперед.

Приближался решающий день.

Найт сидел у телевизора и ждал, когда появится судья. Он слышал, как позади шумели собравшиеся роботы. В мастерской что-то весело напевала Грейс. Найт спросил себя, как долго Грейс еще собирается заниматься живописью. Это увлечение продолжается дольше других, и дня два назад он поговорил с Альбер-

том о строительстве картинной галереи для ее полотен, чтобы они не загромождали дом.

На экране появился судья. Найт подумал, что он выглядит как человек, который не верил в призраков и вдруг увидел их.

— Мне никогда не приходилось принимать такое трудное решение, — устало сказал судья, — потому что, следуя букве закона, я могу губительно воздействовать на его дух. После долгих дней изучения законов и обстоятельств данного дела я выношу решение в пользу ответчика, Гордона Найта.

— Но, принимая такое решение, — продолжал судья, — я создаю прецедент, имеющий далеко идущие последствия. Роботы не являются имуществом и не могут облагаться в качестве такового. В таком случае они должны быть людьми, а это значит, что они могут пользоваться всеми правами и привилегиями и вместе с тем нести ответственность и выполнять обязанности, как и люди. Я не могу принять другое решение. Однако это не укладывается в моем сознании. Это случилось впервые за все годы моей работы, и я все еще надеюсь, что вышестоящие судебные инстанции окажутся более мудрыми, чем я, и сочтут необходимым пересмотреть мое решение!

Найт встал и вышел в сад, раскинувшийся на сотню акров. Красоту сада несколько портило двенадцатифутовое заграждение.

Процесс кончился очень хорошо. С Найта сняли обвинение, ему не надо платить налоги, а Альберт и другие роботы стали вольными птицами и могли делать, что им заблагорассудится.

Он нашел каменную скамью, присел на нее и стал глядеть на озеро. Сад его был прекрасен — именно таким он мечтал видеть его... даже более прекрасен, чем

ему грезилось, — с дорожками и мостками, цветочными клумбами и моделями кораблей, которые раскачивались ветерком на подернутой рябью воде.

Он сидел и смотрел. Сад был прекрасен, но он почувствовал, что не гордится им, что не испытывает никакого удовлетворения.

Он снял руки с колен и, сжав пальцы, словно держал инструмент, посмотрел на них. Но в руках ничего не было. И он понял, почему равнодушен к саду и не испытывает никакого удовлетворения.

Модель железной дороги. Стрельба из лука. Механобиологическая собака. Изготовление керамики. Восемь комнат, пристроенных к дому.

Сможет ли он когда-нибудь утешиться моделью железной дороги или любительским изготовлением керамики? Если и сможет, разрешат ли ему это сделать?

Он медленно встал и пошел к дому. Там он почувствовал себя бесполезным и ненужным.

Наконец он решил отправиться в подвал.

Альберт обнял его.

— Мы победили, хозяин! Я знал, что мы победим!

Он отодвинул от себя Найта и положил ему руки на плечи.

— Мы никогда не уйдем от вас, хозяин. Мы останемся и будем работать на вас. Вы никогда ни в чем не будете нуждаться. Это сделаем для вас мы!

— Альберт...

— Все в порядке, хозяин. Вам ни о чем не надо беспокоиться. Мы разрешим проблему с деньгами. Мы наделаем много роботов-юристов и будем получать большие гонорары.

— Но неужели вы не понимаете...

— Но в первую очередь — продолжал Альберт, — мы собираемся добиться постановления суда, обеспечи-

вающего наши права. Ведь мы сделаны из стали, стекла, меди и тому подобного, верно? И мы не можем позволить людям зря расходовать материалы, из которых мы сделаны, а также энергию, поддерживающую нашу жизнь. Уверяю вас, хозяин, мы не проиграем!

Устало присев на скат, Найт увидел вывеску, которую только что намалевал Альберт. Красивыми золотыми буквами, обведенными для четкости черной краской, на ней было написано:

ЭНСОН, АЛЬБЕРТ, АБНЕР, АНГУС И К° АДВОКАТЫ

— А потом, хозяин, — сказал Альберт, — мы прибедем к рукам компанию «Сделай сам». Она уже не в состоянии выдержать конкуренцию. У нас есть великолепная идея, хозяин. Мы будем делать роботов. Много роботов. Но не слишком много. Мы не собираемся подводить вас, людей, поэтому мы будем производить комплекты «Сделай сам». Только их будут собирать заранее, чтобы избавить вас от труда. Как вы думаете, для начала хватит?

— Вполне, — прошептал Найт.

— У нас все продумано, хозяин. До конца жизни вам не надо будет беспокоиться ни о чем.

— Да, — сказал Найт, — ни о чем.

КОГДА ВЕРА В РАЗУМ НЕ ПОТЕРЯНА

Достаточно прочесть рассказы Клиффорда Саймака, которые включены в сборник «Прелесть», и можно с полной уверенностью сказать, что этот человек умен, добр и обладает подлинным чувством юмора.

Умен, добр и к тому же обладает чувством юмора! Для писателя этих качеств более чем достаточно, если к ним присоединяется еще одно — талант. А Саймак, по глубокому моему убеждению, — один из самых талантливых писателей, входящих в первый десяток американских фантастов.

Родился Клиффорд Дональд Саймак в 1904 году, в штате Висконсин, где и получил университетское образование. Избрав по окончании университета профессию журналиста, он сотрудничал в различных газетах и даже ныне, будучи одним из самых известных писателей-фантастов США, продолжает работать в газете «Миннеаполис стар» в качестве редактора одного из ее отделов.

Живет писатель не в самом Миннеаполисе, а в маленьком поселке на берегу озера Миннетука. Он женат, у него двое детей и несколько вполне безобидных хобби: рыболовство, разведение роз, шахматы и филалия.

Свою литературную деятельность писатель начал в 1930 году и за тридцать шесть лет опубликовал несколько больших романов: «Кольцо вокруг солнца» (1951), «Город» (1952), «Снова и снова» (1955), «Время — простейшая вещь» (1961), «Они ходили, как люди» (1962), «Пересадочная станция» (1963), «Вся плоть — трава» (1965) и множество повестей и рассказы.

зов, которые печатались в крупнейших научно-фантастических журналах США и затем выходили отдельными изданиями. Некоторые из его произведений (роман «Пересадочная станция», повесть «Необъятный двор») отмечены премией Хьюго.

У Саймака в США, как правило, «хорошая пресса», и известный английский прозаик Кингсли Эмис, частенько выступающий в роли исследователя англо-американской фантастической литературы, считает его одним из наиболее поэтичных писателей-фантастов нашего времени.

Итак, перед нами литератор старшего поколения, вполне сложившийся, с собственной точкой зрения на важнейшие события современности, литератор, который достиг значительных высот мастерства и выработал сугубо индивидуальный творческий почерк. Близкое знакомство с ним должно доставить истинное удовольствие нашим читателям.

Но прежде чем говорить о неоспоримых достоинствах творчества Саймака, мне бы хотелось отметить некоторые его слабости, свойственные, хотя и в разной степени, многим западноевропейским и американским литераторам.

Нам, писателям, пользующимся методом социалистического реализма, часто бросают упрек: вы видите будущее как бы в замороженном состоянии — грандиозный, сверкающий голубизною айсберг, который вы называете коммунизмом.

Эти упреки — свидетельство чисто механистического, а не диалектического подхода! Мы действительно считаем, что коммунизм как социальная формация является наиболее совершенной. Но это вовсе не означает, что наше представление о коммунизме абсолютное и, следовательно, неизменное. Мы видим будущее

общество в его непрерывном и бесконечном движении и вовсе не намерены заключать грядущее в жесткие рамки уже достигнутого. Мы твердо убеждены, что за хорошим последует лучшее, за лучшим — еще более совершенное. «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса, как на нечто законченное и неприкосновенное, — писал Ленин; — мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни»¹.

И наши споры с американскими коллегами приобретают скорее философский, нежели социологический характер. Все ли вечно и неизменно под звездами?

В одной из своих статей Айзек Азимов заявил, что современной американской научной фантастике вообще не свойственна идея социальных преобразований, так как, по его словам, «наши писатели-фантасты серьезно сомневаются в том, что какое-либо новое общество будет лучше... что какие-либо приемлемые преобразования автоматически приведут к утопиям». Еще более определенно высказался на этот счет другой американский писатель, Мак-Рейнольдс, называющий себя в фантастике социологом-экспериментатором (в разные годы им опубликованы повести и рассказы о мире будущего, основанном на анархизме, технократии, социализме, коммунизме, синдикализме, «промышленном феодализме», государственном капитализме). Полемизуя с советскими критиками, он писал: «Очевидно, что когда писатели-фантасты основываются на данных из области политической экономии, то им легче представить себе антиутопии, нежели совершенное общество будущего. На каждое произведение типа «Взгляд

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 191.

назад» Беллами приходится несколько произведений типа «1984 год» Оруэлла. Одна из причин этого, возможно, заключается в том, что современные социальные учреждения настолько совершенны, что всякое изменение их может быть только в худшую сторону».

Если внимательно следить за современной, конечно только серьезной, американской фантастической литературой, придется признать, что Азимов и Мак-Рейнольдс правы в одном — произведения с конструктивным подходом к будущему, произведения, вселяющие надежду, что будущее будет иным, лучшим, нежели сегодняшний день, в ней начисто отсутствуют.

Надо, однако, полагать, что причина отсутствия социальных утопий в американской фантастике запятана гораздо глубже и имеет больше аспектов, нежели это кажется Мак-Рейнольдсу.

Далеко не все американские писатели убеждены в том, что «современные социальные учреждения настолько совершенны, что всякое изменение их может быть только в худшую сторону». Мы знаем, что именно современные социальные учреждения и так называемый американский образ жизни подвергаются суровой и нелিপеприятной критике в произведениях Рэя Бредбери, Фредерика Пола, того же Азимова, ну и, конечно, Клиффорда Саймака. Но вот представить себе грядущее без всесильной власти денег, грядущее, освобожденное от страха перед безработицей, от жестокой конкуренции, — к благополучию пробивается лишь тот, у кого крепкие мускулы, — от материальной зависимости одного человека от другого, даже они, эти писатели-гуманисты, не хотят, а вернее, просто не могут. И именно из-за этого они в своих произведениях изображают статус кво «американского образа жизни» на Земле и через тысячу лет или переносят нас на какую-

нибудь планету в иной Галактике, отделенной от нашей десятками миллионов световых лет.

Не смог вырваться из плена привычных социальных представлений и Саймак. Он совершает путешествия по времени и пространству в заезженном, сильно потертом седле.

Представьте себе время, когда люди будут жить не только на Земле, но и завладеют территориями, отстоящими друг от друга на полмиллиона световых лет... А жажда стяжательства у них останется неизблемой. «В данном случае мы охотники, охотящиеся не за золотом, рабами или мехами, а за тем, что попадется. Иногда мы возвращаемся с пустыми руками, а иной раз с трофеями. В конце концов, обычно оно так и выходит — получается что-то вроде среднего жалованья. Но мы продолжаем совершать набеги, надеясь на счастливый случай, который сделает нас миллиардерами» (рассказ «Куш»).

«Ведь уже прошло двести лет, как предки Купера в числе первых улетели осваивать Марс» («Специфика службы»).

Итак, прошло уже двести лет с той поры, как часть землян перебралась на Марс и превратила его в весьма благоустроенную и совершенно самостоятельную колонию Земли. Но мы сегодня еще не добрались и до Луны, а не только до Марса! Значит, события, происходящие в рассказе «Специфика службы», отнесены Саймаком примерно на триста лет вперед. И тем не менее: «Пометка в трудовой книжке, выговор в личном деле — все что требуется, чтобы погубить карьеру человека, навсегда сокрушить все надежды и обречь... на изгнание на чужой планете». Или так: «Тесная, скверная комнатка. И дешевая. Настанет день, когда ему даже такая будет не по карману. Деньги на исходе,

и, когда последние уйдут, придется искать работу, любую работу».

Перед нами рухнувшая карьера, угроза безработицы, вечная проблема, где достать денег, — и это через триста лет, на Земле и на Марсе! Человек далекого будущего во власти железной долларовой хватки, она душит, душит, душит...

А в прелестном, с горьким привкусом опавших осенних листьев рассказе «Через речку, через лес», который я ставлю в один ряд с лучшими лирическими новеллами Бредбери, мы читаем: «...не думаю, чтобы из твоего плана что-нибудь вышло. Не успеем. Враг осадил нас, нам просто не хватит времени».

Значит, опять война! Безжалостная, всесокрушающая война, от которой можно укрыться разве что... в прошлом.

Инженер Форбс, служащий в *Управлении времени*, с лихорадочной поспешностью отправляет своих детей Пола и Элен на ферму к их прапрапращурам, в конце XIX века. «Подумай, — пишет инженеру его брат Джексон, — какое смятение ты внесешь в души этих двух добрых людей, когда они поймут, в чем дело. Они живут в своем тихом мирке, спокойном, здоровом мирке. Веяние нашего безумного века разрушит все, чем они живут, во что верят». А вот последние строки письма: «Если я успею все здесь закончить и выберусь отсюда, я буду с тобой, когда придет конец».

Вот и выходит, что Саймаку завтрашний день представляется «западной будущего», в которой заперты «бедные люди, бедные испуганные дети», т. е. таким же, а может, и еще худшим, нежели в представлении среднего американца, выглядит сегодняшний день с расширяющейся войной во Вьетнаме, чугунной тяжестью налоговых сборов, неурядицами на бирже,

искусственно взращиваемым страхом перед термоядерным побоищем и т. д. и т. п. Этот порок или, скажем мягче, привычка моделировать будущее посредством стандартного трафарета — сегодняшней американской действительности — является общим для огромного большинства американских писателей-фантастов, и в частности для Саймака.

Но несмотря на просчеты Саймака в области социологии, мы в его лице имеем дело с большим и интересным писателем, который твердо и последовательно отстаивает свои убеждения.

Тут прежде всего следует остановиться на гипотетической проблеме осуществления контакта землян с представителями инопланетных цивилизаций.

Если в рассказе «Встреча на Меркурии» (первом произведении Саймака, переведенном на русский язык) взаимопонимание между людьми, оказавшимися на Меркурии, и аборигенами — сгустками энергии, напоминающими разноцветные воздушные шары, — оставляло желать лучшего, то уже в повести «Необъятный двор» (премия Хьюго за 1958 год) писатель намечает пути осуществления делового контакта между землянами и пришельцами. Пути эти лежат в сфере взаимовыгодной торговли, обмена информацией и т. п. Одним словом — мирное сосуществование!

Следует подчеркнуть, что практическое осуществление контакта Саймак, как правило, поручает простым американцам, таким, как механик Хайрам Тэн («Необъятный двор») или фермер Бейлз («Операция «Вонючка»»). Но лишь только в дело вмешиваются важные господа — представитель ООН или полковники и генералы из Пентагона, — все летит к чертям и сосуществование оказывается под ударом. Писатель явно не верит в добрую волю «власть предержащих» и не

скупится на резкие пронические эпитеты и характеристики.

Стоит сказать несколько слов и о рассказе «Денежное дерево», опубликованном в «Искателе», но не вошедшем в этот сборник.

В нем фигурируют инопланетные пришельцы — роллы и простой американский парень Чак Дойл. Роллы по совету бизнесмена Меткалфа стали выращивать фантастические «денежные деревья», думая тем самым осчастливить человечество. Но поняв, что Меткалф их обманул, попросту прикармавив выращенные ими доллары, пришельцы покидают Землю.

Чак Дойл, случайно присутствовавший при отлете корабля роллов, с горечью думает: «Если бы им встретился не Меткалф, а кто-нибудь другой, кто думает не только о долларах, теперь по всей Земле могли бы расти рядами деревья и кусты, дающие человечеству все, о чем оно мечтает... средства от всех болезней, настоящие средства от бедности и страха. И, может быть, многое другое, о чем мы еще и не догадываемся... Он продолжал путь, думая о том, что надежды человечества так и не сбылись, разрушенные жадностью и злобой».

Так веселый, полный крепкого простонародного юмора рассказ внезапно набирает силу и подводит читателя к совсем невеселым обобщающим выводам: жадность и злоба разрушают надежды человечества.

О несбывшихся надеждах думает Чак Дойл. Хочется верить, что точно так же думает и сам автор рассказа. И вовсе не потому, что этого требует созданная им ситуация. Саймак не принадлежит к тем мастерам фантастического жанра, которые, не имея собственной точки зрения, заставляют своих героев размышлять и высказываться в соответствии с сюжетной шпаргалкой.

Писатель вновь и вновь настойчиво возвращается к вопросу о гипотетических контактах с разумными существами иных миров. И всякий раз, будь то роман «Пересадочная станция», или юмористические рассказы «Операция «Вонючка» и «Пыльная зебра», или полный печальных раздумий «Детский сад», Саймак утверждает, что право на осуществление контакта принадлежит не политическим боссам, не воротилам пз Пентагона и не представителям элиты, а простым людям, все еще не добившимся счастья на Земле.

«Детский сад» требует более тщательного разбора.

Как встретило правительство США появление пришельцев, которые щедро раздавали людям подарки, мгновенно прекратили эпидемию полиомиелита, вылечили умирающего от рака Питера Шайе?

Прежде всего попытались сбросить атомную бомбу на здание, возводимое чужаками... Встретили их огнем тяжелой артиллерии, танковыми атаками, сосредоточением всех родов войск в районе, где были обнаружены чужаки.

Правда, смертоубийственная техника землян не смогла нанести даже незначительный ущерб гигантскому зданию, окруженному каким-то защитным полем или непроницаемой прозрачной стеной. Но агрессивные действия правительства США были налицо. И они вызвали всеобщее осуждение: «Во многих столицах все чаще высказывается мнение, что здание — предмет заботы не одной лишь Америки, что все решения относительно него должны приниматься на международном уровне. Попытка разбомбить здание вызвала сомнение в том, что наша страна, на территории которой оно находится, способна действовать спокойно и беспристрастно».

Тут невольно вспоминается недавнее высказывание известного американского обозревателя Уолтера Липмана. Говоря о порочности политики США в Азии, он справедливо замечает: «...мы можем мирно сосуществовать лишь в том случае, если откажемся от мессианской мании величия, т. е. от манильского безумия».

Не говорит ли о том же, пусть в аллегорической форме, и Клиффорд Саймак?! Ведь нам отлично известно, что современная научная фантастика как в зеркале отражает тревоги и заботы человечества. Не следует ли поставить знак равенства между воображаемым контактом людей с разумными существами иных звездных систем и мирным сосуществованием разных стран и народов на нашей старой планете?!

Писатель в рассказе «Детский сад» не слишком почитителен по отношению к правительству США и его военным кругам, в данном случае полковникам и майорам разведки, пытающимся установить «контакт» с чужаками на свой лад. Тем, кто пугает и одновременно боится сам, дорога в величественное здание, воздвигнутое пришельцами, заказана! В него войдут Питер Шайе, дочь бедного фермера Мери Маллет, солдат, понявший, что «войне конец», и многие другие, не потерявшие надежды.

«Все идет хорошо, — говорит Мери. — Была эпидемия, теперь ее нет. Армия разбита без единой жертвы. Атомной бомбе не дали взорваться. Разве не так, Питер? Они уже меняют наш мир к лучшему. Рак и полиомиелит исчезли, а с этими двумя болезнями человек боролся долгие годы и никак не мог победить. Войне конец, болезням конец, атомным бомбам конец — чего мы не могли сделать сами, они сделали за нас».

Человечеству теперь предстоит учиться в университете, который создан пришельцами. Но начинать надо

с первого этажа — а в здании их тысяча! — с *детского сада*, с курса обучения тому, как навсегда освободиться от страха, подозрительности и недоверия.

Между прочим, знаменитый английский астрофизик Фред Хойл в своих лекциях, прочитанных в Вашингтонском университете, утверждает примерно то же самое, что и Саймак. Говоря о пока еще не известной землянам форме связи, существующей между высокоразвитыми цивилизациями в космосе, он замечает: «Я думаю, что уже имеется миллион или более подписчиков на галактическую телефонную книгу. Важнейшая наша проблема — подписаться на нее, то есть стать абонентами этой связи. Когда мы это сделаем, то очутимся лишь у основания лестницы, и я подозреваю, что положение человечества будет тогда напоминать положение ребенка, первый раз пришедшего в *детский сад*».

Тут можно было бы немного поспорить и с писателем, и с ученым. Стоит ли терпеливо ждать манны небесной — мудрых посланцев безмерно далекой звезды, может быть, тех самых, кто создал на своей планете Галактический университет для всех видов разумных существ, имеющих разные мировоззрения и способности? (Рассказ «Куш».)

Может быть, более гуманно помочь людям самим разобраться в своих делах и навести порядок во вселенском доме, родном, зелено-голубом, невыразимо прекрасном? Помочь и добрым советом, и активным сопротивлением злобе, несправедливости, жадности и недоверию, всему, что до сих пор мешает простым людям свободно и легко дышать!

Ведь в отличие от многих собратьев по перу Саймак не утратил веры в Разум человечества! Об этом свидетельствует необыкновенно впечатляющий и эмоциональный рассказ «Поколение, достигшее цели»,

одно из самых значительных произведений американской фантастики за последние годы.

Более тысячи лет сквозь черно-звездный океан Вселенной несется Корабль, построенный людьми. Уже сорок поколений сменилось на Корабле. Люди давно забыли свою цель и создали Миф о единственно надежном и неподвижном мире — Корабле, вокруг которого текут и рассыпаются звезды.

Корабль стал для его обитателей примерно тем же, чем была Земля для древних вавилонян, — твердью в центре Вселенной, вокруг которой движутся звезды, освещающие и согревающие ее.

Примитивная Вера и столь же примитивный на первый взгляд закон спланировали и успокаивали людей в процессе медленной смены поколений. Закон, которому они подчинялись, преследовал определенные задачи. «Каждый закон должен иметь разумный смысл, — говорит старик Джошуа, — иначе он не нужен».

Герой рассказа — Джон Хофф, единственный из обитателей Корабля, которому в конце концов откроется цель полета и станут доступны знания, необходимые для управления Кораблем. Джон Хофф, обвиненный в ереси, потерявший друзей и выпущенный стать убийцей, первым поймет, что могучий Разум человечества вот уже более тысячелетия ведет Корабль к цели и незримо направляет поступки людей. «Это было предусмотрено на Земле, — говорит Хофф жене. — Каждый шаг был предусмотрен. Они предусмотрели состояние невежества — единственно возможное для того, чтобы люди перенесли полет. Они предусмотрели ересь, которая сохранит знания. Они сделали Корабль таким простым, что любой может им управлять. Они смотрели в будущее и предвидели все, что должно

случиться. Их планы в любой момент опережали события».

К рассказу «Поколение, достигшее цели» примыкает по своему внутреннему настрою и небольшая новелла «Отец-основатель».

Написана она в совсем иной манере, опять-таки родственной, пожалуй, лирике Бредбери, но и в ней та же отчетливо проступающая мысль автора. Герой новеллы Уинстон-Кэрби, так же как и Джон Хофф, становится проводником Разума человечества. Он понимает, что столетнее путешествие в глубины космоса, которое ему пришлось совершить, — это «еще один прорыв, еще одна победа маленького неумного мозга, стучавшегося в двери вечности». И во имя этой высокой цели можно и должно перенести любые трудности, неудобства.

Я не задавался целью разобрать все рассказы Саймака, включенные в сборник. В частности, я ничего не сказал о рассказах «Прелесть» и «Сделай сам», в которых в блистательном юмористическом ключе ставится одна из самых злободневных проблем мировой научно-фантастической литературы — человек и робот.

Я лишь проследил тенденции творчества Саймака и, так как их истоком является вера писателя в Разум человека и человечества, полагаю, что знакомство с этим честным и талантливым американским писателем полезно продолжить.

Клиффорд Саймак представлен в настоящем сборнике и как превосходный юморист, и как тонкий лирик, и как гуманист, обеспокоенный судьбами мира и способный на глубокие философские раздумья и обобщения.

Вл. Дмитриевский

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Поколение, достигшее цели.</i> Перевод А. Иорданского	5
<i>Через речку, через лес.</i> Перевод Л. Жданова	61
<i>Отец-основатель.</i> Перевод Д. Жукова	72
<i>Специфика службы.</i> Перевод Л. Жданова	87
<i>Прелесть.</i> Перевод Д. Жукова	100
<i>Пыльная зебра.</i> Перевод Д. Жукова	154
<i>Операция „Вонючка“.</i> Перевод Н. Евдокимовой	190
<i>Куш.</i> Перевод Д. Жукова	234
<i>Детский сад.</i> Перевод Д. Жукова	286
<i>«Сделай сам».</i> Перевод Д. Жукова	346
В. Дмитриевский. <i>«Когда вера в разум не потеряна»</i>	399

К. Саймак

ПРЕЛЕСТЬ

Редактор Е. Ванслова
Художник А. Добрицын
Художественный редактор Ю. Л. Максимов
Технический редактор Т. П. Мирошина
Корректор В. И. Беделё

Сдано в производство 20/XII 1966 г. Подписано к печати 6/IV 1967 г.
Бумага 70×108¹/₃₂=6,44 бум. л., 18,03 печ. л., уч.-изд. л. 16,65 Изд. № 12/4000
Цена 85 коп. Зак. № 461
Тематический план 1967 г. изд-ва «Мир», пор. № 207

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой
Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР,
Измайловский проспект, 29

Цена 85 коп.

**В 1968 году в серии
„Зарубежная фантастика“
выйдут книги:**

Г. Каттнер. Сборник научно-фантастических рассказов, перевод с английского, 15 л.

К. Саймак. „Все живое...“, перевод с английского, 15 л.

„С улыбкой...“

Сборник юмористических рассказов писателей-фантастов разных стран, 16 л.

„Гости в стране фантазии“. Сборник фантастических произведений писателей-нефантастов, 16 л.

